

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

НАЗИМ МУЗАФФАРЛИ

**СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ
ЭКОНОМИКИ
В ПРАВИСТСКИХ И ЛЕВИСТСКИХ СИСТЕМАХ**

Назим Музаффарли (Иманов)

Социальная ориентированность экономики в правистских и левистских системах
Баку, Издательский Дом Шарг-Гарб, 2014, 280 стр.

ISBN 978-9952-505-23-8

Научный редактор: Эльдар М. Исмаилов,
Иностраный член Национальной Академии Наук Грузии,
профессор, директор Института Стратегических
Исследований Кавказа

Книга посвящена современным правистским и левистским политико-экономическим идеологиям, идентифицируемым по их отношению к роли государства в социально-экономических процессах. Предложены новые индексы, которые позволяют измерить степень левизны-правизны экономики, проанализированы корреляционные зависимости между левизной-правизной экономики и ее социальной ориентированностью.

Автор надеется, что идеи и рекомендации, сформулированные в книге, будут интересны и полезны для экономистов и политиков, экспертов-обществоведов широкого профиля.

Памяти Бабека

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отступления, таблицы, шкалы и диаграммы	8
Постановка проблемы (Вместо введения)	13
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Политико-экономические идеологии:	
правые и левые	17
1.1. Государственная собственность и основанное на ней государственное предпринимательство	22
1.2. Перераспределение доходов налогами	27
1.3. Социальные программы	33
1.4. Регулирование цен	36
1.5. Планирование экономики	41
1.6. Внешняя торговля	44
1.7. Дилемма: благоприятная бизнес-среда или социальная защита?	49
1.7.1. Простота (сложность) найма и увольнения	50
1.7.2. Государственное регламентирование рабочего времени	51
1.7.3. Законодательное утверждение минимальной заработной платы	54
1.8. Точки соприкосновения	57
1.8.1. Эксплуатация детского труда	57
1.8.2. Неформальная экономика	58
1.8.3. Прозрачность экономики	60
1.9. Носители правой и левой идеологий	65
1.10. Три заключительных суждения	74
1.10.1. Суждение первое	74
1.10.2. Суждение второе	77
1.10.3. Суждение третье	79
ГЛАВА ВТОРАЯ. Левизна и правизна экономики	81
2.1. Соотношение государственного и частного секторов	82
2.2. Налоговое бремя и социальные программы	89
2.2.1. Налоговое бремя предприятий	91
2.2.2. Индекс свободы от налогов	95

2.2.3. Подоходный налог	100
2.2.4. Удельный вес бюджетных доходов и расходов в ВВП	105
2.2.5. Доля социальных расходов в государственном бюджете	111
2.3. Свобода цен и регулируемые цены	116
2.3.1. Свобода цен	116
2.3.2. Индекс монетарной свободы	119
2.4. Планомерность и стихийность	123
2.5. Свобода внешней торговли и защита внутреннего рынка	128
2.5.1. Внешнеторговые процедуры	130
2.5.2. Свобода внешней торговли	135
2.5.3. Участие в международной торговле (Индекс экономической цены импорта).....	139
2.5.4. Индекс свободы торговли	142
2.6. Лицензирование	144
2.7. Экономическая самостоятельность предпринимателя и прямая социальная защита работника	150
2.7.1. Регулирование занятости	151
2.7.2. Уровень минимальной заработной платы	156
2.8. Измерения по «нейтральным» критериям	162
2.8.1. Измерение неформальной экономики	164
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Индекс левизны (правизны) экономики	169
3.1. Общие суждения	169
3.2. Субиндексы	172
3.2.1. Субиндекс государственных финансов	173
3.2.2. Субиндекс социальных расходов	175
3.2.3. Субиндекс регулирования цен	177
3.2.4. Субиндекс внешней торговли	178
3.2.5. Субиндекс лицензирования	179
3.2.6. Субиндекс регулирования занятости	180
3.2.7. Субиндекс минимальной заработной платы	181
3.3. Интегральный индекс (в двух вариантах)	185
3.3.1. Первый вариант	185
3.3.2. Второй вариант	188
3.3.3. Два промежуточных вывода	190
3.4. Критерий оптимальности Индекса левизны (правизны) экономики	191

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Социальная ориентированность левых и правых экономик	199
4.1. Суть социальной ориентированности	199
4.2. Левизна-правизна экономики и общественное благосостояние ...	204
4.2.1. Сопоставление с уровнем экономического развития	204
4.2.2. Сопоставление с национальным доходом	206
4.2.3. Сопоставление с уровнем безработицы	207
4.2.4. Сопоставление со средней заработной платой	211
4.2.5. Сопоставление с потреблением	213
4.3. Левизна-правизна экономики и общее социальное развитие	215
4.3.1. Сопоставление с удовлетворением базовых потребностей населения	216
4.3.2. Сопоставление с субиндексом базовых условий общественного благополучия	220
4.4. О двух факторах, усложняющих зависимость социальной ориентированности экономики от государственных социальных программ	223
4.4.1. Фактор времени	223
4.4.2. Эффективность социальных программ	225
4.5. Левизна экономики под прикрытием ее социально-ориентированности	229
ГЛАВА ПЯТАЯ. Равновесие между экономическим и социальным развитием	233
5.1. Концептуальная основа	233
5.2. Экономическое развитие, социальное благополучие и «общественные болезни сытости»	239
5.2.1. Повышение материального благосостояния и образование	245
5.2.2. Экономическое развитие, повышение материального благосостояния и здоровье населения	253
5.2.3. Другие компоненты культуры (материальная культура, спорт и физическая культура, культура поведения)	257
5.3. Перспектива	258
5.3.1. Общественная ответственность за социальное развитие	258
5.3.2. Нефтяной фактор в социально-экономическом программировании	264
5.3.3. Другие допущения	267
5.3.4. О целях социально-экономического развития до 2035 года	270

ОТСТУПЛЕНИЯ, ТАБЛИЦЫ, ШКАЛЫ И ДИАГРАММЫ

Отступления

<i>Первое отступление. О традиции разделения политических партий на левые и правые</i>	19
<i>Второе отступление. Левистские меры правого премьер-министра</i>	23
<i>Третье отступление. Измерение благотворительности</i>	28
<i>Четвертое отступление. К истории прогрессивного налогообложения</i>	31
<i>Пятое отступление. Гарантирование цены на основе частной инициативы</i>	37
<i>Шестое отступление. «Главные левисты и прависты» XX века по свободе ценообразования</i>	39
<i>Седьмое отступление. О методах прямого вмешательства в экономику в США</i>	43
<i>Восьмое отступление. Регулирование рабочего времени: несколько примеров из истории</i>	52
<i>Девятое отступление. Международные союзы политических партий</i>	67
<i>Десятое отступление. Дебаты в США по налоговой реформе</i>	94
<i>Одиннадцатое отступление. Из истории либерализации цен в Азербайджане</i>	122
<i>Двенадцатое отступление. О формальной и реальной ситуации в области регулирования занятости в Азербайджане</i>	157
<i>Тринадцатое отступление. Особенности установления минимальной заработной платы в отдельных странах</i>	160
<i>Четырнадцатое отступление. О зависимости показателей, исчисляемых на основе социологических опросов, от национального менталитета</i>	162
<i>Пятнадцатое отступление. Подиндекс доступности питания и базового медицинского обслуживания Азербайджана</i>	217

<i>Шестнадцатое отступление. Подиндекс доступности начального образования Азербайджана</i>	221
<i>Семнадцатое отступление. Взаимотяготение сфер общественной жизни: примеры из истории</i>	237
<i>Восемнадцатое отступление. Об одном симптоме общественной болезни сытости</i>	244
<i>Девятнадцатое отступление. Об эффективном управлении государственными инвестиционными проектами</i>	260

Таблицы

Таблица 1. Удельный вес частного сектора в ВВП некоторых стран (ЕБРР, 2010 г., в %)	83
Таблица 2. Удельный вес частного сектора в ВВП некоторых стран (ОЭСР, 2007 г., в %)	86
Таблица 3. Удельный вес занятых на государственных предприятиях в общей численности занятого населения (выборочные страны, 2008 г., в %)	88
Таблица 4. Налоговое бремя предприятий в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г., в %)	92
Таблица 5. Индекс свободы от налогов в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)	96
Таблица 6. Ставки пропорционального подоходного налога (2013 г., в %)	100
Таблица 7. Абсолютный и относительный размеры необлагаемого налогом личного дохода (2013 г.)	102
Таблица 8. Индекс Джини до и после вычета налогов и трансферов (некоторые страны ОЭСР, 2011 г.)	104
Таблица 9. Удельный вес бюджетных расходов в ВВП в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г. и прогноз на 2019 г., в %)	107
Таблица 10. Удельный вес социальных расходов государственного бюджета в общем объеме бюджетных расходов в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2012-2013 гг.)	113
Таблица 11. Свобода цен в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2009 г.)	118
Таблица 12. Индекс монетарной свободы в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)	120

Таблица 13. Внешнеторговые процедуры в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)	131
Таблица 14. Свобода внешней торговли в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2011 г.)	136
Таблица 15. Индекс экономической цены импорта в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)	141
Таблица 16. Индекс свободы торговли в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)	142
Таблица 17. Индекс простоты лицензирования в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)	148
Таблица 18. Регулирование занятости в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2009 г.)	153
Таблица 19. Минимальная заработная плата в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2012 г.)	159
Таблица 20. Удельный вес теневой экономики в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2007 г., в % от официального ВВП)	165
Таблица 21. Прогресс в области формализации теневой экономики в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (1999-2007 гг., разница в долях в ВВП, %-ные пункты)	167
Таблица 22. Индекс левизны (правизны) экономики в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (Первый вариант)	186
Таблица 23. Индекс левизны (правизны) экономики в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (Второй вариант)	188
Таблица 24. Безработица в государствах ВЕЦА (2012 г., в %)	209
Таблица 25. Количество легковых автомобилей на 1 000 человек и ВВП на душу населения в некоторых государствах ВЕЦА и развитых странах (2011 г.)	214
Таблица 26. Расходы на здравоохранение в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2012 г.)	227
Таблица 27. Индекс образования в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)	247
Таблица 28. Прогнозы и нормативно-целевые ориентиры социально-экономического развития Азербайджана (2020-2035 гг.)	275

Шкалы

Шкала 1. Левизна-правизна экономики по субиндексу государственных финансов (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)	174
Шкала 2. Левизна-правизна экономики по субиндексу социальных расходов (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)	176
Шкала 3. Левизна-правизна экономики по субиндексу регулирования цен (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)	177
Шкала 4. Левизна-правизна экономики по субиндексу регулирования внешней торговли (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)	179
Шкала 5. Левизна-правизна экономики по субиндексу лицензирования (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)	180
Шкала 6. Левизна-правизна экономики по субиндексу регулирования занятости (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)	181
Шкала 7. Левизна-правизна экономики по субиндексу минимальной заработной платы (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)	182
Шкала 8. Индекс левизны (правизны) экономики (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны). Первый вариант	187
Шкала 9. Индекс левизны (правизны) экономики (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны). Второй вариант	189

Диаграммы

Диаграмма 1. Отношение минимальной заработной платы к средней по стране (Северная Европа, 2010-2011 гг., в %)	184
Диаграмма 2. ИЛ(П)Э и кумулятивная динамика реального ВВП в 2010-2013 годах в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (по ППС, 2009 г. = 100, в %)	193
Диаграмма 3. ИЛ(П)Э и ВВП на душу населения в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах	204
Диаграмма 4. ИЛ(П)Э и ОНД на душу населения в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах	206
Диаграмма 5. Субиндекс регулирования занятости и уровень безработицы в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах	210
Диаграмма 6. ИЛ(П)Э и средняя месячная заработная плата в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах	212

<p>Диаграмма 7. ИЛ(П)Э и субиндексы удовлетворения базовых потребностей в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах</p>	219
<p>Диаграмма 8. ИЛ(П)Э и субиндексы базовых условий общественного благосостояния в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах</p>	222
<p>Диаграмма 9. Рост ВВП на душу населения в государствах ВЕЦА (по ППС, тыс. межд. долл., 1995-2013 гг.)</p>	240
<p>Диаграмма 10. Национальный доход на душу населения и индекс образования в государствах ВЕЦА (1990, 2005 и 2013 гг.)</p>	251
<p>Диаграмма 11. Национальный доход на душу населения и индекс здоровья в государствах ВЕЦА (1990, 2005 и 2013 гг.)</p>	254
<p>Диаграмма 12. Индекс эффективности государственных инвестиций и его субиндексы (2010 г.)</p>	261
<p>Диаграмма 13. Динамика роста среднего класса в Азербайджане (2009-2013 гг., в %)</p>	272
<p>Диаграмма 14. Прогнозы ВВП на душу населения Азербайджана и разница между ними (2014-2019 гг.)</p>	274

Постановка проблемы (Вместо введения)

Конституция Азербайджанской Республики квалифицирует экономическую систему страны как основанную на рыночных отношениях социально-ориентированную экономику (Статья 15.2). Понятие социально-ориентированной рыночной экономики имеет весьма широкое хождение и означает, что экономическая система базируется на рыночных механизмах саморегулирования, а государство для того, чтобы защитить население от чрезмерного материального неравенства и иных негативных последствий несовершенства рынка, проводит активную социальную политику, направленную на повышение общественного благосостояния и справедливое, как оно считает, распределение доходов.

Первоначальной версией данного понятия является «социально-рыночная экономика», введенная в политико-экономический лексикон немецким экономистом А.Мюллером-Армаком в 1946 году.* Принято считать, что концепция социально-рыночной экономики стала теоретической основой Западногерманского послевоенного «экономического чуда». К.Аденауэр, первый Федеральный канцлер ФРГ, определял социально-рыночную экономику как смешанную экономику, как капитализм, «смягченный» целями общественного благополучия и христианско-католическим милосердием.

Семантически определение «социально-ориентированный» означает «нацеленный на решение социальных проблем», «работающий на

---

* Англ. – *Social market economy*, нем. – *Soziale marktwirtschaft*, азерб. – *Sosial bazar iqtisadiyyati*. Автором идеи был Л.Эрхард – министр экономики (позднее – Федеральный канцлер) ФРГ.

общество». Используя это определение перед термином «рыночная экономика» в конечном итоге имеют в виду то, что экономика функционирует не для себя или для какой-либо социальной группы, а для всего общества, во имя благосостояния всех граждан, что создаваемыми ею благами могут воспользоваться все члены общества.

Как в теоретической, так и в практической плоскости проблема осложняется тем, что на самом деле все государства и, независимо от исповедуемой политико-экономической идеологии, все политические группы своей конечной целью объявляют именно рост общественного благополучия. Просто, по одному из двух доминирующих в мире политико-экономических учений, кратчайший и наиболее правильный путь к достижению этой цели пролегает через активное государственное регулирование, а по другому – через саморегуляцию экономики. Естественно, что существуют глубокие различия и между тем, как в этих двух учениях интерпретируется общественно-экономическая справедливость. Приверженцы второго верят в то, что рыночная саморегуляция является кратчайшим и наиболее эффективным путем достижения справедливого социального благосостояния. С учетом этого постулата они могут утверждать (и утверждают), что свободная, либеральная рыночная экономика как раз и есть самая социально-ориентированная экономика. После этого все понятия утрачивают свой первоначальный смысл, точнее – вообще теряют смысл, т.е. отпадает сама необходимость в их существовании.

На самом деле эти понятия, конечно же, не бессмысленны, напротив, они исключительно важны для политико-экономических исследований, анализа, сравнения и классификации современных политико-экономических идеологий и экономических систем.

Целью этой книги является доказательство того, что:

- ... в основе управления современной экономикой лежит противостояние между двумя политико-экономическими школами – учениями левого и правого толка. Вместе с тем, левизной и правизной характеризуются не только мировоззрения, но и реальные экономические системы, т.е. сама экономика тоже может быть и бывает левой или правой.

- ... в современном научном и политическом лексиконе при использовании понятий «социально-ориентированная экономика», «социальная рыночная экономика» и других терминов этого рода, на самом деле подразумевают «экономику левого толка».
- ... левизна-правизна экономики может быть выявлена на основе фактического уровня определенных форм государственного вмешательства в экономику. Левизна-правизна экономики может и должна быть оценена по каждому из показателей, характеризующих эти формы государственного вмешательства.
- ... общая (интегральная) левизна-правизна экономики измеряема и ее вполне можно оценить с помощью предлагаемого в этой книге Индекса левизны (правизны) экономики.
- ... экономика, «не являющаяся» социально-ориентированной, т.е. экономика правого толка, может быть и во многих случаях действительно является более социально-ориентированной, чем экономика, формально называемая «социально-ориентированной».
- ... отказ от либеральных реформ «во имя социальной ориентированности» является ошибочной политикой.

* * *

Книга написана на основе доклада, который был представлен на III Бакинском Гуманитарном форуме в 2013 году. Эти ежегодные Форумы проводятся по совместной инициативе президентов Азербайджана и России. Они организуются на высоком уровне, с участием всемирно известных политиков и ученых. Идеи, которые были высказаны автором на III Форуме, вызвали напряженную дискуссию, что еще раз подтвердило их актуальность для обществоведов. С того времени, и общая идея доклада, и многие рассмотренные в нем частные вопросы не переставали быть темой обсуждений и дебатов, которые мы проводили с коллегами. Эти дискуссии сыграли важную роль в том, какой эта книга предстает перед Вами.

В первую очередь хочу выразить свою глубокую благодарность Эльдару М. Исмаилову – директору Института Стратегических Исследований Кавказа. Многие идеи, высказанные в этой книге, появились на свет в ходе научных бесед, которые мы вели на протяжении последних 30 лет. Выражаю глубокую признательность коллегам по Институту Экономики Национальной Академии Наук Азербайджана – Аллахъяру Мурадову, Расмийе Абдуллаевой, Гюльшан Юзбашиевой, Маису Гюльалыеву, Фергане Мусаевой, Эмину Мамед-заде и Руфату Эфендиеву, а также коллегам по Институту Стратегических Исследований Кавказа – Мазахиру Садыхову, Акифу Абдуллаеву и Кенану Аллахвердиеву за ценные мысли, высказанные после прочтения рукописной версии книги.

Особая благодарность Бахрузу Ахмедову – молодому экономисту, выполнившему вспомогательную аналитическую работу.

Предполагая, что некоторые идеи этой книги вызовут неоднозначные оценки и новые дискуссии, заранее выражаю признательность всем коллегам, с которыми предстоит вступить в творческие дебаты.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Политико-экономические идеологии: правые и левые

Демократическое устройство общества, как известно, основывается на соперничестве политических групп (в первую очередь, политических партий), проповедующих различные системы общественных ценностей. Одной из наиболее популярных среди ныне используемых классификаций систем ценностных иерархий (а, следовательно, также и их носителей – политических партий и иных групп) является различие политико-экономических мировоззрений правого и левого толка.

Принципы разделения на правых и левых кардинально изменились со времени их возникновения в Европе. На начальном этапе (в период Великой Французской Революции) это разделение обуславливалось отношением к власти: правые боролись за абсолютную монархическую власть, а левые, наоборот, за ее ограничение. В первой половине XIX века разделительная линия проходила между монархистами и республиканцами, а во второй половине – между сторонниками сильной исполнительной власти (правые) и доминирования законодательства (левые).¹ Перенос разделения на правых и левых в плоскость философско-идеологического противостояния является продуктом XX века, а новизной, привнесенной во второй половине века, стало превращение экономических факторов в определяющий критерий этой классификации.

---

¹ Подробнее см.: A.Knapp, V.Wright. *The government and politics of France*. NewYork, Routledge, 2001.

В современном мире правизна и левизна расцениваются как противоборствующие политико-экономические мировоззрения. Принято считать, что на левом полюсе политико-экономического спектра располагаются коммунизм и анархизм, слева от центра – социализм и социал-демократия (лево-центризм), справа от центра – либерализм и консерватизм (право-центризм), а на правом полюсе – национализм и фашизм. Однако следует учитывать, что разделение на правых и левых может проводиться и по другим критериям, в том числе по конкретным вопросам текущей общественной жизни (к примеру, по смертному приговору, цензуре, какому-то военному конфликту, однополым бракам и т.д.). В этом случае классификация утрачивает свойство универсальности, т.е. можно выступать с правых позиций по одним вопросам, и с левых – по другим. Поэтому примерно с середины XX века при анализе политического спектра специалисты все чаще стали отказываться от двухмерных классификаций и использовать многомерные.

Что касается Азербайджана, то многопартийность и межпартийное соперничество в стране все еще находятся на стадии становления, и поэтому левизна и правизна часто интерпретируются неточно. В частности, одним из широко распространенных заблуждений является то, что политические партии, не представленные в правительстве, но, тем не менее, поддерживающие его (партии типа «не власть и не оппозиция»), называют себя центристскими. Нельзя интерпретировать правизну, левизну и, соответственно, центризм исходя из того, принадлежит ли партия к власти или к оппозиции. «Правизна-левизна» и «власть-оппозиция» – это классификации в двух совершенно разных измерениях политического спектра. Когда деятельность правительства базируется на правом мировоззрении, то поддерживающие его общественные организации, как правило, тоже исповедует правую идеологию. Точнее, в нормальной («правильной») политической системе «внешние» силы именно потому и поддерживают правительство, что придерживаются с ним идентичных (или достаточно близких) политико-экономических взглядов.

Иногда под правизной и левизной подразумевают склонность к интеграции с той или иной страной (группой стран), в частности, сторонников интеграции с Россией называют левыми, а с Западом – правыми. По-видимому, подобные утверждения указывают на живучесть тра-

ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

О традиции разделения политических партий на левые и правые

Традиция разделения политических партий на правые и левые, как уже отмечалось, зародилась в период Великой Французской Революции 1789-1792 годов. В тот период, чтобы предотвратить драки между сторонниками короля и революционерами в парламенте, первых рассаживали справа от председателя, а вторых – слева. Рассаживание депутатов от разных партий в определенном порядке в соответствии с их мировоззрением и текущими требованиями прижилось во Франции, а впоследствии, превратившись в традицию, распространилось в других европейских государствах и применяется до сих пор.

В настоящее время в Европейском парламенте депутатские фракции размещаются в следующей последовательности (слева направо, если смотреть со стороны председателя): Европейские Объединенные Левые и Лево-Зеленые Севера (левые), Прогрессивный Альянс Социалистов и Демократов (левоцентристы), Зеленые и Европейский Свободный Альянс (тоже левоцентристы, но ближе к центру, чем предыдущие), Альянс Либералов и Демократов за Европу (правоцентристы), Европейская Народная Партия (тоже правоцентристы, но дальше от центра, чем предыдущие), Европейские Консерваторы и Реформаторы (тоже правоцентристы, но еще дальше от центра, чем предыдущие), Европа за Свободу и Демократию (правые).

Даже беглый анализ политико-экономических требований этих фракций ясно показывает, что не места в парламенте определяют их разделение на правых и левых, наоборот, их места в парламенте определяются их позиционированием в политико-экономическом спектре общества, иными словами, их политико-экономическим мировоззрением.

диции, зародившейся в начале прошлого века: тогда самыми рьяными сторонниками интеграции с Россией (даже присоединения к ней) выступали коммунисты (левые), а позднее – большевики (крайне-левые). В наши дни в Азербайджане, как и прежде, лишь коммунистические

партии можно отнести к политическим группам, более или менее последовательно сотрудничающим со своими единомышленниками из России. Поскольку потенциальные государства-партнеры с Запада являются демократическими странами с рыночной экономикой, то, по первому впечатлению, именно правые должны были бы стремиться к сотрудничеству с ними. Между тем, выбор между различными интеграционными векторами, несомненно, не определяется местом политической партии в политико-экономическом спектре и не определяет его. Это ясно иллюстрируется хотя бы тем, как активно азербайджанские политические организации левого толка взаимодействуют с Западной социал-демократией.

Еще одним традиционным заблуждением можно считать увязывание разделения политических организаций на правые и левые с методами политической борьбы. Эта традиция также уходит корнями в прошлое. Известно, что в годы смены российско-царской империи советской империей, и в последовавшие за этим десятилетия вся политика большевиков (крайне-левых) строилась на терроре. Многие эксперты, а вслед за ними частично и общественное мнение, по инерции продолжают воспринимать политический экстремизм как свойство, неотъемлемо присущее левым. Хотя экстремизм может быть присущим обоим полюсам политического спектра – не только крайне-левым, но и крайне-правым. Это отчетливо проявилось, например, в сходстве между крайне-правыми (германскими фашистами) и крайне-левыми (советскими коммунистами) в годы Второй Мировой войны: в полную противоположность беспрестанно повторявшимся декларативным заявлениям о благе собственных народов и всего человечества, на самом деле и те, и другие ни во что не ставили человеческую жизнь и считали, что «цель» (расширение территории государства путем захвата чужих земель и порабощения других народов) оправдывает все средства по ее достижению, все шаги и все жертвы, в том числе человеческие. С этой точки зрения, методы политической борьбы – умеренность и экстремизм – уже хотя бы потому, что они могут быть присущи обоим полюсам политического спектра, не могут стать критерием для классификаций по левизне и правизне.

На самом деле, левизна и правизна – это, как уже отмечалось, вопрос политико-экономической идеологии. Главное различие между эти-

---

ми двумя мировоззрениями состоит в том, что они по-разному оценивают необходимый и достаточный уровень государственного вмешательства в общественную жизнь, и в первую очередь, в экономику: по сравнению с правыми, левые выступают за более широкое и жесткое вмешательство. В данном исследовании акцент в основном делается на вмешательство государства в экономику. Если смотреть на проблему под таким углом зрения, т.е. абстрагироваться от всех иных критериев, кроме государственного вмешательства в экономику, то становится очевидным, что нужно внести некоторые изменения в классификацию политико-экономических мировоззрений. К примеру, националисты, немногим ранее отнесенные к правому полюсу политического спектра, нередко придерживаются откровенно левых экономических взглядов.* Иначе говоря, по своему отношению к государственному вмешательству в экономику, националисты могут быть как правыми, так и левыми. Отнесение националистов к правым основывается больше на их политических убеждениях, чем экономических.

Теоретико-идеологическим фундаментом современного правого политико-экономического мировоззрения является неоклассицизм (неолиберализм), а левого – неокейнсианство.** Все прочие теории, по-

---

* Синтез левистских и националистических взглядов, который получил название левого национализма, характерен для многих политических организаций, активно функционирующих в разных странах. К ним, в частности, относится широко известный Африканский национальный конгресс (ЮАР). Среди политических организаций, проповедующих левый национализм, обычно выделяют в отдельную группу национально-освободительные движения, относя к ним, например, Левую республиканскую партию Каталонии (Испания), Шотландскую национальную партию (Великобритания), Демократический союз (Сирия) и другие.

** Главной идеей неоклассических и неолиберальных экономических теорий является то, что для достижения быстрого и эффективного развития экономики надо опираться на рыночные механизмы саморегуляции, на экономические свободы (в первую очередь, свободу ценообразования и конкуренции, свободное распределение доходов), и ограничить государственное вмешательство до минимально возможного уровня. Главной функцией государства является гарантирование этих свобод. В противоположность этим теориям, основная идея неокейнсианства сводится к тому, что саморегулирующаяся рыночная экономика обладает рядом серьезных недостатков, не может гарантировать комплексное и эффективное использование экономических ресурсов, порождает экономические кризисы, нечестную конкуренцию, общественную несправедливость и другие негативные последствия, и поэтому государство должно активно вмешиваться в общественную жизнь и, используя все доступные инструменты экономической политики, регулировать экономику.

строенные на том или ином подходе к государственному регулированию экономики, представляют собой видоизмененные варианты неоклассицизма и неокейнсианства, а иногда – различные комбинации их позиций по отдельным вопросам.

Ниже будут рассмотрены некоторые формы государственного вмешательства в экономику, представляющие интерес для данного исследования.

1.1. Государственная собственность и основанное на ней государственное предпринимательство

Под государственным предпринимательством имеют в виду, прежде всего, деятельность государственных предприятий (на коммерческой или некоммерческой основах) по производству товаров и услуг. Оно осуществляется на базе государственной собственности – принадлежащими государству производственными, сервисными, транспортными, строительными и прочими предприятиями, работающими как внутри страны, так и за рубежом. Эти предприятия представляют лишь часть государственной собственности. Любая коммерческая деятельность на основе экономических ресурсов, отнесенных к исключительной собственности государства (например, в Азербайджане – природных ресурсов), напрямую (если осуществляется государственным предприятием), либо опосредованно (если на каких-то условиях поручена частным компаниям) предполагает государственное предпринимательство. В принципе, это верно и для тех государственных предприятий, которые представляют здравоохранение, образование, науку, оборону и иные сферы этого рода. То обстоятельство, занимаются ли они коммерческой деятельностью (или как соотносятся их платные и бесплатные услуги), не меняет сути дела, хотя является еще одним предметом противостояния правых и левых.*

Государство, как правило, берет на себя производство тех продуктов и услуг, которые представляют социальную значимость, но из-за не-

---

* В тех отраслях, где коммерческая деятельность в принципе возможна, правые обычно выступают за расширение платных услуг (в том числе за счет бесплатных), а левые – бесплатных (в том числе, за счет платных). Этот выбор связан с их отношением к государственным социальным программам.

достаточной рентабельности или по каким-либо иным причинам не производятся частными компаниями.

ВТОРОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Левистские меры правого премьер-министра

Одной из основных отраслей горнорудной промышленности Великобритании является добыча каменного угля. В 1913 г. добыча достигла максимального объема, а затем начался упадок угольной промышленности, и в 1946 г. Парламент был вынужден принять закон о ее национализации. В ходе национализации бывшим собственникам угольных бассейнов и шахт была выплачена компенсация в размере 229 млн. фунтов стерлингов, еще 520 млн. фунтов стерлингов было израсходовано на реконструкцию шахт. Спустя примерно 40 лет, вследствие экономического кризиса 1981-1983 гг. британская угольная промышленность вновь утратила международную конкурентоспособность. В 1984 г. правоконсервативное правительство М.Тэтчер объявило план ее реструктуризации, в соответствии с которым предполагалось закрыть ряд нерентабельных шахт и уволить 20 тыс. рабочих. В ответ на это, в 1984-1985 гг. в Британии прошли длительные и сопровождавшиеся насилием рабочие забастовки, причинившие экономике страны огромный ущерб в размере 3 млрд. фунтов стерлингов. Однако «Железная леди» не отступила. После отставки правительства М.Тэтчер, в 1993 г. угольная промышленность была реприватизирована: в частные руки были переданы 22 шахты и 32 угольных разреза, в результате чего в государственный бюджет поступило 800 млн. фунтов стерлингов. Чтобы поднять заинтересованность новых владельцев шахт, правительство обязало энергетические компании ежегодно покупать 30 млн. тонн британского угля, причем по ценам значительно выше мировых.¹

¹ Подробнее об этой истории см.: Угольная промышленность Великобритании; доступно на: http://miningwiki.ru/wiki/Угольная_промышленность_Великобритании; просмотрено – октябрь 2014.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВТОРОГО ОТСТУПЛЕНИЯ

Этот краткий очерк позволяет сделать два вывода. Во-первых, даже одни и те же предприятия в течение сравнительно короткого периода могут переходить из частной собственности в государственную, а затем реприватизироваться. Второй и более важный – с точки зрения затрагиваемых ниже вопросов – вывод состоит в следующем: иногда даже ярко выраженные правые политики и правительства (в данном случае – британские консерваторы) оказываются вынужденными расширять государственную собственность и государственное предпринимательство за счет частного бизнеса.

Кроме национализации частных предприятий, осуществляемой, как правило, путем выкупа, и создания новых предприятий за счет бюджетных средств, государственная собственность формируется еще и путем приобретения пакетов акций частных компаний. Постсоветским странам, в том числе и Азербайджану, большая часть ныне функционирующей государственной собственности досталась «по наследству» от советско-социалистического периода. В отличие от некоторых постсоветских стран, в Азербайджане большинство старых предприятий, не приватизированных и оставленных в государственной собственности, за годы независимости были полностью реконструированы и модернизированы. Что же касается новой государственной собственности, то главным путем ее создания внутри страны стало строительство новых предприятий за счет государственных инвестиций, а за рубежом – строительство новых предприятий и приобретение пакетов акций иностранных компаний.

На 2014 год правительство Азербайджана запланировало государственные инвестиции на уровне 9,7 млрд. манатов (12,4 млрд. долл. США), в том числе капиталовложения из государственного бюджета – в объеме 6,3 млрд. манатов (8,1 млрд. долл. США). Второй показатель за последние годы несколько снизился (в 2014 году прогнозируется его уменьшение по сравнению с 2013 годом на 9,5%) и ожидается, что в

ближайшие годы эта тенденция сохранится.¹ Тем не менее, удельный вес капиталовложений в государственном бюджете достаточно велик (31,5%). Главную роль в увеличении государственной собственности Азербайджана за рубежом играют Государственная Нефтяная Компания Азербайджанской Республики (ГНКАР) и Государственный Нефтяной Фонд Азербайджанской Республики (ГНФАР). Так, в 2013 году расходы Нефтяного Фонда на строящийся в Турции нефтеперерабатывающий комплекс «Star» составили 372,6 млн. манатов (475 млн. долл. США). Это – вторая по объему расходная статья в бюджете Нефтяного Фонда на 2013 год.² Часть инвестиционного портфеля Нефтяного Фонда (4,7%) была использована на приобретение акций зарубежных частных компаний.³ В свою очередь, Нефтяная компания в 2012 году за 257,7 млн. манатов (313 млн. долл. США) полностью выкупила акции компании «Esso Switzerland» (Швейцария), ныне называющейся «SOCAR Switzerland».⁴

Таким образом, в Азербайджане государственная собственность формируется с использованием всех возможных путей, за исключением национализации.

Государственная собственность и государственное предпринимательство имеют и отраслевые особенности. Частные предприниматели предпочитают инвестировать в отрасли, в которых объем необходимого стартового капитала как можно ниже, а скорость оборачиваемости капитала как можно выше (т.е. сроки возврата вложенных средств как можно короче). Это – те отрасли экономики, в которых отношение оборотного капитала к основному сравнительно выше. Частный сектор вполне в состоянии сам развивать подобные отрасли и без прямых госу-

---

¹ См.: *Azərbaycan Respublikasının 2014-cü ilin dövlət və icmal büdcələrinin layihələrinin təqdimatı*. – AR Maliyyə Nazirliyi, 2013, s. 6, 21, 37 (доступно на: <http://www.maliyye.gov.az/sites/default/files/2014-1.pdf>; просмотрено – июль 2014).

² Совокупная доля Азербайджана в этом инвестиционном проекте составляет 40%, что превышает 590 млн. манатов, или 760 млн. долл. США (см.: *State Oil Fund of the Republic of Azerbaijan, Annual Report – 2013*, pp. 41-43; доступно на: http://www.oilfund.az/uploads/annual_2013en.pdf; просмотрено – июль 2014).

³ См.: там же, с. 52.

⁴ См.: *Azərbaycan Respublikası Dövlət Neft Şirkətinin İllik maliyyə hesabatı – 2012*, s. 7 (доступно на: <http://new.socar.az/socar/assets/documents/en/socar-financial-reports/Maliyye.hesabat.2012.pdf>; просмотрено – июль 2014).

дарственных инвестиций. Государству же приходится направлять имеющиеся в его распоряжении финансовые средства на развитие отраслей с высокой капиталоемкостью и сравнительно низкой скоростью оборачиваемости капитала.

Поэтому в некоторых отраслях экономики удельный вес государственной собственности и государственного предпринимательства объективно выше, чем в других. К первым относятся, прежде всего, добыча и первичная обработка природных ресурсов, энергетика и тяжелая промышленность. Современные исследования мировой экономики показывают, что государственные предприятия обладают наибольшим удельным весом в горнодобывающей промышленности (42,7%), гражданском строительстве (40,8%), наземном транспорте, включая трубопроводы (40,3%), добыче нефти и газа (34,1%). Интересно, что доля государственных предприятий в телекоммуникационном секторе, финансовом посредничестве (по 20%) и воздушном транспорте (13%) также выше, чем можно было бы предположить.¹ Правда, эти показатели недостаточно точно отражают ситуацию, поскольку рассчитывались на основе соотношения численности государственных и частных предприятий.² Более адекватную картину действительности можно было бы получить, используя удельный вес государственных предприятий в производстве продукции и услуг в различных отраслях (например, удельный вес государственного сектора в отраслевом ВВП). Несмотря на это, их можно считать приемлемыми для описания ситуации в самом общем виде. Один из выводов, вытекающих из приведенных показателей, состоит в том, что в Азербайджане распределение государственных предприятий по отраслям экономики, в основном, находится на мировых трендах.

Особым видом государственного предпринимательства выступает размещение и исполнение государственных заказов. Властные структуры, в том числе местные, выступая от имени государства заказчиком,

¹ См.: M.Buge, M.Egeland, P.Kowalski, M.Sztajerowska. *State-owned enterprises in the global economy: Reason for concern?* (доступно на: <http://www.voxeu.org/article/state-owned-enterprises-global-economy-reason-concern>; просмотрено – июль 2014).

² Методика расчетов дана в другой книге тех же авторов (см.: P.Kowalski et al. *State-Owned Enterprises: Trade Effects and Policy Implications*. – OECD, 2013, p. 27-28; доступно на: <http://dx.doi.org/10.1787/5k4869ckqk7l-en>; просмотрено – июль 2014).

закупая за счет средств государственного бюджета товары и услуги, выполняют функции, типичные для «обычной» предпринимательской деятельности. Государственные заказы (закупки) – основной механизм инвестирования государственных средств в экономику и, наряду с этим, решающий, а иногда – единственный, инструмент для удовлетворения некоторых особых государственных потребностей, к примеру, оборонных. Государственные заказы – независимо от того, на какие общественные потребности они направлены – косвенно выполняют и другие, более общие социально-экономические функции. Главное место среди них занимает увеличение совокупного спроса, неизбежно ускоряющее экономический рост. Отдельно следует отметить государственные заказы, размещаемые с целью стимулирования отраслей, которые по стратегическим соображениям, либо по иным причинам (например, для предохранения каких-то производств от банкротства или социальной защиты каких-то групп населения) отнесены к государственным приоритетам. Государственные закупки нерентабельной или низкорентабельной продукции по определенному ценовому минимуму относятся к этому же ряду.

Независимо от ее происхождения и конкретного вида, государственная собственность и основанное на ней государственное предпринимательство представляют собой одну из важнейших форм прямого государственного вмешательства в экономику. Чем выше в экономике той или иной страны доля государственного сектора, тем выше в этой стране уровень государственного вмешательства в экономику. Напротив, чем выше удельный вес частного сектора, тем ниже уровень государственного вмешательства. Как правило, левые выступают за увеличение государственной собственности (в том числе за счет частной) и расширение государственного предпринимательства, а правые, наоборот, за повышение удельного веса частного сектора – в том числе, путем приватизации государственной собственности.

1.2. Перераспределение доходов налогами

Наиболее простым и распространенным видом перераспределения доходов является добровольная передача одними лицами части своих доходов другим лицам, например, милостыня или благотворитель-

ные пожертвования. Передача может осуществляться как напрямую, так и опосредованно – через религиозные храмы, благотворительные фонды, неправительственные организации. С точки зрения саморегуляции общества, добровольная материальная и духовная поддержка богатыми бедных очень важна, так как способствует повышению уровня нравственного здоровья и социальной зрелости общества. Однако, во-первых, на благотворительность приходится лишь незначительная часть общего объема перераспределяемых доходов. И, во-вторых, хотя государство может использовать различные методы воздействия на общественное сознание в целях расширения благотворительности, в конечном счете, она осуществляется без прямого государственного вмешательства.

ТРЕТЬЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Измерение благотворительности

Современная социология располагает аналитическими инструментами, позволяющими измерить и сопоставить уровень благотворительности в различных странах. В частности, Фонд благотворительной помощи (*Charities Aid Foundation*), головной офис которого располагается в Великобритании, с 2005 г. проводит подобные исследования и рассчитывает Индексы благотворительности (*Giving Index*) для более чем 100 государств. Индексы рассчитываются на основе социологических опросов, проводимых Институтом Гэллапа (США) с привлечением в среднем по 1 000 респондентов в каждой стране. Интегральный страновой индекс определяется как средняя величина от трех субиндексов: удельного веса в общей численности населения старше 15 лет лиц, затративших собственные средства на благотворительность (пожертвовавших деньги благотворительной организации), потративших на эти цели время (поработавших в благотворительной организации в качестве волонтера) и оказавших непосредственную помощь незнакомому человеку.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ОТСТУПЛЕНИЯ

Одним из наиболее интересных результатов исследования является то, что во многих странах самоощущение людей («удовлетворенность собственной жизнью») играет большую роль в пожертвовании денег, чем уровень их материального благополучия.

В 2013 году на первом месте среди 135 исследованных стран находились США, на последнем – Греция. Азербайджан занимал 69-е, Армения – 113-е, а Грузия – 116-е места. Нужно заметить, что среди 15 государств, образовавшихся после развала СССР, первые 6 мест занимали мусульманские страны, следующие 9 – христианские, а Россия находилась на последнем месте (на 123-м в общем списке).¹ Исходя из этих результатов очевидно, что при анализе благотворительности необходимо также учитывать роль религиозного фактора.

¹ См.: *World Giving Index – 2013 (A Global View of Giving Trends)*; доступно на: http://www.cafonline.org/pdf/WorldGivingIndex-2013_1374AWEB.pdf; просмотрено – июль 2014.

В сфере перераспределения доходов вмешательство государства в экономику происходит через систему налогообложения. Суть данного вмешательства состоит в том, что правительство, применяя различные налоги, собирает часть национального дохода (прибыли предприятий и заработков граждан) в государственный бюджет и расходует аккумулированные средства на решение общенациональных задач. Чем выше налоги, тем, соответственно, выше удельный вес той части национального дохода, которая перераспределяется через бюджет, и тем, стало быть, выше уровень государственного вмешательства в экономику.

Правда, часть средств, уплаченных предприятиями в бюджет в виде налогов, вновь возвращается к ним в виде различного рода субсидий и процентов по государственным облигациям. Аналогичным образом, часть налогов, уплаченных гражданами, в различных пропорциях возвращается к ним через реализуемые государством социальные програм-

мы. Помимо этого, финансируемые из бюджета государственные заказы также увеличивают доходы компаний и граждан. Однако все это не только не отвергает факт перераспределения доходов, а, наоборот, свидетельствует об их неоднократном перераспределении.

Особое место среди инструментов перераспределения доходов занимают прогрессивная и регрессивная налоговые системы. Суть прогрессивного налогообложения состоит в том, что от более высокого дохода налог выплачивается по более высокой ставке. Различают два его вида. При простом прогрессивном налогообложении ставки возрастают (по определенной шкале) по мере увеличения номинального дохода, а при сложном – номинальный доход разделяется на условные части, первая (базовая) часть (скажем, приравненная к минимальной заработной плате), как правило, вообще освобождается от налога и каждая следующая (более высокая) часть облагается налогом по более высокой ставке. При регрессивной системе налогообложения более высокий доход облагается налогом по более низкой ставке, т.е. по мере увеличения номинального дохода налоговые ставки уменьшаются. Чем выше прогрессия, тем, соответственно, выше степень перераспределения доходов, и, стало быть, уровень государственного вмешательства в экономику.

Помимо прогрессивного и регрессивного налогообложения, существует и пропорциональная налоговая система, в которой налоги выплачиваются по единой ставке, независимо от суммы дохода.

Дискуссии между левыми и правыми по поводу прогрессивного налогообложения сфокусированы вокруг двух проблем. Первая – мера справедливости налоговой системы. С одной стороны, справедливо, чтобы человек, имеющий больший доход, больше и платил: все равно его чистый доход (доход, остающийся в его распоряжении после уплаты налогов) будет выше, но, благодаря более высоким налоговым ставкам на более высокий доход, материальная дифференциация богатых и бедных (экономическое неравенство) сокращается, социально-экономическая структура общества приобретает большую устойчивость. С другой стороны, высокий доход не должен «наказываться» высоким налогом, равные обязательства – независимо от уровня доходов – всех граждан перед государством и обществом, по сути, есть общественное

ЧЕТВЕРТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

К истории прогрессивного налогообложения

Прогрессивная налоговая система применяется с древнейших времен. В Римской Республике (VI-II вв. до н.э.) ставки налогов дифференцировались – в зависимости от стоимости имущества плательщика – от одного до трех процентов. В середине II в. до н.э. в Риме, в других городах и провинциях Римской Республики граждан перестали облагать налогом, поскольку богатств, привозившихся с захваченных территорий, с лихвой хватало для финансирования общественных потребностей.

В новой истории прогрессивное налогообложение впервые было применено в Великобритании в конце XVIII в., но вскоре его отменили (в 1816 г., после битвы при Ватерлоо). Интересно, что Премьер-министр Великобритании Р.Пил (*Robert Peel*), восстановивший его в 1842 году, принадлежал к правой Консервативной партии. Он был вынужден восстановить прогрессивное налогообложение только потому, что не мог найти иных источников финансирования государственных нужд. С 60-х гг. XIX века прогрессивное налогообложение является составной частью налоговой системы Великобритании.

В настоящее время оно применяется в большинстве стран мира, в том числе и в Азербайджане.

равенство. Первое толкование справедливости налогообложения типично для левого, а второе – для правого мировоззрения.

Если абстрагироваться от того, какая налоговая система является более справедливой, содержание практической политической борьбы между левыми и правыми по поводу налогов зависит от применяющейся в стране системы. Если в стране используется пропорциональная налоговая система, то все достаточно просто: правые выступают за снижение (хотя бы как можно меньшее повышение, если нет другого пути, кроме ее повышения) налоговой ставки, а левые – за повышение (хотя бы как можно меньшее понижение). Если же в стране применяется прогрессивное налогообложение, то левые ратуют за повышение, а правые

– за понижение верхнего предела освобождаемой от налога части дохода, но основная борьба переносится на величину коэффициентов прогрессии. Чем выше эти коэффициенты (т.е. чем выше дополнительная сумма налога, взимаемая за каждую более высокую «порцию» дохода), тем в большей степени доходы тех, кто зарабатывает больше, перераспределяются в пользу тех, кто зарабатывает меньше. Иными словами, чем выше эти коэффициенты, тем больше они сближают уровень чистых доходов. Естественно, что правые выступают за снижение, а левые – наоборот, за повышение коэффициентов прогрессии.

Эти требования связаны и со второй темой дискуссий – эффективностью прогрессивной системы налогообложения. В соответствии с правым мировоззрением, по мере уменьшения разницы в уровне доходов, стимулы к экономическому развитию ослабевают. Бедные частично утрачивают стимулы к труду, поскольку знают, что, так или иначе, они гарантированно и бесплатно получают от государства самые необходимые социальные блага, а богатые – поскольку знают, что «лишняя» часть их дохода все равно будет изъята в бюджет. Поэтому, по мнению правых, прогрессивное налогообложение однозначно негативно влияет на мотивационные механизмы повышения эффективности экономики. Это подтверждается также проведенными на основе эмпирических данных исследованиями, которые показывают, что усиление неравенства в определенные периоды не только не ослабляет экономический рост, а напротив, ускоряет его.¹ Левые же считают, что фактором, отрицательно влияющим на устойчивость экономического роста, является не уменьшение дифференциации между доходами, а социальное неравенство. Несмотря на то, что эта позиция является прямой противоположностью предыдущей, некоторые специалисты пытаются и ее обосновать эмпирическими изысканиями.² Хотя выявленная ими корреляция между неравенством, с одной стороны, и периодами активного экономического роста – с другой, в действительности не столь существенна,

¹ См.: K.J.Forbes. *A Reassessment of the Relationship between Inequality and Growth*. – American Economic Review, 2000, Vol. 90, No. 4, pp. 869-887 (доступно на: <http://web.mit.edu/kjforbes/www/Papers/Inequality-Growth-AER.pdf>; просмотрено – июль 2014).

² См.: A.Berg, J.Ostry. *Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin? (IMF Staff Discussion Note)*. – IMF, 2011; доступно на: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2011/sdn1108.pdf>; просмотрено – июль 2014.

так как степень дисперсии страновых показателей очень высока и к тому же количество обследованных государств явно недостаточно.

Прогрессивное налогообложение применяется не только к доходам, но и к собственности, включая как денежные средства, так и недвижимость. Например, в Азербайджане налог на наследство и дарение взимается по прогрессивной шкале (14% со стоимости до 24 тыс. манатов и 30% – с остальной стоимостью).¹ Сейчас азербайджанские экономисты активно обсуждают целесообразность применения прогрессивного налогообложения к недвижимому имуществу физических лиц. Сторонники идеи исходят из того, что выплачиваемый муниципалитетам налог на жилье несправедлив и неэффективен,^{*} поскольку не может предотвратить расточительство в жилищном строительстве, выражающееся в том, что многие жилые помещения, в том числе дорогие виллы, нередко остаются неиспользованными. Они считают, что для стимулирования рационального использования финансовых средств, в том числе их переориентации на производительную экономическую деятельность, к стоимости зданий и жилья необходимо применить налоги с высокими коэффициентами прогрессии.² Суть борьбы между политическими группами правого и левого толка по поводу налогов на собственность – с точки зрения как общего объема налогов, так и прогрессивной дифференциации – примерно совпадает с тем, что было сказано по поводу налогообложения доходов.

1.3. Социальные программы

Сравнительный анализ мировоззрений левого и правого толка необходимо проводить с учетом различий между двумя целевыми функциями перераспределения доходов посредством механизмов налогообложения. Первая функция обеспечивается бюджетными расходами, направляемыми на политическую стабильность государства и безопас-

¹ Подробнее см.: *A. Musayev. Vergilər haqqında etüdlər.* – Bakı, 2013, s. 105-109.

^{*} В соответствии со 198-й статьей Налогового Кодекса, если инвентаризированная стоимость зданий не превышает 5 тыс. манатов, то они не облагаются налогом; со стоимости сверх этой суммы налог взимается по ставке 0,1%.

² См., напр.: *Bir neçə evi olan daha çox vergi ödəsin.* – “Kaspi” qəzeti, 15 mart 2013-cü il (<http://kaspi.az/news.php?id=2774>; просмотрено – июль 2014).

ность его граждан – на оборону, национальную безопасность, внутреннюю безопасность, юстицию, охрану окружающей среды. По этим вопросам существенных расхождений в оценках правых и левых не наблюдается. К примеру, правые и левые политические группы могут с одинаковой настойчивостью требовать увеличения (или уменьшения) удельного веса оборонных расходов в совокупных расходах государственного бюджета. Идентичным образом обстоит дело и с другими расходными статьями, связанными с политической стабильностью государства и личной безопасностью граждан.

По второй же целевой функции перераспределения доходов, между политико-экономическими мировоззрениями правого и левого толка имеются существенные различия. Речь идет о государственных программах социального развития, и в первую очередь, социального обеспечения. Впервые законы (и, соответственно, программы) о социальном развитии были приняты в Германии в 1880-х годах. Со временем аналогичные программы стали применяться и в других странах. Круг вопросов, решаемых этими программами, неуклонно расширялся, и сегодня они охватывают многие аспекты социально-экономической жизни общества. В настоящее время содержание, статус (общественная значимость), структура, принципы финансирования социальных программ и управления ими в разных странах существенно различаются.

Управление социальной защиты США регулярно публикует результаты своих исследований о социальных программах в более чем 170 странах мира с разбивкой на 4 региона. В этих отчетах социальные программы разделяются на 5 групп:

- пенсии по возрасту и потере главы семьи, пособия по инвалидности,
- пособия по болезни и материнству,
- пособия по производственным травмам,
- пособия по безработице,
- пособия многодетным семьям.

В этих исследованиях Управление социальной защиты США не проводит сравнительный анализ социальных программ различных стран на основе какого-либо универсального критерия. В них лишь даются качественные и количественные характеристики социальных про-

грамм по каждой стране в отдельности. Последний отчет по Азиатско-Тихоокеанскому региону, в который был включен и Азербайджан, относится к 2012 году.¹

В докладе анализируются меры по социальной защите, реализуемые не только правительствами, но и частными организациями, если эти меры принудительны по законодательству. Однако независимо от того, кем именно она осуществляется, имеется в виду лишь прямая социальная защита населения. Между тем, имеется и более широкое толкование социальных программ, при котором к ним относят также и расходы государства на образование, здравоохранение, культуру и искусство, спорт и физическую культуру.

Следует отметить, что существуют различные позиции относительно того, что именно следует относить к социальным программам в широком смысле. Так, например, ОЭСР,* создавший достаточно широкую статистическую базу о государственных социальных программах стран-участниц, не включает расходы на образование в социальные программы, даже если они финансируются государством.² Для нашего исследования структура социальных программ не имеет существенного значения. Важно лишь обеспечить сравнимость (сопоставимость) данных по различным странам.

Левые политико-экономические группы выдвигают на передний план реализацию государством социальных программ, и требуют увеличения бюджетных ассигнований на их осуществление, либо сохранения их на прежнем относительно высоком уровне, а когда нет такой возможности, то как можно меньшего сокращения. При неизменности других условий, для этого в большинстве случаев налоги должны, соот-

---

¹ См.: *Social Security Programs Throughout the World: Asia and the Pacific, 2012*; доступно на: <http://www.ssa.gov/policy/docs/progdesc/ssptw/2012-2013/asia/index.html>; просмотрено – сентябрь 2014.

* Организация Экономического Сотрудничества и развития (*The Organisation for Economic Co-operation and Development – OECD*). Создана в 1960 г. на базе Организации Европейского Экономического Сотрудничества (*Organisation for European Economic Co-operation – OEEC*) и начала функционировать в 1961 г. В настоящее время объединяет 36 государств-членов.

² См.: *OECD Social Expenditure Statistics*; доступно на: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/social-expenditure/aggregated-data_data-00166-en?isPartOf=/content/datacollection/els-socx-data-en; просмотрено – сентябрь 2014.

ветственно, быть либо повышены, либо оставлены на прежнем уровне, или хотя бы сокращены как можно меньше. Правые же, напротив, выступают за снижение налогов, либо за их сохранение на прежнем относительно низком уровне, либо – когда нет иной возможности, кроме как их увеличения – как можно меньшего повышения. По убеждению правых, чем большая часть доходов предприятий и граждан остается в их распоряжении, тем больший вклад это может внести в решение социальных проблем, ибо при наличии соответствующего общественного заказа частная инициатива в состоянии быстрее и эффективнее решать социальные проблемы, чем государство.

Таким образом, исходя из правого политико-экономического мировоззрения, необходимо уменьшить государственное вмешательство в социальное развитие и одновременно усилить роль общества. В обоснование своей позиции правые приводят также и экономические аргументы. Согласно их логике, снижая налоги, государство стимулирует экономическую активность, благодаря чему доходы предприятий и граждан увеличиваются. В результате, общая налогооблагаемая база расширяется, что в итоге позволяет увеличить совокупные социальные расходы государства, не повышая их удельный вес. На самом деле, логичность этих суждений признается и левыми, однако, по их мнению, решение текущих насущных социальных проблем нельзя откладывать на неопределенное будущее.

1.4. Регулирование цен

Свобода ценообразования, понимаемая как определение цены на основе соглашения между продавцом и покупателем без внешнего вмешательства, является неотъемлемым свойством рыночной экономики. В современном мире ее фундаментальное значение для экономического прогресса признается всеми, независимо от правизны-левизны политико-экономических убеждений. Вместе с тем, возможность, необходимость и допустимые пределы государственного вмешательства в ценообразование продолжают вызывать острые теоретические дискуссии.

Только крайне-левое мировоззрение находит оправданным прямое установление цен государственными органами в массовом порядке. Все остальные политические группы считают это приемлемым лишь в

определенных пределах. По классификации, признаваемой большинством специалистов, к методам прямого регулирования цен следует относить: установление государством цен или предельной рентабельности на продукцию и услуги естественных монополий; установление максимального (или минимального) ценового рубежа на определенные продукты и услуги; применение к определенным продуктам (в основном, сельскохозяйственным) минимальных закупочных цен (т.е. гарантирование скупки продукта государством по заранее объявленной им цене в случае, если продать его по более высокой цене окажется невозможным); временное «замораживание» цен (запрет на их изменение) и многие другие методы аналогичного типа.

К косвенным методам государственного вмешательства в процесс формирования цен с целью их удержания в определенных рамках или повышения (понижения) до некоторого уровня обычно относят различные способы влияния на себестоимость продуктов и услуг при помощи таких инструментов экономической политики, как льготные кредиты, налоговые льготы, бюд-

ПЯТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Гарантирование цены на основе частной инициативы

Не только государство, но и частные компании могут гарантировать производителю, что купят его товар по определенной, заранее оговоренной цене. Эта практика широко используется во многих странах, в том числе и в Азербайджане. Обычно такие цены применяются при закупках сельскохозяйственной продукции. За много месяцев до того, как продукция вынесена на рынок, закупочная компания гарантирует производителю, что купит эту продукцию по определенной цене, оговаривает с ним время и дополнительные условия купли-продажи, а в некоторых случаях берет на себя также и сбор урожая. Такого рода соглашения заключают не только закупочные фирмы, но и производственные предприятия, в частности, предприятия пищевой промышленности. Однако операции подобного типа не имеют ничего общего с государственным вмешательством в ценообразование, поскольку они совершаются между частными производителями на основе частной инициативы.

жетные дотации и т.п. Иногда рыночные цены регулируются такими «тонкими» методами, что происходящее трудно квалифицировать как вмешательство государства в ценообразование. Например, если одни и те же (или однотипные) продукты (услуги) выносятся на рынок как государственными, так и частными компаниями, и особенно если доля предложения первых достаточно высока, то цены, устанавливаемые государством на свои продукты (услуги), оказывают серьезное влияние на цены частных фирм, хотя при таких случаях невозможно (или, по меньшей мере, трудно) говорить о вмешательстве государства в ценообразование в частном секторе.

В Азербайджане, как и во многих странах, цены, которые определяются государственными органами, называют регулируемыми.¹ Если цена какого-то продукта или услуги законодательно объявлена регулируемой, то она становится обязательной не только для государственных предприятий, но и для частных компаний и предпринимателей. Функцию регулятора выполняет Тарифный (ценовой) Совет, возглавляемый Министром Экономики и Промышленности. Совет устанавливает цены на нефтепродукты, природный газ и электроэнергию, тарифы на некоторые транспортные услуги, тарифы на использование воды и сброс сточных вод, тарифы на уличную рекламу и некоторые другие.

Политико-экономическое мировоззрение правого толка выступает за возможно бóльшую свободу ценообразования, а левого – за более активное регулирование цен государством. Крайняя правизна считает соотношение спроса и предложения единственным регулятором цен, а крайняя левизна ратует за плановое (директивное) ценообразование, т.е. установление всех или большинства цен государственными органами. В действительности, экономические воззрения как правых, так и левых обычно находятся между двумя этими крайностями: необходимость государственного вмешательства в ценообразование, пусть и в ограниченных масштабах, признают и правые, и наоборот, значение спроса и предложения в формировании цен принимают и левые. Теоретическую основу левистского отношения к государственному регулированию цен составляет неокейнсианство, а правистского – неолиберализм.

---

¹ См.: *Закон Азербайджанской Республики о регулируемых ценах*, Ст. 2.1.4 (доступно на: http://azertag.az/ru/xeber/zakon_azerbaidzhanskoj_respubliki_o_reguliruemых_cenax-619151; просмотрено – октябрь 2014).

ШЕСТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ**«Главные левисты и прависты»
XX века по свободе ценообразования**

Интересно, что Дж.М.Кейнс был против регулирования цен государством и в своем произведении «Экономические последствия мира» писал, что законодательная консервация цен на низком уровне в конечном итоге ведет экономику к загниванию.¹ Даже в годы II Второй мировой войны он выступал против регулирования цен, несмотря на то, что в общем-то был идеологом активного государственного регулирования экономики.

Его последователи пошли дальше и считают, что регулировать цены не только можно, но и нужно, поскольку это является, по их мнению, одним из главных способов предотвращения (уменьшения) инфляции.

Одним из наиболее известных сторонников регулирования цен был выдающийся представитель американской экономической мысли XX века Дж.Гэлбрейт (1908-2006). В годы II Мировой войны он работал в Департаменте по ценам США и накопил большой практический опыт в этой области. В начале 50-х годов опубликовал свою первую знаменитую книгу по этой проблеме – «Теоретические основы регулирования цен», в которой обосновывал необходимость государственного вмешательства в процесс ценообразования не только в периоды войн, но и в мирное время.²

По другую сторону «баррикады» ему противостояли М.Фридман (1912-2006), Дж.Гильдебранд (1913-2007) и другие. Не менее известные экономисты, они выступали с совершенно противоположных позиций. Размышляя об упомянутой книге Дж.Гэлбрейта, Дж.Гильдебранд характеризовывал регулирование цен как экономическую политику, которая ставит под угрозу само существование свободного общества.³

¹ См.: J.M.Keynes. *The Economic Consequences of the Peace*. – London, Macmillan & Co., 1919, p. 114; доступно на: <http://socserv2.socsci.mcmaster.ca/econ/ugcm/3ll3/keynes/pdf%26filename%3Dpeace3.pdf>; просмотрено – август 2014.

² См.: J.K.Galbraith. *A Theory of Price Control*. – Cambridge, Mass. & London, Harvard University Press, 1952. Под несколько видоизмененным названием переиздана в 1980 году.

³ См.: G.Hildebrand. *A Theory of Price Control by John Kenneth Galbraith*, *American Economic Review*, 1952, 42(5), p. 988.

Левые политико-экономические группы утверждают, что государственное вмешательство в ценообразование позволяет обеспечить социально уязвимой прослойке общества некоторый жизненный стандарт,* уменьшает риски банкротства отраслей со сравнительно низкой конкурентоспособностью, но важных для государства и общества, препятствует чрезмерному завышению (при продажах) и занижению (при покупке) цен предприятиями, демонополизация которых по каким-либо причинам невозможна, оберегает рынок от разрушительных внешних воздействий. Правые политико-экономические группы, в свою очередь, ссылаются на то, что свободное ценообразование – это не просто одна из рыночных свобод, а основной регулятор рынка. Отклонения цены от стоимости вверх и вниз под влиянием спроса и предложения обеспечивают межотраслевой перелив капитала и труда, тем самым способствуя динамичному равновесию экономики. В механизмах формирования рыночных цен, в отличие от плановых (директивных), заложено стремление к оптимальности, т.е. они стремятся вниз, когда отклоняются от оптимума вверх, и вверх – когда отклоняются вниз.

Еще одна тема дискуссий связана с инфляцией. Приверженцы левого мировоззрения утверждают, что регулирование цен, особенно монопольных, относится к важнейшим антиинфляционным мерам. Начиная с середины XX века, этот тезис является одним из главных аргументов в арсенале кейнсианцев. С того же времени либералы настойчиво повторяют, что регулирование цен не в состоянии покончить с глубинными причинами инфляции и может – в лучшем случае – временно завуалировать ее. Однако даже в этом случае негативные социально-экономические процессы, выступающие истинной причиной инфляции, неизбежно проявляют себя в иных формах, например, в виде структурных деформаций экономики. Когда цена на товар искусственно занижается, спрос на него без какого-либо реального социально-экономического основания повышается – до такой степени, что предложение не справляется со спросом и рыночное равновесие нарушается. Дисбаланс выражается, к примеру, в том, что в местах, где этот товар продается (или мог бы продаваться), выстраиваются длинные очереди покупателей,

---

* С этой точки зрения, регулирование цен представляет собой скрытую форму перераспределения доходов.

возникает «черный рынок» с его спекулятивными ценами, и в конечном счете, расширяется неформальная экономика.

Таким образом, регулирование ценообразования, как еще одна форма государственного вмешательства в экономику, стоит по своей значимости в одном ряду с государственной собственностью и государственным предпринимательством, перераспределением доходов.

1.5. Планирование экономики

Экономическое планирование – многоуровневое и многоаспектное понятие. Его предметом может быть развитие предприятия, района, города, экономического района (если страна, как, например, Азербайджан, подразделена на экономические районы), отдельных отраслей экономики, а также экономики государства в целом. В последние десятилетия предпринимаются попытки планировать даже глобальное развитие, в том числе развитие мировой экономики.¹ Для целей данного исследования важен государственный уровень.

При первом приближении противоречивость правого и левого мировоззрений предстает как противоположность между тотальным планированием и стихийным (лишь на основе механизмов саморегуляции рынка) развитием экономики. Первое было характерно для бывшего СССР, второе – для раннего капитализма. Суть директивного планирования, исповедуемого крайне-левыми, состоит в том, что правительство заблаговременно определяет целевые показатели социально-экономического развития страны с разбивкой на территории, отрасли и предприятия. Планы содержат детальную информацию о том, кто, сколько, чего, когда должен произвести, кому и за сколько «продать» произведенное, сколько заработать и как распределить заработанное.*

---

¹ Глобальное планирование пока находится на стадии становления. Его суть в том, что эксперты международных организаций (к примеру, ООН) проектируют целевые установки в определенной сфере на какую-то перспективу и после необходимых процедур согласования, государства мира утверждают их в качестве собственных целей. В качестве успешного примера можно привести программу «Цели развития тысячелетия», принятую в 2000 году главами 189 государств (см.: <http://www.un.org/millenniumgoals/reports.shtml>; просмотрено – июль 2014).

* В бывших «социалистических» странах управление экономикой строилось на следующем лозунге: «План – закон, его выполнение – долг, а перевыполнение – дело чести».

Выполнение плана носит обязательный характер. Такая система управления, даже с абстрактно-теоретической точки зрения, не может быть эффективной и ведет государство, в конечном итоге, к политико-экономическому краху. Что же касается стихийного развития экономики на основе механизмов рыночной саморегуляции, в свое время проповедовавшегося крайне-правыми, то его неэффективность выражалась в периодических кризисах, глубокой социальной несправедливости и других негативных порождениях саморегулирующегося рынка.

Общей альтернативой как директивному управлению, так и стихийной саморегуляции рынка является индикативное планирование. Первоначально оно зародилось после Второй мировой войны во Франции, а впоследствии нашло применение и в других странах мира. При индикативном планировании, как и при директивном, правительство определяет целевые макропоказатели социально-экономического развития страны, а потом на их базе фиксирует целевые задачи для различных субъектов рынка (территорий, отраслей и даже ряда крупных предприятий). Но в отличие от директивных планов, индикативные не носят обязательный характер. Правительство прибегает к использованию различных инструментов экономической политики (в том числе монетарного регулирования, фискальных инструментов, различных льгот, субсидий, грантов, выгодных внешнеэкономических режимов), чтобы стимулировать субъектов рынка к достижению намеченных целей. Индикативные планы, в отличие от директивных, не отвергают и не упраздняют механизмы саморегуляции рынка, а лишь косвенно воздействуют на субъектов рынка и направляют их к достижению стратегических целей, хотя в целом их экономическая деятельность основывается на тех же саморегуляционных механизмах.

Можно сказать, что в политико-экономическом спектре общества индикативное планирование занимает место между крайне-левой (директивное планирование) и крайне-правой (стихийное саморегулирование) точками.

Естественно, что возможности управления экономическим поведением на рынке государственных предприятий гораздо шире, чем частных компаний. Предприятиям, контрольный пакет акций которых принадлежит государству, и особенно предприятиям, находящимся в

полной государственной собственности, правительство даже может устанавливать плановые задания, обязательные к исполнению. Такие планы называют императивными.

Когда в странах с развитой рыночной экономикой речь заходит о планировании, то его индикативный характер даже и не упоминается, поскольку считается, что роль скоро экономика представлена, главным образом, частным сектором, то и планирование может быть только индикативным. Даже названия государственных органов, занимающихся планированием, могут по звучанию напоминать названия аналогичных структур в бывших «социалистических» странах.

Особым инструментом управления экономикой являются целевые программы. Их характер также зависит от сущности эко-

СЕДЬМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

О методах прямого вмешательства в экономику в США

Принято считать, что одна из важнейших причин высокого экономического роста в США в годы Второй мировой войны кроется в императивном планировании, основанном на централизованном распределении ресурсов. Программа стабилизации, принятая после войны, также опиралась на прямое вмешательство в различные сферы экономики, прежде всего, на регулирование цен и заработной платы.

Правительство США и по сей день использует методы прямого вмешательства в экономику. На первое место среди них обычно ставят инвестиции в науку. Примерно половина всех прикладных исследований проводится на государственных предприятиях (в основном военного назначения) и за счет государственных средств, но их результаты доступны и частным компаниям. К отраслям, которые находятся под непрерывным вниманием правительства и получают больше государственных финансовых ресурсов, относятся телекоммуникации, нанотехнологии, Интернет и создание новых лекарственных препаратов. Часть этой деятельности (проведение прикладных исследований за счет государственных средств, разработка и вынесение на рынок новых видов продукции и услуг), конечно, связана с императивным планированием, но ее правильнее относить к государственному предпринимательству.

номической системы, в которой они используются. В командно-административной системе целевые программы выступают составной частью директивного планирования, а в рыночной – индикативного. Соответственно, и сами целевые программы в первом случае носят директивный, а во втором – индикативный характер. В странах с рыночной экономикой задачи, предусматриваемые целевыми программами, не обязательны к исполнению и носят рекомендательный характер, хотя субъекты рынка стимулируются к их выполнению косвенными методами воздействия. В некоторых странах считают, что планирование, осуществляемое посредством экономических программ, собственно говоря и есть индикативное планирование.

Как уже отмечалось, в настоящее время крайние подходы к планированию экономики – как всеобщее директивное планирование, так и полный отказ от планирования – уже не актуальны. Тем не менее, правое и левое политико-экономические мировоззрения обладают серьезными различиями и по этому критерию. Во-первых, правая экономическая философия, в противоположность левой, выступает за минимизацию императивного планирования. Во-вторых, современные левистские политико-экономические группы проповедуют индикативное планирование, подкрепленное более сильными механизмами мотивации с более широким охватом, тогда как правые не поддерживают слишком активного использования механизмов стимулирования, поскольку считают их формой вмешательства в саморегулирование рынка. В-третьих, необходимость целевых государственных программ, особенно долгосрочных стратегий развития, в целом признается как левистским, так и правистским политико-экономическими мировоззрениями, хотя по поводу методов регулирования экономики, предусматривающихся в подобных программах, между ними имеются серьезные разногласия. Эти разногласия выходят за рамки дискуссий о соотношении планирования экономики и ее саморегуляции, и рассматриваются в других разделах.

1.6. Внешняя торговля

Известно, что исторически сложились две противостоящие позиции в подходах к регулированию международных экономических связей государств, в первую очередь, внешней торговли. Первая позиция (протекционизм) выражается в том, что, используя различные экономи-

ческие и политические инструменты, следует ограждать внутренний рынок от негативных внешних воздействий и защищать интересы своих предпринимателей на внешних рынках, а вторая (фритредерство) – наоборот, упразднить всяческие ограничения во внешней торговле (в широком смысле – в международных экономических связях).

Для уточнения понятий следует отметить, что импорт более конкурентоспособных, по сравнению с производимыми внутри страны, товаров (услуг) полностью соответствует интересам населения (местных потребителей), которые получают возможность приобретать товары (услуги) более высокого качества и/или по более низкой цене. Политика импорта в интересах потребителей должна бы открывать внутренний рынок, а не закрывать. Смысл протекционизма состоит в защите интересов не потребителей, а местных производителей (предпринимателей), их «ограждении» от конкуренции с иностранными компаниями. Всякая протекционистская мера, препятствующая доступу (либо затрудняющая его) иностранной продукции на внутренний рынок, или снижающая ее конкурентоспособность из-за удорожания, является, по сути дела, привилегией, предоставленной местным производственным компаниям. К тому же одной из составляющих протекционизма выступает защита интересов местных компаний на зарубежных рынках, а льготы, предоставляемые им с этой целью (например, дотации), есть не что иное, как неприкрытая привилегия. Поэтому протекционизм следует трактовать не как защиту внутреннего рынка, а как покровительство над местными компаниями (предпринимателями), как набор предоставляемых им привилегий.

В последние десятилетия антииммиграционные меры, проводимые отдельными государствами и государственными объединениями, также стали относить к социально-экономическому протекционизму. Обычно к импорту дешевой рабочей силы местные компании относятся спокойно, а население и наемные работники – ревностно и всячески противодействуют ему. Трактовка антииммиграционных мер как протекционистских в принципе верна, однако следует иметь в виду, что в данном случае правительства защищают не рынок товаров и услуг (местные компании), а рынок труда (местных работников).

Политико-экономические инструменты и меры экономической политики, которые государства (государственные объединения) ис-

пользуют в целях протекционизма, одновременно позволяют оценить и либеральность внешней торговли, поскольку чем сильнее протекционизм, тем ниже уровень либеральности, и наоборот. К этим политико-экономическим инструментам относятся:

- *налоги и пошлины (тарифы) на импорт* – основной инструмент регулирования импорта. Исходя из того, что внутренний рынок еще «не насытился» какими-то продуктами, для предотвращения роста цен или по каким-либо иным причинам, некоторые государства облагают налогом и экспорт. По существу, *налоги и пошлины на экспорт* также являются факторами, ограничивающими внешнюю торговлю. Разница в том, что они не служат защите интересов местных предпринимателей, а противоречат им;
- *импортные и экспортные квоты*, в принципе, выполняют ту же функцию, что и тарифы, с той лишь разницей, что разрешение на импорт (или экспорт) дает его владельцу преимущество перед остальными предпринимателями, а выдающему его государственному чиновнику – возможность получения незаконного дохода. Поэтому многие экономисты рекомендуют отказаться от внешнеторговых квот и переложить их регулирующую функцию на налоги и пошлины;
- *административные барьеры* – различные стандарты, связанные с экологической безопасностью, безвредностью для организма, санитарно-гигиеническими требованиями, а иногда даже эстетическими данными продукта, которые законодательно закрепляются государством или государственным объединением. Если эти стандарты чрезмерно жестки, то они искусственно ограничивают импорт;
- *прямые субсидии* – единовременные финансовые выплаты местным компаниям, не выдерживающим конкуренцию с импортом, с целью повышения их конкурентоспособности. Льготные кредиты, выдающиеся с аналогичной целью, выполняют ту же экономическую функцию. Хотя эти субсидии, на первый взгляд, имеют мало общего с импортом, они, бесспорно, ограничивают его;

- *стимулирование экспорта (субсидии, премии, бонусы, надбавки, налоговые льготы, льготное кредитование и страхование экспорта, дипломатическая и консалтинговая поддержка)*. Большинство стран стремится повысить экспортный потенциал своих компаний всеми возможными путями, а некоторые создают для этих целей специальные банки и государственные органы.* Среди форм стимулирования экспорта следует особо выделить премиальное вознаграждение экспортеров (обычно в процентах от объема экспорта) и получение заказов для своих предприятий при кредитовании иностранных государств.

Существуют и такие протекционистские меры, которые обладают лишь краткосрочным эффектом и в этом смысле носят тактический характер. К ним можно отнести, в частности, снижение курса национальной валюты при помощи валютных интервенций, или политические рекламные кампании, убеждающие потребителей покупать местные товары. Иногда к нетарифным барьерам относят также антидемпинговые меры. Однако для предотвращения демпинга все равно приходится использовать вышеперечисленные методы, в первую очередь, повышение импортных тарифов (антидемпинговые пошлины можно считать разновидностью тарифов на импорт). Ввиду этого, по-видимому, неверно рассматривать антидемпинговые меры в качестве самостоятельного нетарифного барьера.

Носители левистского и правистского политико-экономических мировоззрений с противоположных позиций подходят к использованию протекционистских инструментов и мер. Первые выступают за их расширение и ужесточение, вторые – за упразднение, или как можно большее «смягчение». Первый путь означает усиление государственного вмешательства в экономику, второй – его ослабление.

Чем экономически сильнее государство и выше конкурентоспособность его компаний на внешних рынках, тем больше оно заинтересовано в снятии тарифных и нетарифных барьеров, ограничивающих

---

* В Азербайджане таким государственным органом является AZPROMO – Фонд стимулирования экспорта и инвестиций (официальный Интернет-адрес – <http://www.azpromto.az>).

международную торговлю. Реальные интересы государств по этому вопросу находятся между теми же двумя полюсами – протекционизмом и фритредерством. Например, когда государства, в экспорте которых преобладают природные ресурсы, ликвидируют внешнеторговые ограничения, их экономика неизбежно претерпевает структурные деформации, а когда применяют слишком жесткий протекционизм, несмотря на резкий экономический подъем на первых порах, в средне- и долгосрочной перспективе темпы экономического роста замедляются – из-за ослабления бизнес-мотивации местных предпринимателей. Поэтому эти страны вынуждены в какой-то мере использовать протекционистские меры, но эффективность экономической политики правительств в том и проявляется, что по мере повышения уровня развития экономики они постепенно либерализуют внешнюю торговлю.

Экономическая история развитых государств за последнее столетие ясно показывает, что в период индустриализации они извлекли из протекционизма большую экономическую выгоду. Профессор Кембриджского университета Ха-Джун Чанг на основе фактического материала, охватывающего 1820-1950 годы, показал, что США, Великобритания и другие государства на разных этапах первичного экономического развития применяли достаточно высокие тарифы на импорт. Когда их экономика усиливалась по отношению к соседним странам (доступным рынкам), они прибегали к большему либерализму во внешней торговле, а когда отставали в экономическом развитии, вновь прибегали к протекционизму, и эта политика была весьма эффективной. Правда, общая длительная тенденция состояла в снижении тарифов. В настоящее время эти государства и находящиеся под их контролем международные структуры призывают экономически менее развитые страны полностью отказаться от протекционизма. Это требование, по мнению Х.Чанга, несправедливо и похоже на «вытягивание лестницы из-под ног взбирающегося наверх человека».¹

Более того, многие экономически развитые государства и сейчас защищают свои внутренние рынки достаточно жестко, иногда ограни-

---

¹ См.: Ha-Joon Chang. *Kicking Away the Ladder: The "Real" History of Free Trade*. – Published by Foreign Policy In Focus, 2003; доступно на: http://www.ilocarib.org.tt/trade/documents/economic_policies/SRtrade2003.pdf; просмотрено – июль 2014.

чивая импорт непомерно высокими тарифами. Например, Япония облагает импорт сахара 328%-ным, а риса – 778%-ным тарифом.¹ Такие тарифы, по существу, равнозначны запрету импорта. Созданная для продвижения идеи свободной торговли Всемирная Торговая Организация (ВТО), по-видимому, пока бессильна предотвращать использование странами-участницами (в том числе и особенно развитыми государствами) подобных протекционистских мер. Абсолютное большинство стран-членов ВТО все еще прибегает, в той или иной мере, к протекционистским мерам.

Следует, тем не менее, учитывать, что самодостаточность государств обретает в современном мире совершенно новое содержание. Самодостаточность, когда-то интерпретировавшаяся как «теоретическая основа» замкнутости, теперь вообще потеряла смысл, поскольку открытая миру экономика ныне безальтернативна. Этот тезис принимается не только правыми, но и левыми. В то же время для достижения своих экономических интересов государства могут и должны применять определенные ограничения во внешней торговле, и это также признается допустимым как левыми, так и правыми. Различие во взглядах выражается лишь в том, что правые выступают – по сравнению с левыми – за более высокую либеральность внешней торговли. Приоритетом для них является снижение импортных тарифов в своих странах, отказ от налогов на экспорт и внешнеторговых квот, смягчение административных ограничений, уменьшение прямых субсидий.

1.7. Дилемма: благоприятная бизнес-среда или социальная защита?

Государственное вмешательство в решение некоторых экономических проблем обуславливается не стремлением ускорить (или повысить качество) экономического роста, а связано с вопросами социального развития. Известно, что все экономические явления, в той или иной степени, коррелируют с политическими процессами. Однако политический компонент ряда экономических процессов настолько си-

---

¹ См.: *No More Grand Bargains (WTO's Whole Approach to Negotiating Free Trade Needs Radical Change)*. – *The Economist*, August 9-15, 2014, p. 10.

лен, что нередко даже превалирует над их собственно экономическим содержанием. Вмешиваясь в эти процессы, государство ограничивает экономическую свободу предпринимателей и взамен расширяет гарантии правам наемных работников, тем самым пытаясь привести их к некоему компромиссу.

Поскольку правые делают акцент на либерализации условий ведения бизнеса, а левые – на усилении социальной защиты, то складывается впечатление, что первые отстаивают интересы в основном предпринимателей, а вторые – наемных работников («рядовых тружеников»). Некоторая доля истины в этом, безусловно, присутствует. Однако необходимо отметить, что не только левые, но и правые обосновывают свои политико-экономические установки интересами населения – с той лишь разницей, что правые делают акцент на долгосрочных интересах, а не краткосрочных («устойчивый рост общественного благосостояния на протяжении длительного периода возможен только при условии эффективности бизнеса»). В свою очередь, левые утверждают, что они не меньше правых заботятся об интересах предпринимателей – опять же с той лишь разницей, что акцентируют внимание на их стратегических интересах, а не текущих («в социальной защите наемных работников предприниматели заинтересованы больше остальных, так как долгосрочное устойчивое развитие рыночной экономики возможно только при обеспечении социальной стабильности»).

Для более предметного анализа следует по отдельности рассмотреть некоторые формы проявления дилеммы «благоприятная бизнес-среда или социальная защита».

1.7.1. Простота (сложность) найма и увольнения...

... является одним из основных показателей, используемых при оценке деловой среды. Чем жестче найм и увольнение работников регулируется государством, чем выше обязательные (т.е. облигативные по законодательству) расходы предпринимателя по найму и увольнению, тем менее благоприятна бизнес-среда. С другой стороны, государство обязано гарантировать некий минимальный уровень социальной защиты своих граждан, и в этом смысле обязательства, налагаемые на пред-

принимателя по поводу найма и особенно увольнения работников, могут быть отнесены к факторам, формирующим общественное благосостояние.

Известно, что общество обладает определенным (большим или меньшим), имманентно ему присущим потенциалом самоорганизации и саморегулирования, благодаря чему оно и без государственного вмешательства решает социальные проблемы граждан (в первую очередь, наемных работников) и защищает их интересы с помощью неправительственных институтов, в частности, профсоюзов. В некоторых странах эти институты регулируют вопросы, связанные с занятостью, в том числе с наймом и увольнением, жестче и эффективнее, чем правительство. Правое мировоззрение ставит общественное саморегулирование выше государственного регулирования. При этом для правых не столь важно, кто именно регулирует занятость (найм и увольнение), так как результат в любом случае один и тот же: чем жестче регулирование, тем сложнее управлять бизнесом. Если предприниматель недостаточно свободен в найме нужных работников и в освобождении от ненужных, то ему сложнее повышать рентабельность предприятия (бизнеса). Левые также считают, что субъект регулирования имеет второстепенное значение. Они оценивают результат исходя из того, что жесткость регулирования позволяет усилить социальную защиту. Государство, одинаково озабоченное и бизнес-средой, и социальной защитой, должно при регулировании правил найма и увольнения найти «золотую середину» между правизной и левизной, с тем, чтобы минимизировать совокупные потери страны, обусловленные, с одной стороны, усложнением бизнес-среды, а с другой – ослаблением социальной защиты наемных работников.

1.7.2. Государственное регламентирование рабочего времени...

... выступает еще одним показателем благоприятности условий ведения бизнеса. Чем жестче регламентируется рабочее время, тем менее благоприятна среда для предпринимателя. Несмотря на это, большинство государств законодательно ограничивают рабочее время, мотивируя это социальной защитой.

Существуют аргументы как за, так и против установления верхнего предела рабочего времени. Левые политико-экономические группы обычно приводят доводы социального характера. На первом месте стоит то, что ограничение рабочего времени сдерживает преждевременное старение человеческого организма. Увеличение свободного времени способствует повышению качества жизни, люди получают дополнительные возможности для отдыха и спорта, путешествий и развлечений, общения с семьей и друзьями, могут активнее участвовать в жизни общины, общественно-политических процессах.¹ Экономические аргументы в пользу законодательно-

ВОСЬМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Регулирование рабочего времени: несколько примеров из истории

Древние люди работали мало – от 5 до 15 часов в неделю, в зависимости от того, чем занималось племя. На протяжении многих веков доминирования аграрной экономики труд был сезонным, и лишь после промышленной революции люди начали работать круглый год. Капиталистическая промышленность резко удлинила рабочее время, иногда до гипертрофированной степени (6-7 дней в неделю по 12-16 часов ежедневно).

С XIX века во многих странах мира, особенно в европейских государствах, законодательное ограничение рабочего времени превратилось в одну из наиболее актуальных социально-экономических проблем. В конце XIX - начале XX веков эта проблема превратилась уже в политическую: рабочее движение, набравшее силу в развитых капиталистических государствах того времени, включило ограничение рабочего времени в число своих основных политико-экономических требований.

¹ Большинство исследовательских центров включают эти факторы в число тех, которые определяют качество жизни. Например, *The Economist Intelligence Unit* измеряет качество жизни по 9 показателям, 3 из которых (здоровье, семья и общественная жизнь) напрямую связаны с ограничением рабочего времени (см.: *The Economist Intelligence Unit's Quality-of-Life Index 2005*, доступно на: http://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf; просмотрено – июль 2014).

The Economist Intelligence Unit – аналитический центр, созданный при журнале *The Economist* в 1946 году. Признан одним из мировых лидеров в области межстрановых сравнительных исследований. Имеет офисы в более чем 40 странах.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСЬМОГО ОТСТУПЛЕНИЯ

Благодаря беспрецедентному общественному развитию в XX веке, возникла экономическая возможность для сокращения рабочего времени, которая реализовывалась путем заключения соглашений между работодателями и профсоюзами. Некоторые страны законодательно ограничили рабочее время, и это явилось началом нового этапа, характерной особенностью которого стало государственное вмешательство. После Второй мировой войны 40-42-часовая рабочая неделя стала нормой для промышленно развитых стран. Ближе к концу века рабочее время начало сокращаться еще быстрее. В 2000 г. Франция законодательно закрепила 35-часовую рабочую неделю. В середине 2000-х гг. Голландии удалось снизить среднюю продолжительность рабочей недели ниже 30 часов. В настоящее время она составляет в США – 33 часа, Франции – 30, Голландии – 27 часов. В 2011 г. самая короткая средняя рабочая неделя среди стран Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) была зарегистрирована в Германии – 25,6 часов.

В Германии законодательство строго запрещает работу торговых учреждений, продающих непродовольственные товары, в выходные дни. Разрешается работать лишь ограниченному количеству торговых объектов в строго определенное время – в основном в туристических центрах. При этом влияние рыночных механизмов на продолжительность рабочего времени снижается до минимума. Поэтому не удивительно, что по уровню либеральности регулирования рабочего времени Германия занимает одно из последних мест в мире.

Однако удлинение или сокращение реального рабочего времени происходит не только под воздействием вмешательства государства.

го установления верхнего лимита рабочего времени также имеют социальный оттенок. Одним из них является то, что за рабочие часы сверх законодательно установленного максимума работнику обычно выплачивают сверхурочные (как правило, не меньше чем в 1,5 нормальной оплаты). Допустим, если предприятие, руководствуясь законом, сократило рабочую неделю с 40 часов до 35-ти, то его работник, трудясь по-

прежнему 40 часов в неделю, что можно считать вполне нормальной продолжительностью рабочей недели, получает сверхурочные за дополнительные 5 часов (работая столько же, зарабатывает больше).

Естественно и то, что доводы, приводимые правыми политико-экономическими группами против установления верхнего предела рабочего времени, в основном, связаны со свободой и эффективностью предпринимательской деятельности, в частности, снижением объемов производства. Однако интересно, что правые прибегают также и к аргументам социального характера. К примеру, они ссылаются на то, что когда почасовая оплата труда остается неизменной, уменьшение рабочего времени сопровождается снижением общего заработка работника и для поддержания материального достатка на прежнем уровне он оказывается вынужденным работать на втором-третьем местах, и тогда суммарная продолжительность рабочего времени не только не сокращается, а чаще всего увеличивается.

1.7.3. Законодательное утверждение минимальной заработной платы...

... является еще одной из форм проявления анализируемой дилеммы, поскольку, с одной стороны, благосостояние социально уязвимых групп населения прямо зависит от уровня минимальной заработной платы, и вместе с тем, она выступает своеобразной исходной посылкой при дифференциации заработной платы большинства наемных работников и поэтому влияет на формирование доходов всех слоев населения. С другой стороны, законодательное закрепление минимума заработной платы усложняет для предпринимателей условия ведения бизнеса.

При установлении минимальной заработной платы государственные органы управления исходят из объективных экономических показателей, главным среди которых является минимальная потребительская корзина (или минимальный потребительский бюджет). При этом учитываются и другие показатели, в том числе макроэкономические (ВВП и ВНД на душу населения, инфляция, соотношение спроса и предложения на рынке труда и др.), а также их динамика.

Первые законы о минимальной заработной плате были приняты в Новой Зеландии (1894), Австралии (1896) и Великобритании (1909).

Сейчас аналогичные законы действуют в более чем 90% государств мира. В Германии закон о минимальной заработной плате вступит в силу в 2015 году. Между тем, в ряде стран (Австрии, Дании, Финляндии, Швеции, Швейцарии, Италии и др.) нижний предел заработной платы устанавливается не законодательством, а коллективными соглашениями между предпринимателями и профсоюзами. В некоторых странах законодательство устанавливает различные уровни минимальной заработной платы в зависимости от специфики отраслей экономики, особенностей видов деятельности, возраста работника и ряда других факторов. В Индии применяется примерно 1200 видов минимальной заработной платы.

Сторонники законодательного установления минимальной заработной платы ссылаются на то, что это (i) повышает уровень жизни социально наиболее уязвимых групп общества, уменьшает бедность, повышает средний доход занятого населения; (ii) по сравнению с некоторыми другими способами уменьшения бедности (например, пособиями по безработице), больше стимулирует людей к активной деятельности; (iii) стимулирует потребление (увеличивая доходы тех, кто в силу низкого материального уровня вынужден тратить все зарабатываемые средства) и ускоряет оборачиваемость денег; (iv) создает дополнительный импульс технологическому развитию, так как по мере удорожания труда экономическая привлекательность технологических инноваций повышается. У противников есть свои аргументы: (i) увеличивает издержки производства предприятий и снижает их рентабельность; (ii) наносит больше экономического урона мелким предпринимателям, чем крупным компаниям; (iii) препятствует развитию отраслей, использующих дешевый труд, и усиливает риски, связанные с нарушением межотраслевого равновесия.¹

Одной из основных тем десятилетиями продолжавшейся (и все еще продолжающейся) дискуссии между сторонниками и противниками законодательного утверждения и периодического повышения мини-

---

¹ Среди противников много выдающихся экономистов XX века, в том числе П. Самуэльсон (*Paul Samuelson*, 1915-2009) и Дж. Тобин (*James Tobin*, 1918-2002) (см.: *Th. Rustici. A Public Choice View of the Minimum Wage.* – *Cato Journal*, Vol. 5, No. 1 (Spring/Summer 1985); доступно на: <http://object.cato.org/sites/cato.org/files/serials/files/cato-journal/1985/5/cj5n1-6.pdf>; просмотрено – июль 2014).

мальной заработной платы является его возможное влияние на занятость. В соответствии с неоклассическими теориями и базирующейся на них правой идеологией, в экономике (или отрасли), в которой доминирует дешевый (низкоквалифицированный) труд, повышение минимальной заработной платы увеличивает безработицу. Они утверждают, что если уровень минимальной заработной платы выше точки равновесия спроса на труд и его предложения на рынке, то рост безработицы неизбежен. Иначе говоря, по мере повышения минимальной стоимости труда спрос на него уменьшается, и при неизменности предложения (или при меньшем уменьшении) безработица растет. Оппоненты этой модели, как правило, ссылаются на эмпирические исследования и утверждают, что повышение минимальной заработной платы не оказывает какого-либо негативного влияния на занятость. В середине 2000-х годов более 650 экономистов, в том числе 5 лауреатов Нобелевской премии и 6 бывших президентов Американской Экономической Ассоциации, подписали заявление о том, что как в США в целом, так и в отдельных штатах повышение минимальной заработной платы значительно улучшает жизнь низкодоходных работников и их семей, не вызывая при этом каких-либо негативных побочных явлений.¹

Второй вопрос, вызывающий разногласие между представителями левых и правых политико-экономических групп – если вопрос о целесообразности утверждения минимальной заработной платы уже решен положительно – состоит в том, кем именно она должна определяться. Левые утверждают, что этот минимум должен законодательно устанавливаться государством. Правые же считают более предпочтительными общественные саморегуляционные механизмы, т.е. когда он утверждается соглашениями между предпринимателями и наемными работниками. Если же первая точка зрения уже принята и минимальная заработная плата устанавливается законодательством, то следующей темой дискуссии становится ее величина.

На первый взгляд, левистский политико-экономический образ мышления должен выступать за как можно большее повышение, а правистский – за как можно большее понижение утверждаемого минимума заработной платы. Однако в реальности это не так. Правые политико-

¹ См.: *Liana Fox. Minimum Wage Trends (Understanding Past and Contemporary Research)*. – EPI Briefing Paper No 178, October 24, 2006. p. 1; доступно на: <http://s1.epi.org/files/page/-/old/briefingpapers/178/bp178.pdf>; просмотрено – июль 2014.

экономические группы, вслед за левыми, признают необходимость использования минимальной заработной платы в качестве элемента системы социальной защиты населения. В свою очередь, левые группы учитывают потенциальные негативные последствия ее чрезмерного повышения (в частности, возможность дополнительного инфляционного давления на экономику). Поэтому дискуссия протекает в рамках определенного интервала – между возможным минимумом и допустимым максимумом.

1.8. Точки соприкосновения

Перечень экономических проблем, которые становятся предметом разногласий между левым и правым мировоззрениями, конечно, не ограничивается лишь вышерассмотренными. В настоящее время государства в той или иной форме и степени вовлечены в решение практически всех основных проблем экономики, а правые и левые политико-экономические группы ко многим из этих проблем подходят с разных позиций. Вместе с тем, существуют и такие вопросы, которые не вызывают между ними разногласий. Как правило, это те экономические проблемы, в содержании которых социальные и политические элементы выражены особенно отчетливо. По каждой из этих проблем идут перманентные дискуссии – как в отдельных государствах, так и на глобальном уровне, однако эти дискуссии не имеют какой-либо связи с левизной и правизной.

1.8.1. Эксплуатация детского труда...

... в правовых документах многих государств и международных организаций интерпретируется как привлечение детей на работы, которые лишают их образования, физически вредны и нравственно опасны. Международная Организация Труда (МОТ) рекомендует запрещать занятость детей до 12 лет на любой, 12-14 лет – на тяжелой, 15-17 лет – на опасной работе. Существуют такие виды детского труда, по недопущению которых государства принимают на себя официальные обязательства. В Конвенции «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда», принятой МОТ в 1999 году (Азербайджан присоединился к ней в 2004 году), к подобным видам отнесены рабский труд (принудительный труд, труд на основе долговой или крепостной зависимости, принудительное использование в воору-

женных конфликтах и т.п.), проституция, участие в производстве и реализации наркотических веществ и порнографических материалов, работа, которая может нанести вред здоровью, безопасности или нравственности детей.¹

Активность дискуссии о том, к каким работам недопустимо или нежелательно привлекать детей, а какая трудовая деятельность (и при каких условиях), напротив, должна считаться безопасной и, с точки зрения будущего детей, даже полезной для них, не ослабевает. Эти проблемы обладают ярко выраженным общественно-нравственным и политическим характером, но в качестве составных частей производственно-трудовых процессов они являются одновременно и экономическими. Между тем, ни содержание этих проблем, ни целесообразность, масштабы и жесткость государственного вмешательства в их решение не являются в развитых странах предметами противостояния левых и правых. Искоренение эксплуатации детского труда одинаково последовательно и энергично поддерживается в этих странах как правыми, так и левыми политико-экономическими группами. В каких-то странах сокращение детского труда может занимать более высокое место среди государственных приоритетов по сравнению с другими, но это не меняет сути дела, так как невозможно, основываясь на необходимом и достаточном уровне государственного вмешательства в эти вопросы, квалифицировать имеющиеся позиции как левистские или правистские. В пользу этого тезиса свидетельствует и то, что искоренение эксплуатации детского труда является в одних странах более высоким приоритетом для правых, а в других – для левых.

1.8.2. Неформальная экономика...

... представляет собой совокупность всех видов экономической деятельности, которые официально не регистрируются (соответственно, не отражаются в таких общих экономических показателях страны, как ВВП, ВНД, занятость и т.д.) и не регулируются государством. Известная доля неформальной экономики присутствует во всех государствах, но как показывают современные исследования, в странах, сильно ограничивающих экономические свободы, ее удельный вес больше. В

---

¹ См.: Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда, Статья 3; доступна на: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention182.shtml; просмотрено – июль 2014.

отличие от незаконной торговли оружием и боеприпасами, производства и реализации наркотических веществ и других подобных видов деятельности (в некоторых случаях их выделяют в отдельную группу и обозначают как «нелегальная» или «криминальная экономика»), неформальная экономика включает в себя также и самую обычную экономическую деятельность. Широко распространена практика, когда предприятия (как частные, так и государственные) формализуют лишь часть своей деятельности, и в таких случаях они частично функционируют на поле формальной экономики, а частично – неформальной.

В экономических исследованиях последних лет неформальную экономику обычно анализируют «под одним заголовком» с коррупцией – из-за того, что они тесно взаимосвязаны. С одной стороны, коррупция является одной из причин возникновения и расширения неформальной экономики, поскольку не только законодательные нормы, затрудняющие ведение бизнеса (как, например, чрезмерное налоговое бремя), но и неофициальные препятствия предпринимательству побуждают предприятия переходить в неформальный сектор, а среди последних коррупция находится на первом месте. С другой стороны, коррупция, особенно некоторые ее особые виды, образует значительную долю неформальной экономики. Несмотря на это, нередко встречающиеся попытки определения (измерения) масштабов неформальной экономики одной лишь коррупцией приводит к ложным выводам.¹ Последние исследования показывают, что взаимозависимость между неформальной экономикой и коррупцией куда сложнее. Например, профессор Фридрих Шнейдер (Австрия), считающийся одним из ведущих специалистов мира в этой области, на основе фактологического анализа показал, что в богатых странах неформальная экономика уменьшает коррупцию, а в бедных, наоборот, увеличивает.²

---

¹ Например, при измерении масштабов неформальной экономики в различных государствах фонд “Heritage” использует именно такую методологию и, базируясь на этих измерениях, проводит межстрановые сравнения (см.: *2014 Index of Economic Freedom*; доступно на: http://www.heritage.org/index/pdf/2014/book/index_2014.pdf; просмотрено – июль 2014). При таком подходе ни страновые результаты, ни межстрановые сравнения не могут быть точными и считаться достоверными.

² См.: *Fr.Schneider. Shadow Economies and Corruption All Over the World: What Do We Really Know?* – Bonn, Institute for the Study of Labor, 2006, pp. 29-32; доступно на: http://www.iza.org/index_html?lang=en&mainframe=http%3A//www.iza.org/iza/en/

В вопросах борьбы против неформальной экономики и коррупции правые и левые политические группы выступают со схожих позиций. Конечно, их оценки по некоторым частным вопросам нередко различаются. Скажем, правые могут больше акцентировать внимание на том, что неформальная экономика нарушает фундаментальные экономические свободы и препятствует эффективному функционированию принципов рыночной экономики, придает несправедливый характер конкуренции как между предприятиями, так и между государствами, а левые – на том, что она нарушает общественное равенство и социальную справедливость, «воспроизводит» бедность. Левые могут требовать от государства более жестких мер, а правые апеллировать к большей активности общества. Между тем, все это не связано с повышением или понижением роли государства в борьбе против неформальной экономики и коррупции. Взятчики не делятся на правых и левых: среди политиков западных стран, имена которых склонялись и склоняются в коррупционных скандалах, были и есть представители политических организаций как левого, так и правого толка.

1.8.3. Прозрачность экономики...

... выражается в финансово-экономической открытости и подотчетности обществу правительства и общественных институтов. В большинстве правовых документов и научных работ прозрачность экономики рассматривается в контексте антикоррупционных мер, так как первоочередной задачей усиления транспарентности финансово-экономической деятельности – как в отдельных странах, так и в глобальном масштабе – является предотвращение коррупции. Однако необходимо отметить, что в широком смысле, прозрачность представляет собой особый образ жизнедеятельности общества, который предполагает достаточно высокую степень зрелости социально-экономических отношений. Интерпретируемая таким образом прозрачность, означает открытость общественному контролю всех социально-экономических процессов, в том числе законодательства, разработки и принятия регулирующих решений во всех сферах общественной жизни. Именно благодаря этому, общественные институты различного уровня могут ре-

---

/webcontent/personnel/photos/index_html%3Fkey%3D206&topSelect=personnel&subSelect=fellows; просмотрено – июль 2014.

ально влиять на принятие решений как общегосударственного, так и регионального и локального значения. В этом смысле прозрачность исполнительной и законодательной ветвей власти предстает одним из показателей демократичности государства.

Для общества важна экономическая прозрачность не только органов государственной власти, но и других общественных институтов. Недостаточная транспарентность общественных институтов может иметь последствия, во многих случаях трудно поддающиеся предвидению или измерению. Например, финансово-экономическая подотчетность обществу религиозных организаций и храмов является одним из наиболее важных факторов, от которых зависит скорость распространения в стране нетрадиционных для нее религиозных течений и сект. Или: своевременное и исчерпывающее раскрытие неправительственными организациями своих источников финансирования (особенно теми, которые сами занимаются вопросами финансовой прозрачности) оказывает сильное влияние на уровень социализации людей, степень их вовлеченности в общественную жизнь. Идентичная или схожая картина наблюдается и в других сферах общественной жизни.

Для данного исследования наиболее актуальными аспектами проблемы прозрачности являются вопросы управления государственными финансами и, в первую очередь, государственным бюджетом, хотя и другие государственные средства, например, финансовые резервы Центральных банков, также крайне важны. «Конвенция ООН против коррупции» (2003 год) среди мер по стимулированию прозрачности и отчетности в управлении государственными финансами первые два места отводит процедурам утверждения национальных бюджетов и своевременному представлению отчетов о поступлениях и расходах.¹ Правительство Азербайджана объявило повышение финансовой прозрачности одним из основных приоритетов ближайших лет.²

В странах, экспортирующих природные ресурсы, проблема прозрачности поступлений и расходов государственных финансов включа-

¹ См.: *Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции*, Статья 9.2; доступна на: <http://www.mia.gov.az/index.php?/az/content/461>; просмотрено – июль 2014. Азербайджан присоединился к этой Конвенции в 2005 году.

² См.: *Azərbaycan Respublikasının 2014-cü ilin dövlət və icmal büdcələrinin layihələrinin təqdimatı*. – AR Maliyyə Nazirliyi, 2013, s. 7.

ет в себя прозрачность также и фондов, аккумулирующих средства от экспорта ресурсов. Именно эта насущная потребность обусловила выдвижение Великобританией в 2002 году Инициативы Прозрачности в Добывающих Отраслях. Ее главная идея выражается одним простым лозунгом: Публикуй сколько платишь и сколько зарабатываешь! Первая часть лозунга относится к добывающим компаниям, вторая – правительствам. Считается, что в государствах, зависящих от экспорта нефти и газа, прозрачность является обязательным условием правильного управления доходами. Она может уменьшить потенциальные риски для развития страны и способствовать долгосрочному экономическому росту. Азербайджан – одна из первых стран, присоединившихся к этой международной Инициативе.

Однако сама по себе прозрачность, конечно, не решает проблему эффективного использования государственных финансов и является лишь одним из необходимых условий этого. На первый взгляд может показаться, что формула «инвестировать нефтяные доходы в ненефтяной сектор» решает все основные вопросы. Однако опыт многих государств (Нигерии, Анголы, Алжира, Мексики, Венесуэлы, Эквадора и др.), избравших этот путь, показывает, что не только не решает, а напротив, в некоторых случаях оказывает на экономику негативное воздействие. Важно правильно выбирать инвестиционные проекты, что, в свою очередь, предполагает создание транспарентной системы их всесторонней оценки.

Инвестирование нефтяных доходов в коммерческие проекты в ненефтяном секторе представляет собой внутренне противоречивый процесс: с одной стороны, оно может привести к нежелательным экономическим последствиям (нерациональному использованию государственных финансов, структурным деформациям и т.д.), а с другой – без него интенсивное развитие ненефтяных отраслей невозможно. Это противоречие носит объективный характер и для его преодоления (или хотя бы смягчения) нужно соблюдать некоторые обязательные условия. Экономическая теория уже сформулировала несколько универсальных принципов, соблюдение которых позволяет предотвратить (смягчить) отрицательные последствия этого противоречия. Так, например, необходимо установить лимиты на расходование нефтяных доходов; не рекомендуется инвестировать их в новые проекты по добыче нефти; при

инвестировании внутри страны инфраструктурные проекты предпочтительнее по сравнению с коммерческими, а среди последних предпочтительнее те, по которым часть инвестиций направляется за рубеж для импорта наукоемких технологий; снижение налогов предпочтительнее, чем повышение заработной платы и т.д.

Не менее важным является и то, как расходуются государственные финансы. Здесь наиболее приоритетными являются вопросы прозрачности государственных заказов, четкое законодательное регулирование тендерных процедур (государственных закупок). Эти вопросы актуальны для всех государств, но особенно важны для капиталоизбыточных стран, которые направляют значительные инвестиции на дорогостоящие проекты, в том числе на крупномасштабную реконструкцию физической инфраструктуры.

Одной из главных составных частей экономической прозрачности выступает прозрачность доходов населения, и в первую очередь, регулярное обнародование государственными служащими информации о своих доходах и имуществе. Государства, присоединившиеся к «Конвенции ООН против коррупции», тем самым принимают на себя обязательство, что публичные должностные лица будут представлять налоговым службам декларации о доходах, в которых, помимо прочего, будет отражена информация об их внеслужебной деятельности, занятиях, инвестициях, активах и о существенных дарах или выгодах.¹ Азербайджан пока не применяет декларации о доходах и имуществе. Некоторые эксперты считают, что страна еще не готова к тому, чтобы их представляли все граждане, поскольку существуют такие профессии, владельцев которых (например, учителей, занимающихся репетиторством) было бы неправильно облагать налогами. Но и эти эксперты согласны с тем, что государственные чиновники могли бы и должны бы ежегодно представлять декларации.²

Прозрачность государственных финансов – очень обширная тема. Существует целый ряд проблем – от государственных инвестиций в экономику зарубежных стран и репатриации полученной там прибыли

¹ См.: Конвенция ООН против коррупции, Статья 8.5.

² См.: Азербайджан не готов ко Всеобщей декларации о доходах. – «Эхо», 7 июля 2012 г., доступно на: <http://echo.az/article.php?aid=22044>; просмотрено – июль 2014 г.

до перехода на принципы электронного правительства – которые при детальном рассмотрении оказываются либо условием, либо результатом прозрачности и подотчетности обществу. Подробный анализ этих проблем не входит в задачи этой книги. Важно то, что прозрачность экономики, причем по всем затронутым выше вопросам, с одинаковой убежденностью поддерживается как правыми, так и левыми политико-экономическими группами. Общественные дискуссии вокруг этих вопросов никоим образом не выражают противостояния левых и правых сил. Те, кто выступают за более активное или более пассивное государственное вмешательство в решение этих вопросов, не различаются по левизне и правизне взглядов и не могут быть классифицированы по этому принципу.

Размежевание левого и правого политико-экономических мировоззрений происходит на основе только тех форм государственного вмешательства в экономику, которые связаны с расширением и ограничением (увеличением и уменьшением) свободы действий компаний и индивидуальных предпринимателей под лозунгами более эффективной защиты общественных интересов. Противостояние политико-экономических мировоззрений происходит на политической арене. Идеологические столкновения между ними неотделимы от политического соперничества. Поэтому с точки зрения разграничения правизны и левизны, важны лишь те виды государственного вмешательства в экономику, которые находятся на стыке экономики и политики.

Это верно, что в содержании большинства форм государственного вмешательства в экономику имеются моменты, связанные с ограничением свободы предприятий (предпринимателей) с целью усиления социальной защиты, или расширением свободы предприятий (предпринимателей) с целью более успешного решения общественно-экономических проблем. Тем не менее, не все эти формы вмешательства становятся предметами политического соперничества. Левизну-правизну воззрений, так же как и реальной экономики (что будет рассмотрено далее), следует анализировать и измерять на основе тех форм государственного вмешательства, которые могут стать и становятся предметами политического соперничества. Увеличение и уменьшение вмешательства государства в экономику происходит благодаря политике.

1.9. Носители правой и левой идеологий

До этого правизна и левизна анализировались в качестве политико-экономических идеологий, по которым различаются политические партии (при более общем подходе – политические группы) – не столько потому, что традиция разделения на левых и правых началась в свое время с партий, сколько из-за того, что именно политические лидеры и их партии воплощают в жизнь принципы этих мировоззренческих систем, материализуют идеологические ценности посредством политики. Своими решениями, в первую очередь законодательскими, они на практике увеличивают или уменьшают государственное вмешательство в экономику.

Для сравнения:

- *Межгосударственные союзы, как правило, создаются на основе общности интересов и чаще всего иницируются под влиянием текущей ситуации.* Одним из наглядных примеров является анонсированный в 1997 году ГУАМ. Территориальная целостность всех образовавших его стран (Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы) нарушена. Территориальные проблемы трех членов ГУАМ связаны непосредственно с Россией, а Азербайджана – с Арменией (хотя Армения является скорее сателлитом России, чем независимым государством). Общность интересов этим в основном и обусловлена. Главной целью ГУАМ было и остается объединение усилий в решении проблем территориальной целостности. Задачи экономического сотрудничества стали актуальными позднее, и существенных достижений в этой сфере пока нет, что объясняется, помимо прочего, сравнительно низким уровнем экономической взаимодополняемости стран ГУАМ.¹ Несмотря на это, общность интересов, связанная с территориальной целостностью, побуждает страны ГУАМ к дальнейшему развитию организации.

---

¹ Подробнее об этом см.: Назим Музаффарли (Иманов). *Политико-экономическая взаимодополняемость и совместимость государств-членов ГУАМ.* – В кн.: ГУАМ: от тактического альянса к стратегическому партнерству (Специальный выпуск журнала «Центральная Азия и Кавказ»), Швеция, СА&СС Press, 2008.

- *Неправительственные организации объединяются, как правило, по проблемам.* Обычно НПО подразделяют на те, которые занимаются практическим решением отдельных проблем (*operational*) и те, которые осуществляют лоббистскую деятельность для продвижения того или иного решения по какой-либо проблеме (*advocacy*). Для достижения общих целей и те, и другие создают объединения разного типа. Например, «Альянс НПО Азербайджана по правам детей» объединяет десятки разнопрофильных организаций, общая цель которых выражена в его названии. Такого рода союзы вполне типичны для сектора НПО. Неправительственные организации, как правило, функционируют обособленно от институционализированных политических структур. Что же касается политизированных и околополитических НПО, то они объединяются между собой, основываясь на других мотивах, поскольку в действительности функционируют как структурные элементы тех или иных политических организаций.
- *Союзы специалистов (экспертов) обычно формируются по профессиональному признаку.* К организациям такого рода относится, например, «Союз экономистов Азербайджана», объединяющий экономистов страны лишь по их профессиональной принадлежности и не учитывающий при этом какие-либо другие критерии (политико-экономические взгляды, научные титулы и т.п.).
- *Альянсы политических партий, между тем, создаются на основе общности их политико-экономических мировоззрений.* Однако здесь речь идет не о внутривнутристрановых союзах, создаваемых для достижения краткосрочных тактических целей, к примеру, консолидации усилий в войне против внешнего врага или в борьбе за завоевание политической власти. В данном случае имеется в виду долгосрочное и, в первую очередь, международное стратегическое партнерство для глобального распространения и практического утверждения ценностей, которые проповедают объединяющиеся партии, а завоевание политической власти рассматривается при этом не более как промежуточное звено.

Объединение в международных организациях политических партий, представляющих различные государства, но при этом разделяющих идентичные политико-экономические ценности, имеет давнюю историю.

ДЕВЯТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Международные союзы политических партий

«Родственные» политические партии стали объединяться в международные союзы с начала XIX века. В настоящее время в подобных союзах представлены партии самого широкого политического спектра – от лево- и правополитических партий, определяющих мировую политику, до менее значимых организаций без четкой идеологической ориентации.

Социалистический Интернационал, функционирующий с 1951 года, является правопреемником Первого Интернационала, созданного еще в 1864 году. Головной штаб находится в Лондоне. Провозглашенная цель – распространение и воплощение в жизнь идеи демократического социализма во всем мире. Состоит из левоцентристских социалистических, социал-демократических и лейбористских партий. Социал-демократическая партия Азербайджана является консультативным членом Социнтерна.

Зеленые Мира (The Global Greens) – союз левых и левоцентристских партий, созданный в 2001 году. Имеет 91 полноправного и 18 ассоциативных членов и партий-наблюдателей. Партия Зеленых Азербайджана состоит в числе ассоциативных членов.

Международный Демократический Союз – объединение правополитических партий консервативного толка, созданное в 1983 году. Имеет 54 полноправных члена, однако численность членов, состоящих в региональных подразделениях, значительно больше. Головной офис находится в Лондоне. Партия Национальной Независимости Азербайджана является ассоциативным членом МДС.

Центристский Демократический Союз – объединяет правополитические партии, более близкие к центру политического спектра, чем те, которые состоят в МДС. Создан в 1961 году. Головной штаб размещается в Брюсселе. Имеет 62 полноправных члена. Политические партии Азербайджана в ЦДС не представлены.

Либеральный Интернационал – объединение правополитических партий либерального толка, созданное в 1947 году. Головной офис находится в Лондоне. Объединяет 61 партию с полным и 22 – с наблюдательным правом. Политические партии Азербайджана не представлены в Либеральном Интернационале.

Правизна и левизна, интерпретируемые как мировоззренческие системы, присущи не только политическим партиям. Существуют и другие субъекты этих мировоззрений, и роль, которую они выполняют в общественно-экономическом прогрессе в качестве левых и правых, чрезвычайно важна.

В частности, неправительственные организации, в зависимости от существа проблем, на решение которых они нацелены, часто выступают как левистские или правистские. Например, НПО, проповедующие снижение налогов, выступают, тем самым, с правых позиций, а объявившие своей целью повышение доходов населения или каких-то его групп (например, занятых в нефтяной промышленности Азербайджана), отвержены левой идеологии.

Это утверждение применимо и к международным НПО. Считающийся одним из создателей экономической доктрины президента Р.Рейгана Фонд «Наследие» (*Heritage Foundation*) последовательно выступает за распространение в мире правоцентристских консервативных экономических моделей.* С этой целью Фонд, совместно с *The Wall Street Journal*, ежегодно публикует итоги исследования под названием «Индекс экономической свободы», в котором сравнивает степень либеральности бизнес-среды в разных государствах (в 2014 году – в 186 странах).¹ Используемые для этого показатели, методика их исчисления и интерпретация полученных на их основе результатов открыто указывают на политико-экономические ценности Фонда: под правами собственности он подразумевает гарантии, созданные для частной собственности; рассматривая налоги, имеет в виду, что чем ниже их уровень, тем лучше не только для предпринимателей, но и для экономики в целом; анализируя государственные расходы, предполагает, что чем

---

* Некоммерческая организация со штаб-квартирой в Вашингтоне (США), созданная в 1973 году. Фонд является одним из главных коллегиальных консультантов правительства США по вопросам национальной безопасности и обладает серьезным влиянием на внутреннюю и внешнюю политику страны. Был одним из вдохновителей антикоммунизма в годы «холодной войны». Известен своими регулярными исследованиями о свободе предпринимательства, ограничении государственного вмешательства в экономику, свободе личности.

¹ См.: *2014 Economic Freedom Index*; доступно на: <http://www.heritage.org/index>; просмотрено – июль 2014.

меньше их удельный вес в ВВП, тем более эффективна экономическая политика. НПО, придерживающееся такой методологии, является организацией правого толка.

В странах с сильно политизированным неправительственным сектором (как в Азербайджане) НПО, занимающиеся экономическими или «околоэкономическими» проблемами, в большинстве своем зависимы от властных (провластных) и оппозиционных партий, а их идеи производны от идеологических установок партий, с которыми они аффилированы. Поэтому классификация НПО по их политико-экономическим воззрениям не столь актуальна, хотя и возможна.

Международные финансовые институты, в том числе Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), Международная финансовая корпорация (МФК), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатский банк развития (АБР) и другие, выступают в основном с правоцентристских позиций. Например, для оценки и сравнения благоприятности условий предпринимательства в различных странах мира Всемирный банк в своем ежегодном исследовании «Условия бизнеса» (*Doing Business*) использует ряд индикаторов, в том числе вышеупомянувшиеся показатели простоты найма и увольнения. Чем проще для предпринимателя нанять и уволить работников, тем более высокое место его страна занимает в рейтинге Всемирного банка. Если бы аналогичное исследование проводилось аналитическим центром, обладающим левым мировоззрением, то более высокие оценки были бы даны не простоте, а наоборот, сложности найма и увольнения, поскольку он акцентировал бы внимание на уровне обеспечения государством социальных интересов работников. Каждый из этих подходов имеет свою логику, и обе позиции имеют право на существование. Можно утверждать, что общественно-экономические явления и процессы получают всестороннюю оценку только благодаря совокупному использованию левистского и правистского критериев. Поэтому рейтинги, которые проводятся лишь по одному из них (подобно ранжированию стран по простоте найма и увольнения), правильно считать условными. Особенность условных рейтингов состоит в том, что высокое или низкое место, занимаемое в нем той или иной страной, не может рассматриваться как положительная или отрицательная характеристика ее экономики.

Вопрос об индивидуальной левизне и правизне отдельно взятых экономистов является особенно интересным. С одной стороны, философско-идеологический фундамент практических идей (требований) политических партий и экономической политики, которую они проводят, находясь у власти, а также идеологический базис всех иных общественных структур создается отдельными экономистами-теоретиками. Как уже отмечалось, общие теоретические основы современного правизма были созданы А.Смитом, а левизма – Дж.Кейнсом. Их идеи по поводу увеличения и уменьшения государственного вмешательства в экономику позднее были развиты последователями с учетом новых особенностей мировой экономики и доведены до системного уровня. С другой стороны, существует и обратная зависимость: перманентно продолжающиеся дискуссии между экономистами по поводу необходимой и достаточной степени государственного вмешательства в экономику, его формах и инструментах проходят с учетом реальных социально-экономических процессов, усиливающих левизну или правизну экономики.

Проблемы, по которым дискутируют экономисты левых и правых взглядов, столь многочисленны и разнообразны, что для их анализа требуется отдельное исследование. В качестве примера рассмотрим некоторые позиции по вопросу о государственном регулировании внешней торговли.

Один из наших выводов состоит в следующем: дискуссии о том, какая политика внешней торговли – протекционизм или фритредерство – является «однозначно хорошей», а какая – «однозначно плохой», на самом деле лишены смысла. Между тем, один из основных информационных ресурсов в Интернете, хотя и не считающийся официальным источником, *Wikipedia* в статье под названием “*Protectionism*” утверждает, что, в целом, экономисты выступают против торговых ограничений.¹ В другой статье (“*Free Trade*”) *Wikipedia* утверждает, что, по мнению большинства экономистов, свободная международная торговля однозначно предпочтительнее для государств, чем протекционизм, и для доказательства этого ссылается на результаты опроса, проведенно-

---

¹ См.: <http://en.wikipedia.org/wiki/Protectionism>; просмотрено – июль 2014.

го среди американских экономистов.¹ То, что среди американских экономистов сторонники торгового либерализма составляют большинство, вполне объяснимо, ибо они (американские экономисты) смотрят на мировое хозяйство «глазами» самой сильной экономики в мире. Страны с сильной экономикой, как уже отмечалось, заинтересованы в ослаблении внешнеторговых ограничений: их продукция и услуги обладают высокой конкурентоспособностью и по мере либерализации торговых правил, не утрачивают гегемонию на внутренних рынках, но вместе с тем, получают шанс завоевать новые зарубежные рынки.

Совершенно иная картина наблюдается при анализе исследований экономистов-аналитиков из стран, экономически менее развитых, но богатых природными ресурсами. Например, в опубликованных за последние 10 лет работах азербайджанских экономистов, в которых рассматриваются или затрагиваются вопросы международных экономических связей, открыто просматривается приверженность к протекционизму, к более широкому использованию протекционистских инструментов во внешней торговле.²

Эти особенности экономической мысли, хотя и вполне объяснимы, но не обладают универсальным характером. Например, нельзя утверждать, что в вопросах государственного регулирования внешней торговли американские экономисты выступают с правых позиций, а азербайджанские – с левых. По ряду конкретных вопросов, связанных с международными экономическими связями США, многие американские экономисты занимают весьма жесткую леви́стскую позицию, порой доходящую чуть ли не до «общенациональной солидарности». Достаточно упомянуть периодически возобновляющиеся в США политико-экономические дискуссии по поводу экспорта высоких технологий или импорта легковых автомобилей. В свою очередь, среди азербай-

---

¹ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Free_trade; просмотрено – июль 2014.

² См., например: Т.Хüseynov. *Azərbaycanda bazar sisteminin iqtisadi problemləri*. – Bakı, 2004; Ş.Насиєв, Ə.Баурамov. *Бeynəlxalq iqtisadiyyat*. – Bakı, 2005; İ.Кərimli. *Бeynəlxalq iqtisadi münasibətlərin müasir problemləri*. – Bakı, 2006; А.Şəkəraliyev. *Dövlətin iqtisadi siyasəti: reallıqlar və perspektivlər*. – Bakı, 2009; R.Нəsənov. *İqtisadi siyasət: metodologiya və praktika*. – Bakı, 2009; M.Əhmədov, A.Хüseyn. *İqtisadiyyatın dövlət tənzimləməsinin əsasları*. – Bakı, 2011.

джанских экономистов есть немало сторонников упразднения препятствий (в первую очередь, нетарифных барьеров), усложняющих внешнюю торговлю, в том числе импорт, и считающих это стратегически важным для экономического развития страны.

Правительства, как известно, несут основную долю ответственности за экономическое развитие своих стран, а предприятия (предприниматели) непосредственно обеспечивают его своей деятельностью. Наряду с ними, существуют и другие субъекты, которые могут влиять (как бы «извне») на ход экономического развития – политические партии, неправительственные организации, различного рода объединения предпринимателей, профсоюзы и даже индивидуальные эксперты. Их требования и рекомендации должны быть последовательными и лишь при этом условии обладают конструктивным потенциалом. Нельзя по одному и тому же вопросу одновременно выдвигать и левистские, и правистские политико-экономические требования.

К сожалению, подобный «дуализм» все еще встречается в Азербайджане. Например, многие политические и общественные организации, а также представители экспертного сообщества часто выступают с призывами к правительству облегчить налоговое бремя как в частном, так и в государственном секторах. С некоторыми оговорками, это – вполне нормальное требование, свидетельствующее, как мы уже знаем, о правых политико-экономических взглядах его авторов. Между тем, во многих случаях те же самые люди буквально вслед за этим, озвучивают еще одно требование – повысить удельный вес государственного бюджета в валовом внутреннем продукте. После этого выдвигается третье – ограничить, или даже уменьшить трансферы из Нефтяного фонда в государственный бюджет. Надо иметь в виду, что эти требования не могут быть выполнены одновременно. При сохранении трансферов из Нефтяного фонда в государственный бюджет неизменными, рост доли бюджета в ВВП возможен лишь путем повышения налогов. При неизменности иных условий, эти два требования (снижение налогового бремени и повышение удельного веса государственного бюджета в ВВП) взаимоисключают друг друга и, с точки зрения отношения к вопросам государственного вмешательства в экономику, присущи различ-

ным политико-экономическим мировоззрениям: первое – правому, а второе – левому.

Одним из интереснейших аспектов проблемы является то, что даже в составе одного и того же правительства могут быть структуры, одна из которых, просто в силу особенностей выполняемых управленческих функций, выступает с левых, а другая – с правых позиций. Например, Министерство Труда и Социальной Защиты Населения (во всех странах мира, в том числе и в Азербайджане) объективно должно бороться за реализацию левистских ценностей. Чем крупномасштабнее социальные программы и чем больше государственных средств выделяется на их выполнение, тем успешнее это министерство может исполнять свои обязанности. Если для этого нет иного пути, кроме повышения налогов, то оно не только согласится с этим, а возможно, будет даже лоббировать его. Министерство Экономики и Промышленности, наоборот, объективно должно выступать с правистских позиций, так как его главная задача состоит в достижении как можно более высоких темпов экономического роста, а для этого оно будет способствовать обеспечению интересов предприятий, формированию более благоприятных условий ведения бизнеса и, естественно, не к повышению, а к понижению налогов.

Или допустим, что в составе правительства функционируют два агентства, связанных с государственным имуществом. Одно из них занимается управлением государственным имуществом, другое – его приватизацией. Первое агентство объективно будет заинтересовано в приумножении государственной собственности и, соответственно, выступать с левистских позиций, второе же будет стремиться к увеличению частной собственности за счет уменьшения государственной и, соответственно, занимать правистскую позицию.

То, как именно разрешаются «уравнения» такого типа, зависит от общего политико-экономического курса правительства, предпочтительности той или иной политики на данном этапе развития. Иногда руководители государств и правительств не только не устраняют подобные «внутриправительственные противоречия», а напротив, целенаправленно создают их, или углубляют, если они уже имеются. При этом

они исходят из хорошо известного правила, гласящего, что иногда «золотую середину» легче обнаружить посредством столкновения интересов.

Важно учитывать, что, касаясь проблемы государственного вмешательства в экономику, все политические силы (лишь те, которые находятся у власти, могут иногда составлять исключение) вынуждены требовать (по меньшей мере – рекомендовать) либо его увеличения, либо уменьшения. С этой точки зрения, политических сил, могущих называться ни левыми и ни правыми, а просто центристскими, не существует. При более глубоком анализе их требований (рекомендаций) и действий выясняется, что политические группы, которые в различных странах мира номинируют себя под названием «центристов», на самом деле выступают либо с левых, либо с правых позиций.

1.10. Три заключительных суждения

Для того, чтобы из сравнительного анализа левистского и правистского политико-экономических мировоззрений сделать правильные выводы, необходимо учесть некоторые условия. Они важны для корректной интерпретации и тех вопросов, которые будут рассматриваться в последующих главах.

1.10.1. Суждение первое

Понятия правизны и левизны политико-экономических воззрений относительно. В стране с установившейся рыночной экономикой левистская политико-экономическая идеология является таковой исключительно по отношению к правистской идеологии в той же стране, и наоборот. Свойство относительности не характерно только для крайних правистских и левистских взглядов, хотя рассуждения о подобных исключениях обладают лишь познавательным (гносеологическим) смыслом, поскольку в современном мире абсолютно крайних политико-экономических групп практически нет. Даже самые жесткие левые и те вынуждены признавать необходимость механизмов саморегуляции рынка, а самые жесткие правые – обязательность некоторого государственного вмешательства в экономику. Если, исходя из степени госу-

дарственного вмешательства в экономику, для описания всего спектра политико-экономических воззрений в какой-либо стране начертить некую условную линию, то ее крайнюю левую точку (абсолютно государственная экономика) и крайнюю правую точку (абсолютно рыночная экономика) пришлось бы оставить пустыми. Политико-экономических мировоззрений и, соответственно, политико-экономических групп, которые можно было бы поместить на эти точки, в реальности просто не существует. Все группы размещаются на определенном расстоянии от крайних точек и, по мере приближения к середине линии (центру), их плотность возрастает.

Точно измерить степень правизны или левизны воззрений, по причине их относительности, невозможно. Можно лишь констатировать, что одни воззрения (индивиды, группы) являются более правистскими или левистскими относительно других. Из этого следует еще один интересный вывод. Эпитеты типа «ближе к центру» или «дальше от центра», использовавшиеся при классификации политических партий, означают, что существуют идеологические различия и между теми политическими организациями, которые на условной линии политического спектра располагаются по одну и ту же сторону от центра. Иначе говоря, одни правые могут быть и бывают более (менее) правыми, чем другие правые (аналогично, одни левые могут быть и бывают более, или менее, левыми, чем другие левые). Если, немного скатившись в цифровой примитивизм, допустить, что одна правоцентристская группа предлагает смягчить защиту внутреннего рынка на 10%, а вторая – на 12%, то можно утверждать, что вторая правоцентристская организация по данному вопросу занимает более правую позицию.

Иногда возникает ситуация, когда большинство политических организаций по экономическим вопросам выступают с одинаковыми требованиями, идентичными лозунгами. Такая ситуация наблюдалась, например, в Азербайджане в 1990-х годах. Абсолютное большинство политических партий, общественных организаций, экспертов по экономическим вопросам требовали проведения в стране правых реформ. Несколько коммунистических партий, действовавших в то время, социал-демократы и прочие политические организации левого толка настоя-

чиво требовали от правительства приватизации. На первый взгляд, это было аномально, поскольку при нормальном течении политико-экономических процессов левые должны выступать не за приватизацию (расширение частного сектора за счет государственного), а наоборот, за увеличение государственной собственности. Вместе с правыми политическими организациями левые боролись за либерализацию, облегчение налогового бремени, свободу внешней торговли, смягчение правил регулирования занятости (например, расширение прав работодателей по увольнению) и другие аналогичные перемены. Все были правистами.

На самом деле, объяснить этот парадокс не так трудно, как может показаться. В тот период все политически активные граждане и группы страны считали, что экономика находится левее, чем нужно (государственного вмешательства больше, чем требуется) и это соответствовало действительности. После восстановления независимости Азербайджан унаследовал одну из самых левистских экономических систем мира. Невзирая на приватизацию, поистине революционную земельную реформу и другие либеральные перемены, экономика не смогла к тому времени освободиться от чрезмерной левизны. Даже по критериям левых, нужно было «сдвинуть» экономику вправо. Именно в этом и состояла причина. Но анализ показывал, что правые программы одних политических организаций были правее, чем правые программы других. Это явление возникает не только в периоды трансформации экономических систем. Довольно часто встречаются случаи, когда правые и левые политические организации выступают с идентичными или очень близкими программными требованиями также и при функционировании рыночной экономики в обычном режиме. Налоговые дебаты, вновь завоевавшие политическую повестку США в 2013-2014 годах, являются тому наглядным примером (см.: *Десятое отступление. Дебаты в США по налоговой реформе*).

Существует и межстрановая относительность понятий правизны и левизны. Идентификация (или самоидентификация) какой-либо политической группы как левистской или правистской происходит на основе внутривостранового сравнения. Это – практическая сторона вопроса. В теоретическом же плане, сравнивать политические группы двух или

более стран по степени левизны (правизны) их идеологий, конечно, можно и это весьма продуктивно. Эти сравнения показывают, что левые одной страны правее, чем правые другой страны. Скажем, Лейбористская партия (*Labour Party*), считающаяся главной левоцентристской партией Великобритании, по многим вопросам выступает с более правых позиций, чем главная правоцентристская либерально-консервативная партия Франции – Союз за народное движение (*Union for a Popular Movement*). Однако это утверждение имеет лишь аналитическое значение, так как место, занимаемое Лейбористской партией в политическом спектре, определяется в сравнении с политическими партиями Великобритании, а по сравнению с правоцентристскими Консерваторами (*Conservative and Unionist Party*), она принадлежит к левому лагерю. Поэтому вполне справедливо, что Лейбористская партия во всем мире воспринимается как левоцентристская организация и входит, в качестве наблюдателя, в Социалистический Интернационал. В свою очередь, Союз за народное движение известен как правоцентристская партия и является полноправным членом Международного Демократического и Центристского Демократического союзов.

Именно по этим причинам взгляды политических групп и экономистов Азербайджана по вопросам необходимого и достаточного уровня государственного вмешательства в экономику так трудно поддаются сравнению с левизной и правизной политико-экономических идеологий в других странах, и такое сравнение имеет лишь теоретическое значение.

1.10.2. Суждение второе

Все, что было сказано выше и будет изложено далее о содержании и противостоянии правистских и левистских политико-экономических воззрений, относится лишь к естественному («нормальному») состоянию общественной жизни. В экстремальных же ситуациях вмешательство государства в экономику существенно возрастает и неизбежность этого признается всеми. Речь идет о периодах как военно-политических, так и экономических потрясений. К первым можно отнести, к примеру, войны, ко вторым – экономические кризисы. На этих времен-

ных отрезках традиционные различия между правым и левым политико-экономическими мировоззрениями нивелируются и практически исчезают: все политические группы «левеют», выступая за более активное вмешательство государства в экономику.

В XX веке в западных странах периодом наиболее активного государственного вмешательства в экономику были годы Второй мировой войны. Можно утверждать, что некоторые методы и инструменты вмешательства, используемые в настоящее время, сформировались именно в те годы. В тот период даже в англо-саксонских государствах, традиционно наиболее приверженных либеральным экономическим ценностям, широко применялись императивное планирование, прямое регулирование («замораживание») цен и заработной платы и другие жесткие формы государственного вмешательства в экономику. Независимо от степени либеральности своих довоенных взглядов, все политические силы – не только левые, но и правые – поддерживали более активное вмешательство своих правительств в экономику: увеличение государственной собственности, повышение налогов, более жесткое регулирование внешнеэкономических связей и т.д.

Великая депрессия 1929-1932 годов считается самым тяжелым и разрушительным экономическим кризисом XX века. Как в период кризиса, так и в первые посткризисные годы государства с рыночной экономикой старались защитить свой внутренний рынок экономическими и административными мерами. Протекционизм во внешней торговле осуществлялся в жестких формах и широких масштабах. Государства активно применяли и другие формы вмешательства в экономические процессы, и это считалось совершенно естественным. К тому же, в ряде стран эта политика проводилась правыми партиями, находящимися в то время у власти. Правда, некоторые специалисты по экономической истории утверждают, что недопустимо высокая степень государственного вмешательства в экономику усугубляла кризис, препятствовала преодолению его последствий и достижению докризисного уровня производства и международной торговли.¹ Эти утверждения, скорее всего, вер-

---

¹ См.: B.Eichengreen, D.Irwin. *The Slide to Protectionism in the Great Depression: Who Succumbed and Why?* – The Journal of Economic History, Vol. 70, No. 4 (December 2010);

ны, но для нашего исследования важно другое, а именно то, что в экстремальной (кризисной) ситуации государственное вмешательство в экономику объективно усиливается и это считается необходимым всеми политико-экономическими группами.

Эксперты Международного валютного фонда опубликовали материалы, свидетельствующие о тенденции к усилению протекционизма во внешней торговле сразу после того, как разразился кризис 2008 года. Общая активизация государственного вмешательства в экономику наблюдалась также и в период этого кризиса.¹ Глобальный финансово-экономический кризис вновь продемонстрировал: в экстремальных ситуациях усиление государственного вмешательства в экономику неизбежно и считается приемлемым приверженцами как левых, так и правых взглядов.

В данном исследовании анализируются политико-экономические явления и процессы, происходящие не в экстремальные, а в обычные периоды общественной жизни.

1.10.3. Суждение третье

Несложно заметить, что сравнительный анализ левистской и правистской мировоззренческих систем, проведенный выше, построен на некоторой схематичности. В реальной жизни все гораздо сложнее. Иногда личные качества лидера играют более важную роль в успехе политической партии, чем ее программные цели, в том числе отношение к государственному вмешательству в экономику. Начиная с конца XX века, во многих странах стало все труднее выявлять различия во взглядах левистских и правистских групп по поводу социально-экономических вопросов. Для завоевания избирательских симпатий, правые политические группы нередко пользуются риторикой социальной защиты даже активнее, чем левые, которые, в свою очередь, иногда настойчивее,

---

доступно на: <https://www.dartmouth.edu/~dirwin/Eichengreen-IrwinJEH.pdf>; просмотрено – июль 2014.

¹ См.: R.Gregory, Ch.Henn, B.McDonald, M.Saito. *Trade and the Crisis: Protect or Recover*. – IMF Staff Position Note, April 16, 2010; доступно на: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2010/spn1007.pdf>; просмотрено – июль 2014.

чем правые, провозглашают важность сохранения и укрепления рыночных свобод.

Однако все это не меняет сути дела. Во всех странах научная мысль и общественное мнение, политические организации и неполитические общественные структуры подразделяются – на основе их отношения к вмешательству государства в экономику – на два больших лагеря, борьба между которыми движет государства к развитию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Левизна и правизна экономики

В каждой стране на каждом временном отрезке государственное вмешательство в экономику находится на некоем определенном уровне. Экономические системы стран мира в значительной степени различаются на одном и том же временном отрезке также по уровню вмешательства государства в экономику. Ряд этих различий обуславливается теми формами вмешательства, которые являются предметами политического соперничества. В этом случае они придают экономике особые свойства, совокупность которых – в соответствии с вышеизложенными положениями – логично называть левизной и правизной экономики. Имеется в виду, что чем выше уровень этих форм государственного вмешательства в экономику (как по их совокупности, так и по каждому в отдельности), тем левее экономика, и наоборот, чем ниже это вмешательство, тем экономика правее. Следовательно, левистские и правистские политико-экономические воззрения могут интерпретироваться и так: левые – это те, которые хотят «сдвинуть» экономику влево, а правые – соответственно, вправо.

Левизна-правизна экономики в целом измеряема, так как измерению поддается каждая из обуславливающих ее форм вмешательства. Экономическая теория пока не выработала для этого какой-либо общей, интегральный показатель. Вместе с тем, в последние годы разработаны достаточно точные методы оценки уровня государственного вмешательства в экономику по различным его формам. Эта область экономического анализа довольно быстро развивается – еще и потому, что совершенствуется необходимая для нее статистика по странам мира.

Итак, в настоящее время существует определенная совокупность показателей, анализ которых позволяет достаточно точно определять степень левизны-правизны экономики.

Подобно левистскому и правистскому политико-экономическим мировоззрениям, левизна и правизна экономики также относительны, т.е. о левизне (правизне) экономики той или иной страны можно судить лишь в сравнении с экономикой других стран.* Для ее оценки по различным странам, в том числе по Азербайджану, следует, прежде всего, рассмотреть количественные параметры отдельных форм государственного вмешательства, которые становятся предметами политического соперничества.

2.1. Соотношение государственного и частного секторов

Соотношение частного сектора с государственным (удельный вес частного и государственного секторов) является одной из основных характеристик экономики, которые могут быть использованы для определения ее левизны-правизны. Эта пропорция выражается в нескольких показателях: соотношении количества коммерческих предприятий в частной и государственной собственности, удельном весе частных и государственных предприятий в валовом внутреннем продукте (либо в других макропоказателях – экспорте, инвестициях и т.д.). Возможны также отраслевые (по отдельным отраслям экономики) и региональные (по отдельным регионам страны) модификации этих показателей.

Статистические данные об удельном весе частного и государственного секторов в ВВП стран мира, которые можно использовать для международных сравнений, не так легкодоступны, как может показаться. Какой-либо единой базы данных, охватывающей репрезентативное количество государств, практически не существует. Данные по отдельным странам, предоставляемые различными агентствами, исследовательскими центрами и экспертами, сильно различаются, поскольку рас-

---

* Теоретически по левизне-правизне экономики можно сравнивать также и различные регионы одной и той же страны, если они обладают хоть какой-то самостоятельностью в выборе форм и методов управления экономикой. Однако большинство этих форм и методов имеет общегосударственный характер, а местные особенности (например, местные налоги) незначительно влияют на общую левизну-правизну экономики.

считываются на основе различных методологий и методик. Одним из источников, позволяющих в первом приближении сопоставить эти показатели, хотя и не по всем странам мира, является информационная база Европейского банка реконструкции и развития – ЕБРР (Таблица 1).

Согласно статистике ЕБРР, в рэнкинге 29 стран по удельному весу частного сектора в ВВП Азербайджан делит 4-12 места. Это означает, что по показателю соотношения государственной и частной собственности экономика Азербайджана располагается левее экономики лишь трех ранжируемых стран, а относительно экономики 17 стран – правее. Левее всех располагается экономика Туркменистана, Беларуси и Узбекистана: в этих странах государственные предприятия производят, соответственно, 75, 70 и 55% ВВП.

Представленные в Таблице 1 показатели получены с помощью весьма приблизительных – по признанию самих специалистов ЕБРР² – расчетов, произ-

Таблица 1. Удельный вес частного сектора в ВВП некоторых стран (ЕБРР, 2010 г., в %)¹

Место	Страна	Доля
1-3	Эстония	80
1-3	Венгрия	80
1-3	Словакия	80
4-12	Албания	75
4-12	Азербайджан	75
4-12	Болгария	75
4-12	Армения	75
4-12	Грузия	75
4-12	Кыргызстан	75
4-12	Литва	75
4-12	Монголия	75
4-12	Польша	75
13-18	Хорватия	70
13-18	Латвия	70
13-18	Македония	70
13-18	Румыния	70
13-18	Словения	70
13-18	Турция	70
19-22	Казахстан	65
19-22	Молдова	65
19-22	Черногория	65
19-22	Россия	65
23-25	Босния-Герц.	60
23-25	Сербия	60
23-25	Украина	60
26	Таджикистан	55
27	Узбекистан	45
28	Беларусь	30
29	Туркменистан	25

¹ Составлена на основе данных Европейского Банка Реконструкции и Развития (см.: EBRD – Structural Change Indicators; доступно на: <http://www.ebrd.com/pages/research/economics/data/macro.shtml>; просмотрено – июль 2014).

² См.: <http://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/forecasts-macro-data-transition-indicators.html>; просмотрено – июль 2014).

веденных на основе как официальной статистики стран, так и данных, полученных из неофициальных источников. При наличии более или менее достоверной информации о неформальной экономической деятельности частных компаний, она также была учтена.

Поэтому естественно, что показатели ЕБРР значительно отличаются от тех, которые предлагаются статистическими органами различных стран. Например, по данным правительства Азербайджана, в 2013 году удельный вес частного сектора в ВВП составил 82,3%. За последние годы этот показатель не претерпел существенных изменений (в 2011 г. – 82,5%, в 2012 г. – 81,8%) и, по прогнозу правительства, не претерпит и в ближайшие годы (в 2014 г. – 82,2%, в 2015 г. – 82,1%, в 2016-2017 гг. – 81,8%).¹ Удельный вес частного сектора различается и по отраслям экономики: самые высокие показатели сложились в торговле и сфере услуг (99,8%), сельском хозяйстве (99,5%) и промышленности (87,4%), а самые низкие – сфере социальных услуг (51,5%) и транспорте (77,1%). Строительство (84,5%) и связь (76,8%) находятся в середине. Следует отметить, что, начиная с первых лет восстановления независимости и начала экономических реформ, доля частного сектора в ВВП неуклонно повышалась и лишь с 2006 года относительно стабилизировалась и неизменно превышала 80%.²

По некоторым странам показатели ЕБРР и официальных статистических органов совпадают. Так, удельный вес частного сектора в ВВП Кыргызстана в обоих источниках равен 75%.³ Между тем, для демонстрации «успехов», достигнутых в области реформ по переходу на рыночную экономику, правительства некоторых стран манипулируют показателями соотношения между частным и государственным секторами. Например, официальные лица Беларуси утверждают, что в их стране удельный вес частного сектора достиг 82,9%. На самом же деле, этот показатель отражает долю частных компаний в общем количестве

¹ См.: *Azərbaycan Respublikasının 2014-cü ilin dövlət və icmal büdcələrinin layihələrinin təqdimatı*. – AR Maliyyə Nazirliyi, 2013, s. 4.

² Данные Государственного статистического комитета Азербайджанской Республики (см.: http://www.stat.gov.az/source/system_nat_accounts; просмотрено – июль 2014).

³ См.: *Дж.Оторбаев. Доля частного сектора в ВВП достигла 75%*; доступно на: http://www.vb.kg/doc/235615_djoomart_otorbaev:_dolia_chastnogo_sektora_v_vvp_dostigla_75.html; просмотрено – июль 2014.

зарегистрированных коммерческих организаций. Динамика соотношения количества частных и государственных компаний важна для многих аналитических целей. Не имея соответствующие данные, сложно оценивать реальные процессы, происходящие в частном секторе, скажем, степень благоприятности бизнес-среды для создания малых и средних частных компаний. Однако этот показатель (удельный вес частных предприятий в общем количестве коммерческих компаний) не позволяет дать точную сравнительную оценку роли частного и государственного секторов в экономическом развитии различных стран. Что же касается данных об удельном весе частного сектора в ВВП, то официальные органы Беларуси их не рассчитывают или, по крайней мере, не публикуют. По оценке международных финансовых институтов, в Беларуси этот показатель находится в пределах 20-30%, а по расчетам некоторых белорусских экспертов, он еще ниже и не превышает 15%.¹

Большинство ведущих исследовательских центров мира проанализировали бы страны по соотношению государственного и частного секторов именно в том порядке, как это было сделано выше, поставив правые экономики на более высокие, а левые – на низкие места, по той причине, что они являются носителями правого политико-экономического мировоззрения. Однако это вовсе не означает, что максимальное (теоретически до 100%) расширение частного сектора предопределяет экономическое процветание страны. Частный сектор, действительно, быстрее адаптируется к меняющимся условиям рынка и в большинстве случаев более эффективен. Вместе с тем, государственный сектор выполняет такие экономические функции, эффективная реализация которых частному сектору не по силам. Поэтому эти два сектора всегда будут сосуществовать и взаимно дополнять друг друга.

При определении подобных пропорций развивающиеся страны обычно стараются воспользоваться опытом высокоразвитых государств мира. В базе данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) можно почерпнуть информацию об удельном весе частного сектора в ВВП ряда развитых государств. Некоторые из этих государств включены и в Таблицу 1, но показатели по ним существенно разнятся (например, показатель Турции в первом случае дается как

¹ См.: Д.Лавникевич. Зазеркалье-2: Белстат уверен, что в Беларуси – капитализм; доступно на: <http://bdg.by/news/economics/23014.html>; просмотрено – июль 2014.

70%, а во втором – 88,4%). Это объясняется не только различиями в методиках расчета, но и тем, что

Таблица 2. Удельный вес частного сектора в ВВП некоторых стран (ОЭСР, 2007 г., в %)¹

Место	Страна	Доля
1	Турция	88,4
2	Мексика	87,1
3	Словакия	84,2
4	Люксембург	83,3
5	Чехия	83,2
6-7	Австралия	81,6
6-7	Польша	81,6
8	Ирландия	81,3
9	Словения	81,2
10	Юж. Корея	80,9
11	Австрия	79,6
12	Норвегия	79,5
13	Италия	79,2
14	Испания	79,1
15	Финляндия	78,6
16	Германия	78,1
17	Венгрия	78,0
18	Бельгия	76,7
19-20	США	76,6
19-20	Нидерланды	76,6
21	Греция	76,1
22	Франция	74,7
23	Швейцария	74,6
24-25	Дания	73,6
24-25	Португалия	73,6

анализируются разные временные отрезки (статистика ОЭСР относится к 2007 году). Поэтому объединять эти данные в одной таблице некорректно. Тем не менее, интересно ознакомиться и со статистикой ОЭСР (Таблица 2).

Обращает на себя внимание, что показатели удельного веса частного сектора в ВВП менее различаются между собой в развитых странах. В большинстве этих стран данные показатели варьируют между 75-85%. Предположительно, именно этот коридор можно принять за нормативно-целевой для транзитивных экономик.

В период глобального финансового кризиса 2008 года правительства развитых стран пошли по пути частичного расширения государственного вмешательства в экономику, в том числе повышения удельного веса государственного сектора – главным образом, приобретая акции крупных частных компаний. Однако в последние несколько лет в большинстве развитых западных государств вновь превалирует тенденция ог-

¹ Составлена по данным ОЭСР (см.: *OECD Economic Surveys: Slovenia 2009*; доступно на: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-slovenia-2009_eso_surveys-svn-2009-en; просмотрено – июль 2014).

раничения государственной собственности и государственного предпринимательства. Правительства многих стран реприватизируют (или планируют реприватизировать) банки и компании, акции которых они скупили во время кризиса, чтобы спасти их от банкротства. Некоторые же (к примеру, Франция), наоборот, продолжают наращивать государственные инвестиции. Как видно из Таблицы 2, по удельному весу государственного сектора Франция и так опережала большинство стран ОЭСР, а за последний год (с середины 2013 г. до середины 2014 г.) доля инвестиций Агентства государственной собственности Франции выросла еще на 33%. Эксперты журнала *The Economist* считают, что если эта политика будет продолжена, то она еще больше отдалит соотношение между частным и государственным секторами от оптимальной точки и, тем самым, значительно усложнит преодоление последствий кризиса и возвращение французской экономики на траекторию долгосрочного устойчивого развития.¹

Соотношение частного и государственного секторов можно определить и по численности занятых в них работников. Удельный вес занятых на государственных предприятиях в общей численности занятого населения в некоторых случаях является более точным показателем, чем доля секторов в ВВП. Эти показатели отражают разные аспекты одной и той же экономической пропорции и сильно различаются. Причина в том, что предприятия, находящиеся в государственной собственности, в основном относятся не к трудо-, а к капиталоемким. Доля госпредприятий в ВВП превосходит удельный вес количества их работников в общей численности занятых. Кроме того, подсчет занятых на государственных предприятиях ведется лишь по тем предприятиям, акциями которых государство владеет либо полностью, либо в объеме контрольного пакета, а также по тем, которые функционируют под прямым контролем правительственных структур. Поэтому численность работников предприятий, в которых государство владеет небольшой долей собственности, статистикой не учитывается.

Сравнение данных Таблиц 1 и 2 с Таблицей 3 позволяет выявить разницу между удельным весом государственного сектора в ВВП, с од-

---

¹ См.: *The State As a Shareholder (Other Countries are Selling Off State-Owned Industries But France is Trading Up)*. – *The Economist*, June 28 - July 4, 2014, p. 63.

Таблица 3. Удельный вес занятых на государственных предприятиях в общей численности занятого населения (выборочные страны, 2008 г., в %)¹

Место	Страна	Доля
1	Испания	1,0
2-3	Великобритания	1,2
2-3	Турция	1,2
4-5	Армения	1,9
4-5	Новая Зеландия	1,9
6	Дания	2,9
7-8	Германия	3,9
7-8	Эстония	3,9
9	Литва	5,3
10	Словакия	6,0
11	Латвия	6,4
12	Азербайджан	7,4
13	Словения	8,3
14	Молдова	10,0
15	Польша	12,5
16	Украина	16,4
17	Чехия	20,3

ной стороны, и численностью занятых на государственных предприятиях. Во всех странах, за исключением Чешской Республики, первый показатель выше.

Поскольку в статистической базе МОТ последняя информация об общей занятости относится к 2008 году, то данные о численности занятых на государственных предприятиях взяты за тот же год. Следует иметь в виду, что методика расчета показателей общей занятости различается по странам. В одних случаях сюда отнесены также военнослужащие и призывники, в других – учтены либо те, либо другие, в третьих – не учтены ни те, ни другие. Поэтому с точки зрения точности международных сравнений, представленные в Таблице 3 показатели не совсем корректны, но для целей нашего исследования они вполне пригодны.

В информационной базе МОТ данные, позволяющие проводить международные сравнения, охватывают 17 стран. В ранжировании по удельному весу занятых на государственных предприятиях от меньшего к большему Азербайджан занимает среди этих 17 стран 12 место. Это означает, что страны, занимающие 1-11 места, обладают по этому показателю более правой, а занимающие 13-17 места – более левой экономикой. Однако на основе одной лишь этой Таблицы (или первых двух Таблиц) нельзя судить о том, насколько та или иная страна близка к оп-

¹ Рассчитано по данным Международной Организации Труда (см.: http://laborsta.ilo.org/data_topic_E.html; просмотрено – июль 2014).

тимальному соотношению государственного и частного секторов. Для этого необходимо проанализировать ряд других показателей.

Правда, отдельные эксперты уже пытались теоретическим путем, в том числе математическими методами, определить нижний и верхний пределы их оптимального соотношения. В частности, некоторые российские экономисты утверждают, что наиболее благоприятные условия для экономического развития складываются тогда, когда удельный вес государственного сектора находится в пределах 38-62%. Страны, у которых этот показатель ниже 38% или выше 62%, пребывают, по их мнению, в зоне риска.¹ Построение экономической политики на подобных суждениях может привести к очень негативным социально-экономическим последствиям. Во-первых, опыт как развитых, так и быстро развивающихся государств мира показывает, что снижение удельного веса государственного сектора даже до уровня 10% не только не сдерживает экономическое развитие, а напротив, иногда стимулирует его. Во-вторых, определить оптимальное соотношение частного и государственного секторов теоретическим путем, как будет показано далее, невозможно. И это касается всех форм государственного вмешательства в экономику.

2.2. Налоговое бремя и социальные программы

Для оценки степени левизны-правизны экономики по масштабам перераспределения общественного дохода, можно использовать несколько показателей. Основными среди них являются: общее налоговое бремя предприятий, удельный вес налогов в доходах бюджета или в ВВП, подоходный налог граждан (его уровень и степень прогрессии), отношение государственных (бюджетных) расходов к ВВП.

С точки зрения левизны-правизны экономики, налоговое бремя обладает одной принципиальной особенностью. Уменьшение налогов при всех случаях «сдвигает» экономику вправо, а повышение, хотя и «сдвигает» ее влево, но само по себе «не социализирует» ее, т.е. не усиливает ее социальную ориентированность. Экономика социализируется благодаря расширению социальных программ, что достигается

---

¹ См.: <http://rusrand.ru/analytics/gosudarstvennaja-i-chastnaja-sobstvennost>; просмотрено – июль 2014.

путем роста бюджетных доходов, а это, в свою очередь, происходит за счет повышения налогов. В этом случае движение влево сопровождается социализацией, а налоги являются всего лишь одним из звеньев всего процесса. В действительности, левые должны быть заинтересованы не столько в увеличении бюджетных средств, выделяемых на социальные программы, сколько в достижении целей, сформулированных в этих программах. Если дополнительные бюджетные доходы, образующиеся в результате роста налогов, направляются на содержание государственного аппарата, или бюджет социальных программ используется неэффективно (в том числе если помощь достается не тем, кто действительно в ней нуждается, а другим), расхищается коррупцией, то экономика не социализируется. Левистские политические группы хотят, конечно же, не этого. В последние десятилетия они и вовсе предпочитают обойтись без требований о повышении налогов – из-за их политической непопулярности у большей части электората. Что же касается призывов к расширению социальных программ, то они вполне естественны для левых, а при неизменности прочих условий, это достигается путем повышения налогов.

Расширение социальных программ, как правило, увеличивает расходы на содержание государственного аппарата. Правое политико-экономическое мировоззрение выступает против этого. В настоящее время правые политические и экономические организации во многих странах мира представляют принцип «компактного правительства» общественному мнению в качестве одного из основных составляющих своей идеологии. В конечном итоге, по сравнению с левыми, правые всегда выступают за более компактное правительство – и не только с целью экономии бюджетных средств. По их мнению, компактность правительства выражает доверие государства своим гражданам. Этот принцип предполагает делегирование государством части своих управленческих функций гражданам и усиление саморегулирующего потенциала общества.¹ Отношение левых и правых к налоговому бремени обуславливается и тем, как они подходят к этому принципу.

---

¹ Важное место в теоретическом обосновании компактного правительства занимает тезис о том, что «социальные права» человека, базирующиеся на перераспределении жизненных благ, не могут быть отнесены к естественным правам человека (см., напр.: *Edward Younkins. The Minimal State, Not the Welfare State.* – *The Individual*, November, 1998; доступно на: <http://www.quebecoislibre.org/younkins18.htm>; просмотрено – декабрь 2014).

2.2.1. Налоговое бремя предприятий...

... является одним из факторов, определяющих степень левизны-правизны экономики. Для сопоставления налогового бремени предприятий различных стран используют несколько методик. Одной из наиболее популярных среди них является методика Всемирного банка.

В докладе за 2014 год Всемирный банк сравнивает налоговое бремя предприятий в 189 странах.¹ Для этого на основе ряда допущений выстраивается модель некоего гипотетического предприятия, считающегося типичным для всех государств. Предполагается, что это – предприятие средних размеров с ограниченной ответственностью; начало функционировать с января 2011 года, имеет 60 сотрудников и т.д. Далее рассчитывается отношение налогов, которые предприятие должно было бы выплатить в течение года, к его прибыли. Учитываются следующие налоги: (i) налог на прибыль, (ii) социальные налоги, т.е. налог на фонд заработной платы и социальные платежи,* (iii) налог на имущество, (iv) налог с оборота и (v) прочие налоги (как, например, налоги, выплачиваемые местным органам власти, дорожный налог, налог на мусор и др.). Естественно, что если какой-либо из этих налогов в стране не применяется, то не включается в расчеты. Налог на добавленную стоимость (или налог с продаж) не принимается во внимание, так как, в конечном счете, выплачивается потребителем и не утяжеляет налоговое бремя гипотетического предприятия, сконструированного Всемирным банком на основе предположений.**

Некоторые показатели налогового бремени предприятий, полученные экспертами Всемирного банка, представлены в *Таблице 4*. Для более полноценного сопоставления в *Таблицу*, наряду со странами региона Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА), к которому отнесен и Азербайджан, включены также некоторые развитые государства.

¹ См.: *Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises*; доступно на: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2014>; просмотрено – июль 2014.

* По терминологии Всемирного банка – налоги на труд.

** Однако при исчислении административного налогового бремени НДС также учитывается, поскольку увеличивает количество налоговых процедур и время, затрачиваемое на уплату налогов.

Таблица 4. Налоговое бремя предприятий в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г., в %)¹

Место	Страна	Налоговое бремя	Место	Страна	Налоговое бремя
1	Македония	8,2	101	Азербайджан	40,0
10	Косово	15,4	102	Турция	40,2
13	Грузия	16,4	103-104	Молдова	40,4
16	Хорватия	19,8	115	Сан Марино	42,2
18	Черногория	20,9	106	Норвегия	40,7
22	Кипр	22,5	118	Румыния	42,9
25	Канада	24,3	119	Литва	43,1
29	Босния-Герц.	25,5	132	США	46,3
30	Ирландия	25,7	135	Австралия	47,0
34	Дания	27,0	143	Германия	49,4
35	Сингапур	27,1	147-148	Венгрия	49,7
36-37	Болгария	27,7	147-148	Япония	49,7
42	Казахстан	28,6	149-150	Россия	50,7
58	Албания	31,7	153	Швеция	52,0
67-68	Кыргызстан	33,4	157	Беларусь	54,0
71	Великобритания	34,0	158	Украина	54,9
72	Новая Зеландия	34,6	162	Испания	58,6
82	Латвия	35,9	169	Франция	64,7
89	Сербия	36,8	172	Италия	65,8
96	Армения	38,8	182	Таджикистан	86,0
98	Нидерланды	39,3	185	Узбекистан	99,3

Одним из интересных результатов исследования является то, что в первую десятку рэнкинга попали 5 мусульманских государств: Катар (11,3%), Кувейт (12,4%), Бахрейн (13,5%), Саудовская Аравия (14,5%) и Объединенные Арабские Эмираты (14,9%). Причина этого, по-видимому, состоит в том, что по нормам шариата недопустимо чрезмерно облагать частные предприятия налогами. Однако снижение налогов

¹ Составлена по докладу Всемирного банка "Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises" (см: Doing Business 2014: Paying Taxes; доступно на: <http://www.doingbusiness.org/data/exploretopics/paying-taxes>; просмотрено – июль 2014).

также имеет некий допустимый уровень, так как в обратном случае становится невозможным финансировать обязательные государственные расходы. Эти арабские страны являются нефтедобывающими государствами и направляют часть доходов, полученных от экспорта нефти, на оплату государственных расходов. Именно за счет этого им удается удержать налоги на низком уровне. Если оценивать эту стратегию с точки зрения долгосрочной стабильности экономического развития, то ее вряд ли можно признать удачной, поскольку снижение налогов на прибыль ненефтяных предприятий по сути дела означает, что они финансируют меньшую часть государственных расходов, а нулевая или близкая к нулю ставка этого налога означала бы их «освобождение» от экономической ответственности за содержание и развитие государственных институтов.

С другой стороны, чрезмерность налогового бремени также препятствует экономическому развитию. В настоящее время в четырех государствах мира законодательно установленные налоги предприятий превышают их прибыль (например, в Аргентине – 107,8%). В этих странах предприятия фактически принуждаются к переходу в неформальный сектор и полному отклонению от выплаты налогов. Можно с высокой долей вероятности утверждать, что когда суммарные налоги предприятий превышают 70% их прибыли, страна вступает в зону риска. Ряд экономически развитых и быстроразвивающихся стран (Италия, Франция, Бразилия и др.) находятся сейчас на пороге этой зоны.

Именно в этом и состоит условность ранжирования стран по налоговому бремени: слишком низкие налоги столь же неприемлемы, сколь и чрезмерные, так как и те, и другие негативно сказываются на общественно-экономическом развитии.

В рейтинге Всемирного банка по налоговому бремени Азербайджан занимает одно из срединных мест. В более чем половине стран мира (в 96 странах) суммарная налоговая ставка находится в «коридоре», границы которого выше и ниже показателя Азербайджана на 10%, т.е. в интервале между 30-50%. Исследования Всемирного банка показывают, что в последние годы налоговое бремя предприятий Азербайджана имело тенденцию к понижению и с 2011 года стабилизировалось на уровне 40%.

ДЕСЯТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ**Дебаты в США по налоговой реформе**

В последние десятилетия США были одним из самых привлекательных государств для многих компаний, желавших по той или иной причине покинуть свою страну и перебазироваться за рубеж. Такие предприятия называют «экономическими беженцами». В последние годы ситуация радикально изменилась, и теперь многие американские компании сами стремятся перебазироваться в страны с более благоприятным налоговым режимом. Во-первых, корпоративный налог в США (35%) выше, чем в Ирландии, Великобритании и во всех других развитых странах ОЭСР; во-вторых, компании США выплачивают в своей стране налог с прибыли независимо от того, где эта прибыль получена, тогда как другие государства облагают налогом только ту прибыль, которая заработана на их территории.

В настоящее время обе ведущие политические партии США признают необходимость налоговых реформ. Демократы (левоцентристы) предлагают снизить ставку корпоративного налога до 28%, но по-прежнему облагать налогом прибыль, полученную за рубежом. Республиканцы (правоцентристы) выступают за более радикальные реформы. Они предлагают снизить налог с прибыли до 25% и одновременно отказаться от налогообложения прибыли американских компаний, заработанной ими за рубежом. Кроме того, левые считают, что дополнительные финансовые ресурсы, которые появятся после снижения налога благодаря расширению общей налогооблагаемой базы, следует направлять на развитие «социальной инфраструктуры». Правые же выступают против этого и считают, что дополнительные финансовые возможности, если они на самом деле появятся, должны быть использованы для снижения подоходного налога граждан.¹

Таким образом, можно утверждать, что дебаты о налоговой реформе, ныне активно ведущиеся в США, представляют собой вариант классического противоборства левых и правых.

¹ Подробнее см.: *Corporate Tax in America: How to Stop the Inversion Perversion.* – The Economist, July 26 – August 1, 2014, pp. 11-12.

С некоторыми упрощениями можно утверждать, что по показателю налогового бремени предприятий экономика Азербайджана располагается левее экономики 100 стран мира и правее экономики 88 стран. По этому показателю экономика некоторых развитых государств (Канады, Ирландии, Дании, Сингапура, Великобритании, Новой Зеландии, Голландии) правее, чем экономика Азербайджана, а других (Норвегии, США, Австралии, Германии, Японии, Швеции, Испании, Франции, Италии) – левее. Это означает, что левизна-правизна экономики по показателю налогового бремени предприятий не зависит от уровня экономического развития страны и не может рассматриваться в качестве единственного, или хотя бы решающего, фактора, обуславливающего его темпы. Именно об этом, в данном случае, свидетельствует стохастическое расположение в рэнкинге стран ВЕЦА и развитых государств.

2.2.2. Индекс свободы от налогов

Методология измерения налогового бремени, используемая Фондом «Наследие» в ежегодных докладах «Индекс экономической свободы» (*Economic Freedom Index*), коренным образом отличается от методологии Всемирного банка. Фонд исчисляет налоговое бремя как среднее арифметическое от трех индексированных показателей: верхнего предела подоходного налога, верхнего предела налога на прибыль и налогового бремени, выраженного в процентах от ВВП. Последний показатель используется для того, чтобы при оценке общего налогового бремени учитывать также и косвенные налоги (в первую очередь НДС и социальные налоги), хотя при этом возникает некоторый повторный счет, что в какой-то мере искажает показатель общего налогового бремени стран, причем в различной степени. Интегральный показатель называется «Индекс свободы от налогов» (*Fiscal Freedom Index*). Фонд «Наследие», как правая политическая организация, предполагает, что чем этот индекс выше (т.е. чем ниже налоги), тем лучше как для граждан и предприятий, так и для государства.

Группировка стран мира по регионам, которую Фонд «Наследие» использует в «Индексе экономической свободы», существенно отличается от регионализации Всемирного банка. В ряде случаев эта группировка вызывает серьезные вопросы. Например, отнесение Грузии с Арменией к одному региону, а Азербайджана – к другому, непри-

емлемо, поскольку как сами эти государства, так и мировое сообщество считают их составными частями единого субрегиона – Южного Кавказа (по региональной классификации Института Стратегических Исследований Кавказа – Центрального Кавказа).¹ Отнесение государств Центрального Кавказа к разным регионам ошибочно и с политической, и с экономической точек зрения. Поэтому при анализе «Индекса экономической свободы» здесь и далее используется региональная классификация Всемирного банка (Таблица 5). В отличие от Таблицы 4, в Таблицу 5 включен также и Туркменистан, являющийся лидером ВЕЦА по Индексу свободы от налогов.*

Таблица 5. Индекс свободы от налогов в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)²

Место	Страна	Индекс	Место	Страна	Индекс
12	Туркменистан	95,2	64-65	Босния-Герц.	82,9
14	Кыргызстан	94,6	71	Венгрия	81,1
17-18	Казахстан	92,9	88-91	Канада	79,7
17-18	Литва	92,9	88-91	Кипр	79,7
19-20	Албания	92,7	96-99	Украина	79,1
19-20	Косово	92,7	104-105	Турция	77,5
21	Черногория	92,5	121-122	Ирландия	74,0
22	Таджикистан	92,3	134	Новая Зеландия	71,2
25	Македония	91,4	138-139	Хорватия	69,4
26-28	Болгария	91,2	141	Япония	69,2
26-28	Сингапур	91,2	153	США	65,8
32	Узбекистан	90,3	159	Австралия	64,2
34	Беларусь	89,2	165	Германия	61,2
36	Азербайджан	88,1	171	Великобритания	56,6
38	Грузия	87,3	172	Италия	55,5
40	Румыния	87,0	173	Испания	54,0
45	Армения	86,5	174	Нидерланды	51,7
47	Молдова	85,8	176	Норвегия	50,6
48-49	Россия	85,6	177	Франция	48,4
56-57	Латвия	84,6	180	Швеция	42,9
62	Сербия	83,1	181	Дания	39,3

¹ См.: Э.Исмаилов. *Новый регионализм на Кавказе: концептуальный подход*. – Кавказ & Глобализация, 2006, т. 1, вып. 1.

* Всемирный банк не анализирует налоговое бремя предприятий в Туркменистане из-за недостаточности соответствующей информации.

² Составлена на основе «Индекса экономической свободы», разработанного Фондом «Наследие» совместно с *The Wall Street Journal* (см.: 2014 *Economic Freedom Index*; доступно на: <http://www.heritage.org/index>; просмотрено – июль 2014).

Первые 6 мест в рэнкинге Фонда «Наследие» по Индексу свободы от налогов занимают мусульманские страны, имеющие возможность покрывать государственные расходы за счет нефтяных доходов и, благодаря этому, обходиться низкими налогами – Бахрейн, Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Кувейт. Азербайджан располагается в этом рэнкинге на более высоком месте, чем в рэнкинге Всемирного банка по Налоговому бремени предприятий, т.е. при таком исчислении налогового бремени его экономика оказывается более правой, чем при исчислении по методологии Всемирного банка.

Во всех развитых государствах, включенных в Таблицу 5, за исключением Сингапура, налоговое бремя выше, чем в странах ВЕЦА. В противоположность оценкам Всемирного банка, здесь наблюдается определенная зависимость между левизной-правизной экономики и уровнем экономического развития стран. Большинство экономически развитых государств располагается в конце рэнкинга. Дания находится на предпоследнем месте.* Необходимо, однако, учитывать, что индекс фискальной свободы является одним из 10 подиндексов, на основе которых Фонд «Наследие» исчисляет интегральный Индекс экономической свободы, а места стран в рэнкингах по интегральному индексу, с одной стороны, и его субиндексам – с другой, в ряде случаев сильно различаются. Например, Туркменистан и Иран, которые по Индексу свободы от налогов находятся соответственно на 12-м и 77-м местах, в итоговом рэнкинге располагаются в конце списка – на 171-м и 173-м местах соответственно.

Следует отдельно рассмотреть два фактора, которые снижают Индекс свободы от налогов развитых стран и ухудшают их позиции в рэнкинге Фонда «Наследие». Во-первых, в этих странах верхний предел подоходного налога (первый компонент Индекса свободы от налогов) значительно выше, чем в государствах ВЕЦА. За исключением Хорватии (40%), Турции и Кипра (по 35%), в государствах ВЕЦА этот показатель ниже 26%, а в 9 странах – 10%. В свою очередь, если не учитывать Сингапур (20%), Канаду (29%) и Новую Зеландию (33%), в развитых

---

* Последнее место занимает Северная Корея: ее Индекс свободы от налогов принят равным нулю. Это можно интерпретировать и так, что по суммарному налоговому бремени экономика Северной Кореи является самой левой экономикой среди всех анализируемых Фондом «Наследие».

странах он превышает 40%, в том числе в 4 государствах – 50%. Между тем, известно, что налогоплательщики, выплачивающие подоходный налог по верхнему пределу, ни в одной стране не составляют большинство. Например, в Азербайджане наемные работники с месячным доходом до 2 500 манатов (3 125 долл. США) выплачивают 14% подоходного налога, а с доходом более 2 500 манатов – 350 манатов плюс 25% от суммы сверх 2 500 манатов. Поэтому за верхний предел подоходного налога в Азербайджане эксперты Фонда «Наследие» принимают 25%, тогда как известно, что абсолютное большинство наемных работников страны выплачивают подоходный налог по ставке 14%. Во всех государствах с прогрессивной налоговой системой примерно такая же ситуация, при том, что, в отличие от ряда стран ВЕЦА, все развитые государства используют именно прогрессивную систему налогообложения.*

Во-вторых, налоговое бремя, выражаемое в процентах от ВВП (третий компонент Индекса свободы от налогов), исчисляется как удельный вес в ВВП бюджетных доходов, формируемых налогами. В странах, бюджет которых в большей мере, чем в других, формируется за счет неналоговых поступлений, в частности, доходов от экспорта природных ресурсов, этот показатель объективно бывает ниже. Вот почему по налоговому бремени, выражаемому в процентах от ВВП, с показателем 12,8% Азербайджан лидирует среди стран, представленных в Таблице 5. Следующие места занимают Сингапур (13,8%), Казахстан (14,6%), Литва (16% – в силу того, что налоговые ставки в целом низки) и Армения (16,7% – за счет финансовой поддержки бюджета диаспорой).

Показатель налогового бремени, выражаемого в процентах от ВВП, зависит также и от уровня собираемости налогов, а он в развитых странах бывает, как правило, выше, чем в остальных. Взимание подоходного налога по месту и во время выдачи заработной платы, т.е. выдача работнику его заработной платы уже после вычета подоходного налога, не столь существенно влияет на общую ситуацию, ибо главная проблема состоит в том, что в развивающихся (и особенно транзитивных) странах удельный вес неформальной экономики значительно больше, чем в развитых государствах, в силу чего в них (в менее развитых стра-

---

* В Грузии, России, Беларуси и некоторых других государствах ВЕЦА, включенных в Таблицу 6, подоходный налог взимается по пропорциональной системе.

нах) возникают условия для большего сокрытия доходов от налогообложения. Поэтому даже если бы во всех странах взимались одни и те же налоги по одним и тем же ставкам, удельный вес в ВВП налоговых доходов бюджета в развитых странах все равно был бы больше.

Складывается парадоксальная ситуация: когда государство проводит налоговую политику, которая по ныне доминирующим представлениям считается наиболее правильной, его рейтинг по налоговому бремени может ухудшаться. Это происходит в том случае, когда повышение уровня собираемости налогов превышает снижение налоговых ставок, поскольку при этом удельный вес формируемых налогами бюджетных доходов в ВВП (по Фонду «Наследие» – общее налоговое бремя) неизбежно увеличивается. Ухудшение рейтинга страны по третьему компоненту Индекса свободы от налогов (удельный вес в ВВП налоговых доходов бюджета) перекрывает его улучшение по первому и/или второму компонентам (верхнему пределу подоходного и/или корпоративного налога). Сумма двух позитивных перемен (снижения налогов и улучшения их собираемости) дает негативный, с точки зрения рейтинга страны, результат. Это обстоятельство необходимо учесть при дальнейшем совершенствовании методологии определения и сопоставления общего налогового бремени в различных странах мира.

Иная картина наблюдается, если рассматривать процесс с точки зрения предприятий. Полное или частичное уклонение от налогов, как правило, предполагает их «компенсацию» взяткой. Когда она приобретает систематический характер, то превращается в разновидность налоговых платежей, причем для компании общая сумма официальных налогов и неофициальных платежей имеет большее значение, чем их соотношение. Если их общая сумма меньше, чем законодательно установленный уровень налогов, то «двойная система» платежей, с чисто экономической точки зрения, выгодна для компании. При повышении уровня собираемости налогов, сумма выплачиваемых компанией взяток, как правило, уменьшается. Тем не менее, при этом общее налоговое бремя, исчисляемое Фондом «Наследие» и другими аналитическими центрами по аналогичной методологии, все же увеличивается, и в итоге, повышение уровня собираемости налогов, будучи позитивным по своей сути процессом, отрицательно сказывается на рейтинге страны.

Уровень реальной экономической свободы предприятия должен измеряться не столько выплачиваемыми в бюджет налогами (их удельным весом в прибыли), сколько совокупностью всех его обязательных (формальных и неформальных) платежей. Степень левизны-правизны экономики необходимо определять именно этим показателем. Однако из-за недостаточности статистической информации проводить такие международные сравнения практически невозможно.

Так или иначе, в рейтингах Фонда «Наследие» Азербайджан занимает достаточно высокие места как по общему уровню свободы от налогов, так и по каждому из трех определяющих его подиндексов. По этим показателям экономика Азербайджана располагается правее, чем экономика большинства стран мира.

2.2.3. Подоходный налог

Вопрос измерения левизны-правизны экономики по показателю подоходного налога частично уже был рассмотрен. Методика Фонда «Наследие» учитывает лишь его верхний предел, что недостаточно для оценки его влияния на левизну-правизну экономику. В странах, применяющих пропорциональную систему налогообложения, определить степень левизны-правизны экономики сравнительно просто: чем ниже ставка налога, тем правее экономика. Информация о ставках подоходного налога в некоторых государствах, использующих такую систему, представлена в *Таблице 6*.

В некоторых странах подоходный налог вообще не взимается с граждан. В рейтинге по пропорциональному подоходному налогу от меньшего к большему эти страны занимают первые места. При аналогичном ранжировании стран по прогрессивному подоходному налогу, они, естественно, также заняли бы первые места. Все государства, отказавшиеся от подоходного налога, являются мусульманскими странами, как правило, богатыми нефтью.

Страны, расположенные на последующих строках рейтинга, сильно различаются между собой как по географическому местоположению и уровню экономического развития, так и по социально-культурным факторам. Следовательно, выбор государствами системы пропорционального подоходного налогообложения объясняется не только их национальными особенностями. В большинстве случаев этот выбор обус-

ловливается стремлением максимально упростить налоговую систему и избежать негативных явлений, хотя он, как уже отмечалось, имеет также и политико-идеологическое обоснование.

Экономика каждой страны, находящейся на более высоком месте, по уровню пропорционального подоходного налога является более правой по сравнению с экономикой стран, следующих после нее.

Определить левизну-правизну экономики государств, применяющих прогрессивную систему налогообложения, гораздо сложнее, чем стран, использующих пропорциональную систему. Это предполагает наличие достаточно подробной информационной базы, содержащей страновые данные о размере дохода, освобождаемого от налога, минимальной и максимальной ставках налога, а также о том, какая часть населения и по какой ставке выплачивает налог. Прежде всего, следует выделить страны, использующие подоходный налог по нулевой ставке, т.е. полностью освобождающие некий минимальный уровень дохода от налогообложения. Поскольку в этих странах объемы непривлекательных к налогообложению личных доходов различаются, то для их приведения в сопоставимую форму следует увязать их с каким-либо макроэкономическим показателем.

Таблица 6. Ставки пропорционального подоходного налога (2013 г., в %)¹

Место	Страна	Ставка
1-8	Бахрейн	0
1-8	ОАЭ	0
1-8	Бруней	0
1-8	Афганистан	0
1-8	Кувейт	0
1-8	Катар	0
1-8	Оман	0
1-8	Сауд. Аравия	Закят
9-12	Болгария	10
9-12	Казахстан	10
9-12	Македония	10
9-12	Монголия	10
13	Беларусь	12
14	Россия	13
15-17	Чехия	15
15-17	Литва	15
15-17	Маврикий	15
18-19	Венгрия	16
18-19	Румыния	16
20	Грузия	20
21-22	Эстония	21
21-22	Латвия	24

¹ Использованы, главным образом, данные, приведенные в статье Википедии "List of Countries by Tax Rates" (см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Tax_rates_around_the_world; просмотрено – август 2014). Поскольку сравнения со страновыми информационными ресурсами выявили в этих данных некоторые неточности, были проведены соответствующие корректировки.

ческим показателем. В *Таблице 7* в качестве такого показателя использован общий национальный доход на душу населения. Выбраны те государства, по которым статистические данные о верхнем пределе необлагаемого налогом личного дохода сравнительно легкодоступны. Показатели, выраженные в национальных валютах, переведены в доллары

Таблица 7. Абсолютный и относительный размеры необлагаемого налогом личного дохода (2013 г.)¹

Страна	Верхний предел необлагаемого налогом личного дохода (долл. США)	ОНД на душу населения (ППС, текущие межг. долл.)	Удельный вес верхнего предела в подушевом ОНД (%)
Кипр	26 111	29 570	88,3
Индия	3 286	5 350	61,4
Австралия	16 916	42 540	39,8
Таиланд	4 660	13 510	34,5
Австрия	14 730	43 810	33,6
Германия	10 719	44 540	24,1
Франция	8 050	37 580	21,4
Алжир	1 502	12 990	11,6
Бразилия	755	14 750	5,1
Польша	991	22 300	4,4

США по курсу на август 2013 года.

Во включенных в *Таблицу 7* странах верхние пределы необлагаемого налогом личного дохода существенно различаются. Самый высокий показатель (Кипр) больше самого низкого (Бразилия) в 34,6 раза. В Австралии этот показатель равен примерно 16,9 тыс., а в Индии – в 5,1 раза меньше – 3,3 тыс. долл. США. Вместе с тем, поскольку уровень экономического развития рассматриваемых стран разный, то эти по-

казатели не являются достаточным основанием для сравнения степени государственного вмешательства в перераспределение доходов.

Поэтому рэнкинг по верхнему пределу необлагаемого налогом личного дохода составлен на основе относительного показателя – отношения этой суммы к ОНД на душу населения. Чем ниже этот показатель, тем в больших масштабах государство перераспределяет доходы

¹ Данные о верхнем пределе необлагаемого налогом личного дохода собраны из различных Интернет-ресурсов (см., напр.: <http://europa.eu/youreurope/citizens/work/taxes/income-taxes-abroad>; просмотрено – август 2014). Показатели ОНД на душу населения взяты из статистической базы Всемирного банка (см.: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD>; просмотрено – август 2014).

посредством налогов и, стало быть, тем левее экономика страны. По верхнему пределу необлагаемого налогом дохода экономика Польши является самой левой, а Кипра – самой правой.

Для определения степени государственного вмешательства в экономику с применением прогрессивной системы налогообложения, недостаточно, как уже отмечалось, использовать один лишь показатель верхнего предела налога. Одним из инструментов, которые могут использоваться для проведения соответствующих международных социально-политико-экономических сравнений, является Индекс Джини. Прогрессивная система налогообложения функционирует по принципу «больше налога от высокого и меньше – от низкого дохода», т.е. перераспределяет часть доходов богатых в пользу относительно бедных и сглаживает общественное неравенство. Масштабы этого перераспределения выражают одновременно и степень государственного вмешательства в экономику. Поэтому для оценки левизны-правизны экономики какой-либо страны важно определить, насколько прогрессивные налоги сближают в ней уровни доходов населения. Это предполагает сравнение страновых показателей, характеризующих разницу между коэффициентами Джини до и после выплаты налогов. Для многих государств мира, в том числе для большинства стран Восточной Европы, эти показатели пока не рассчитываются. Но для раскрытия сути вопроса достаточно проанализировать данные ОЭСР, которая ведет соответствующую статистику для своих государств-членов (Таблица 8).

Включенные в Таблицу 8 государства ОЭСР применяют прогрессивную систему налогообложения доходов. Разница между индексами Джини до и после выплаты налогов указывает на то, в какой мере налоги снизили неравенство доходов. Страны проранжированы по этой разнице – от меньшей к большей. В странах, где эта разница сравнительно меньше, государство меньше вмешивается в перераспределение национального дохода и, значит, по данному показателю экономика располагается правее.

Это, разумеется, вовсе не означает, что в странах с большей разницей коэффициентов до и после уплаты налогов (т.е. в тех, где налогообложение больше сближает уровни доходов) степень неравенства доходов ниже. В 2011 году в Великобритании коэффициент Джини после

Таблица 8. Индекс Джини до и после вычета налогов и трансферов (некоторые страны ОЭСР, 2011 г.)¹

Страна	До налогов	После налогов	Разница (1 - 2)
Чили	0,532	0,503	0,029
Юж.Корея	0,342	0,311	0,031
Турция	0,474	0,412	0,062
США	0,506	0,389	0,117
Канада	0,438	0,316	0,122
Н.Зеландия	0,453	0,323	0,130
Австралия*	0,460	0,324	0,136
Нидерланды*	0,424	0,278	0,146
Эстония	0,483	0,323	0,160
Швеция	0,435	0,273	0,162
Норвегия	0,423	0,250	0,173
Испания	0,520	0,344	0,176
Дания	0,431	0,253	0,178
Великобритания	0,525	0,344	0,181
Италия	0,502	0,321	0,181
Франция	0,512	0,309	0,203
Германия	0,506	0,293	0,213
Финляндия	0,483	0,265	0,218
Греция	0,555	0,335	0,220

* 2012

ные сравнения позволяют судить также о допустимых пределах неравенства. В большинстве стран мира, в том числе во всех развитых государствах, коэффициент Джини ниже 0,55. Страны, в которых он превышает 0,55 (Ботсвана, Намибия, Гаити, Гондурас, Замбия и др.), сталкиваются со сложнейшими социально-экономическими и политическими проблемами: неравенство на фоне всеобщей бедности порождает глубокие общественные потрясения. Можно считать, что коэффициент Джини в 0,55 является порогом критичности в неравенстве доходов.

выплаты налогов был равен 0,344, а в Южной Корее до выплаты – 0,342, т.е. неравенство доходов в Великобритании после выплаты налогов превосходило неравенство в Южной Корее до выплаты, хотя в Великобритании налоги сгладили неравенство доходов в большей степени, чем в Южной Корее.

Высокая степень перераспределения национального дохода посредством прогрессивного налогообложения не означает и того, что неравенство после выплаты налогов в целом низкое. Уровень неравенства доходов можно оценить как в сравнении с другими странами, так и по разным временным отрезкам в отдельно взятой стране. Межгосударственные

¹ Составлена по статистической базе ОЭСР (см.: <http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=46189>; просмотрено – август 2014).

Последний международно признаваемый коэффициент Джини для Азербайджана относится к 2008 году и равен 0,337.¹ В рэнкинге *The World Factbook* (США) по этому показателю от большего к меньшему Азербайджан занимает 98 место среди 141 страны. Это означает, что в Азербайджане доходы распределяются неравномернее, чем в 97, и равномернее, чем в 43 странах. Коэффициент Джини до и после выплаты налогов для Азербайджана не рассчитывается и поэтому сравнить с другими государствами то, насколько в Азербайджане прогрессивное налогообложение сближает уровни доходов, сложно.

2.2.4. Удельный вес бюджетных доходов и расходов в ВВП

Среди других показателей, характеризующих перераспределение государством национального дохода, наиболее общим является отношение бюджетных расходов к ВВП. Государственный бюджет, как известно, выступает главным инструментом перераспределения национального дохода. При межстрановом анализе степени левизны-правизны экономики оценка его доходов и расходов одинаково важна. При рассмотрении индекса фискальной свободы, рассчитываемого Фондом «Наследие», уже была представлена определенная информация об общем налоговом бремени, выражаемом в процентах от ВВП, хотя по этому показателю страны не были проранжированы. В большинстве стран показатели «удельного веса налоговых доходов бюджета в ВВП» и «удельного веса общих бюджетных доходов в ВВП» мало различаются между собой, так как доходы государственного бюджета в основном и состоят из налоговых поступлений.² Между тем, в таких государствах,

¹ См.: CIA – *The World Factbook, Distribution of Family Income – Gini Index*; доступно на: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2172rank.html>; просмотрено – август 2014.

² Кроме налогов, доходы бюджета формируются также от поступлений по операциям с капиталом (в том числе от приватизации), процентов по выданным из бюджета кредитам, дивидендов на принадлежащие государству акции, поступлений от платных услуг бюджетных организаций, поступлений по штрафам и санкциям, средств от реализации государственных облигаций и иных ценных бумаг, а также грантов и пожертвований. В большинстве стран эти поступления составляют лишь незначительную часть доходов государственного бюджета. Например, в общих доходах государственного бюджета Азербайджана на 2014 год их доля составляет примерно 2,3% (см.: “Azərbaycan Respublikasının 2014-cü il Dövlət büdcəsi haqqında” Azərbaycan Respublikasının

как Азербайджан, где трансферы из нефтяных фондов составляют значительную часть доходов государственного бюджета, или таких как Бурунди и Армения, бюджеты которых сильно зависят от внешней финансовой помощи, разница между показателями удельного веса в ВВП налоговых и общих доходов бюджета достигает существенных размеров.

В этом смысле, удельный вес в ВВП бюджетных расходов является более предпочтительным показателем и точнее отражает степень перераспределения доходов. Правда, бюджетные расходы, при прочих неизменных условиях, могут увеличиваться также за счет государственного долга или инфляции. Большинство стран мира планирует государственный бюджет с некоторым дефицитом, т.е. превышением расходов над доходами. Степень превышения зависит от уровня экономического развития и географического расположения страны, ее международных обязательств,* особенностей экономической политики ее правительства и множества других факторов. Даже государства, платежный баланс которых характеризуется значительным профицитом (как, например, Азербайджан), планируют бюджет с дефицитом. Вместе с тем, и государственный долг, и «запланированная» инфляция могут интерпретироваться и таким образом, что правительство косвенным путем перекладывает часть текущего бремени экономики на будущие периоды, но при этом не отменяет и даже не сокращает общее бремя, а всего лишь перераспределяет его.

Поскольку удельный вес бюджетных расходов в ВВП отражает масштаб перераспределения доходов и, стало быть, государственного вмешательства в экономику, являющегося предметом политического соперничества, то его можно и нужно рассматривать как еще один показатель, характеризующий степень левизны-правизны экономики. Ниже на основе статистики МВФ за 2013 год государства ВЕЦА и некоторые развитые страны проранжированы по данному показателю от меньшего к большему (Таблица 9).

Qanunu; http://azertag.com/sites/default/files/Bolmeler/Resmi_senedler/Ferman/qanun-2014-cu-il-budca-rasmi-sanadlar-an-yeni-variantda.pdf; просмотрено – август 2014).

* В частности, государства Европейского Союза связаны обязательством, что бюджетный дефицит не будет превышать 3% ВВП.

Таблица 9. Удельный вес бюджетных расходов в ВВП в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г. и прогноз на 2019 г., в %)¹

Место	Страна	2013	2019	Место	Страна	2013	2019
1	Сингапур	15,4	17,2	21-22	Молдова	38,7	38,8
2	Туркменистан	16,3	13,6	23	Япония	40,0	41,3
3	Казахстан	21,3	20,7	24	Беларусь	42,9	47,0
4	Армения	25,8	26,0	25	Ирландия	43,1	36,0
5	Таджикистан	27,7	30,5	26-27	Великобритания	43,5	37,8
6	Грузия	28,7	29,9	26-27	Хорватия	43,5	42,9
7	Косово	29,0	29,5	28	Норвегия	44,0	47,0
8	Албания	30,1	29,5	29	Черногория	44,2	44,7
9	Узбекистан	33,6	34,2	30	Канада	44,5	43,3
10	Македония	33,8	34,6	31	Германия	44,7	44,2
11	Румыния	34,2	33,5	32	Испания	45,1	40,1
12	Литва	34,5	31,3	33	Сербия	46,2	45,1
13	Нов. Зеландия	35,7	32,1	34	Кипр	46,4	42,8
14	Россия	37,1	36,7	35	Босния-Герц.	47,2	45,3
15-16	Австралия	37,3	37,6	36	Украина	48,2	н/д
15-16	Латвия	37,3	31,3	37	Венгрия	50,2	51,3
17	Болгария	37,4	37,9	38	Нидерланды	50,7	48,1
18-19	Кыргызстан	37,7	33,1	39	Италия	50,8	48,6
18-19	Турция	37,7	37,3	40	Швеция	52,9	49,9
20	США	38,0	37,3	41	Франция	57,1	52,7
21-22	Азербайджан	38,7	36,2	42	Дания	57,7	54,8

Среди этих стран по показателю отношения бюджетных расходов к ВВП самая правая экономика принадлежит Сингапуру, а самая левая – Дании. Экономике государств ВЕЦА в целом располагаются правее, чем развитых стран. Интересно заметить, что среди последних экономики, функционирующие на ценностях англо-саксонской культуры, занимают более правые позиции. Азербайджан делит с Молдовой 21-22 места и находится в самом центре рэнкинга.

¹ Составлена по статистической базе МВФ (см.: *World Economic Outlook Database*; доступно на: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx>; просмотрено – август 2014).

Следует отметить, что практически во всех развитых странах (США, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Японии и др.) удельный вес централизованно перераспределяемых государством доходов в ВВП на протяжении почти всего XX века демонстрировал тенденцию роста и лишь к концу века относительно стабилизировался.

В Таблицу 9 включены также прогнозы МВФ на 2019 год – чтобы показать возможность оценки левизны-правизны экономики по удельному весу бюджетных расходов в ВВП, как и по всем другим показателям, не только в сравнении с другими странами, но и во времени по каждой отдельно взятой стране. В частности, согласно прогнозу МВФ, в Азербайджане удельный вес бюджетных расходов в ВВП снизится с 38,7% в 2013 году до 36,2% в 2019 году. Это означает, что по данному показателю государственное вмешательство в экономику в ближайшие годы сократится, т.е. экономика сдвинется вправо.

Показатели удельного веса бюджетных расходов в ВВП, рассчитанные по статистической базе МВФ и официальной статистике Азербайджана, значительно расходятся. Разница возникает, главным образом, из-за того, что под совокупными расходами правительства МВФ подразумевает расходы так называемого обзорного бюджета, т.е. сумму расходов государственного бюджета, Нефтяного Фонда и Фонда социальной защиты. Согласно официальным данным Азербайджана, за последнее десятилетие доля расходов государственного бюджета в ВВП менялась только по восходящей линии (если не учитывать 0,5%-ное падение в 2005 году), увеличившись с 17,3% в 2003 году до 33,2% в 2013 году. За эти годы экономика Азербайджана, судя по официальной статистике, значительно полевела. Однако текущий показатель, рассчитанный Государственным Комитетом по статистике Азербайджана, все равно ниже показателя МВФ, т.е. по собственной статистике экономика Азербайджана выглядит, по сравнению с оценкой МВФ, как более правая. Для обеспечения их сопоставимости с показателями других стран данные об удельном весе бюджетных расходов Азербайджана в его ВВП, приведенные в Таблице 9, также взяты из статистики МВФ.

Анализ страновых прогнозов удельного веса бюджетных расходов в ВВП, казалось бы, не показывает какую-либо общую закономерность, характерную для всех государств мира. Согласно прогнозу, примерно в

половине исследуемых государств (в 16 странах) экономика сдвинется влево, а в остальных – вправо. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что в государствах, где доля бюджетных расходов в ВВП в настоящее время низка, проявится стремление к левизне, а в тех, где эта доля высока, наоборот, к правизне. В итоге, экономики разных полюсов сдвинутся к центру. Это можно считать положительной тенденцией для экономики Азербайджана, хотя срединное место по удельному весу бюджетных расходов в ВВП, как и по многим другим показателям, не всегда означает оптимальность его значения.

Для полноты анализа взаимосвязи между налоговым бременем и социальными программами, необходимо рассмотреть еще один аспект вопроса о доходах, получаемых от экспорта природных ресурсов. Независимо от происхождения финансовых ресурсов, направляемых на реализацию социальных программ, их расширение всегда сдвигает экономику влево, так как в любом случае означает рост государственного вмешательства в экономику. При неизменности прочих условий это становится возможным лишь благодаря сдвигу экономики влево по показателю налогового бремени (т.е. увеличению налогового бремени). В странах, экспортирующих природные ресурсы (например, в нефтяных государствах), эта закономерность нарушается, так как появляется возможность финансировать государственные расходы, в том числе социальные программы, ресурсными доходами. Необходимость повышения налогового бремени для финансирования возрастающих государственных расходов отпадает, и в результате возникает ситуация, когда экономика приобретает свойство правизны по налоговому бремени, и левизны – по государственным расходам и социальным программам.

Кувейт, занимающий пятое место в мире в рэнкинге Всемирного банка по налоговому бремени предприятий с показателем 12,4% и шестое – по фискальной свободе в рэнкинге Фонда «Наследие» с индексом 97,7, вовсе не облагающий своих граждан подоходным налогом, может быть – в силу легкости общего налогового бремени – отнесен к странам, которые принято называть «налоговым раем». Вместе с тем, государственные расходы в Кувейте также велики и правительство непрерывно реализует крупномасштабные социальные программы. Более половины всего занятого населения страны (1,3 млн. человек – граждан

и резидентов без гражданства) работает в государственных органах и сфере социальных услуг.¹ Более 82,5% всех расходов на здравоохранение покрывается государством.² Правда, меры социальной защиты распространяются только на граждан страны, которые составляют большинство среди занятых на государственной службе и владельцев частных компаний, а лица без гражданства являются, в основном, наемными работниками, и социальная защита на них не распространяется. Получается, что по легкости налогового бремени Кувейт располагается рядом с крайне правой, а по социальным программам, реализуемым для своих граждан за счет государственных средств – крайне левой точки. Аналогичная ситуация наблюдается во многих нефтяных странах, таких как Катар, Бахрейн, Саудовская Аравия, Оман, Бруней и др.

Как уже выяснилось, утяжеление налогового бремени усиливает левизну экономики. Однако принципиально важно, что левые добиваются не увеличения налогового бремени, а расширения социальных программ. Идентичным образом, правизна экономики обуславливается не скудостью социальных программ, а ограниченным государственным вмешательством в экономику, в том числе легкостью налогового бремени. В соответствии с левым политико-экономическим мировоззрением, социальные программы являются приоритетом для государства, а при условии их достаточности и еще большего расширения, чем ниже налоги, тем предпочтительнее, хотя расширение социальных программ при одновременном снижении налогов в большинстве случаев невозможно. Согласно же правому политико-экономическому мировоззрению, при условии удержания налогов на достаточно низком уровне и, по возможности, их дальнейшего снижения, чем шире социальные программы, тем предпочтительнее, что аналогичным образом в большинстве случаев также невозможно. Как видно, основное различие по данному вопросу между левыми и правыми политико-экономическими группами выражается в иерархии приоритетов: главным приоритетом для первых является расширение социальных программ, а для вторых – снижение налогового бремени.

---

¹ См.: <http://www.everyculture.com/Ja-Ma/Kuwait.html>; просмотрено – август 2014.

² См.: Статистическая база Всемирного банка; <http://data.worldbank.org/indicator>; просмотрено – август 2014.

2.2.5. Доля социальных расходов в государственном бюджете

Вышесказанное о позициях левых и правых групп по вопросу удельного веса бюджетных доходов и расходов в ВВП раскрывает лишь один аспект (первый уровень) их подходов к формированию и использованию государственного бюджета. Согласно левому политико-экономическому мировоззрению, для усиления социальной ориентированности экономики нужно увеличивать перераспределяемую посредством государственного бюджета часть национального дохода, иначе говоря, социально-ориентированная экономика предполагает большой бюджет. Правые же, наоборот, считают, что сравнительно небольшой государственный бюджет является более эффективным для повышения общественного благосостояния, и поэтому при таком бюджете появляется возможность для формирования более социально-ориентированной экономики.

Между тем, понятно, что помимо объема бюджета (его удельного веса в ВВП), важна и структура его расходов, т.е. то, как именно его средства распределяются между различными расходными статьями. Можно утверждать, что чем выше удельный вес бюджетных средств, направляемых на социальные программы, тем левее бюджет, а следовательно, и экономика. В традиционном политико-экономическом лексиконе высокую долю расходов на социальные программы обычно приравнивают к социальной ориентированности бюджета. В общественных обсуждениях бюджета его социальная ориентированность всегда становится одной из центральных тем. Если доля средств, выделяемых на социальные программы, превышает прошлогоднюю, считается, что бюджет текущего года является более социально-ориентированным.

В действительности, это далеко не однозначно. В частности, нельзя утверждать, что бюджетные средства, направляемые на инфраструктурные проекты (например, на обеспечение населения питьевой водой), не являются расходами социального характера, или пособия по безработице – более социально-ориентированная статья расходов, чем государственные коммерческие инвестиции, предусматривающие создание новых рабочих мест. Согласно правистскому мышлению, протекцию частного предпринимательства посредством финансовой поддержки из бюджета нужно относить к самым социально-ориентирован-

ным расходам, поскольку они приводят, с некоторым временным лагом, к открытию новых рабочих мест и, соответственно, росту доходов населения. Проблема заключается как раз в этом временном лаге. Имеющиеся в стране безработные не могут позволить себе отказаться от пособий до неопределенного будущего – даже если они понимают, что расходы по поддержке бизнеса когда-то позволят им трудоустроиться и получать достойный доход. На самом деле, в государственном бюджете любой страны предусматриваются расходы, отвечающие ожиданиям как левых, так и правых, а то, каким именно расходным статьям отдается приоритет, зависит от общей политической и социально-экономической ситуации в стране, а также от политико-экономических ценностей находящейся у власти элиты. Итак, при акцентировании внимания на социальной ориентированности бюджета, правительства в абсолютном большинстве случаев имеют в виду расходные статьи левистского характера.

Удельный вес социальных расходов в государственном бюджете отличается от других факторов, обуславливающих левизну-правизну экономики, одной важной особенностью. Как левистские, так и правистские представления о том, как бюджетные средства должны распределяться между различными расходными статьями, связаны с имеющимся уровнем (мерой) государственного вмешательства в экономику. В данном же случае различия во взглядах сводятся не к мере вмешательства, а к его содержанию.

В *Таблице 10* государства ВЕЦА и некоторые развитые государства проранжированы по удельному весу в бюджете социальных расходов от меньшего к большему. Ввиду того, что единого источника сопоставимой статистики об удельном весе социальных расходов в государственных бюджетах разных стран нет, эти показатели были рассчитаны на основе двух индикаторов – удельного веса бюджетных расходов в ВВП и удельного веса социальных расходов бюджета в ВВП. Первые взяты из статистической базы МВФ*, вторые – частично (для развитых стран) взяты из статистической базы ОЭСР,¹ а для остальных госу-

* Данные, приведенные в Таблице 9.

¹ См.: *OECD StatExtracts: Social Expenditure – Aggregated Data* (доступно на: http://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=SOCX_AGG; просмотрено – октябрь 2014).

дарств рассчитаны на основе данных, взятых из отчетов международных организаций и архивов национальных статистических агентств.

Таблица 10. Удельный вес социальных расходов государственного бюджета в общем объеме бюджетных расходов в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2012-2013 гг.)

Место	Страна	Доля (%)	Место	Страна	Доля (%)
1	<i>Азербайджан</i>	11,8	20	Литва	47,1
2	Кыргызстан	15,1	21	<i>Нидерланды</i>	47,9
3	<i>Сингапур</i>	18,4	22	Молдова	48,1
4	Казахстан	24,2	23	Хорватия	48,2
5	Македония	30,8	24	Румыния	48,8
6	Черногория	31,0	25	<i>Ирландия</i>	50,1
7	Босния-Герц.	31,8	26	<i>Норвегия</i>	52,0
8	Армения	34,3	27	<i>Австралия</i>	52,3
9	Турция	34,8	28	<i>США</i>	52,7
10	Албания	36,0	29	<i>Дания</i>	53,4
11	Украина	36,1	30	<i>Швеция</i>	54,1
12	Грузия	39,0	31	<i>Великобритания</i>	54,7
13	Латвия	40,0	32	<i>Италия</i>	56,0
14	<i>Канада</i>	40,8	33	<i>Франция</i>	57,8
15	Сербия	41,8	34	<i>Германия</i>	58,6
16	Венгрия	42,9	35	<i>Япония</i>	58,9
17	Россия	43,0	36	<i>Испания</i>	60,8
18	Болгария	46,0	37	<i>Новая Зеландия</i>	62,7
19	Кипр	47,0			

Поскольку единственным источником некосвенной статистической информации о социальных расходах в бюджете является ОЭСР, то показатели по другим странам приведены в соответствии с ее методикой (например, средства, направляемые на образование, не включены в социальные расходы). Поэтому показатели доли социальных расходов в государственных бюджетах некоторых стран могут в определенной степени отличаться от представленных в Таблице 10. Например, правительство Азербайджана под социальными расходами бюджета подразу-

мевают средства, направляемые на науку, образование, здравоохранение, социальную защиту и социальное обеспечение, культуру, искусство, информацию, физическую культуру, а также некоторые иные статьи расходов, не отнесенные к вышеназванным категориям. Это – широкая интерпретация социальных расходов. При таком подходе удельный вес социальных расходов в государственном бюджете Азербайджана на 2014 год составляет 24,5%.¹ Соответствующий показатель Таблицы 10 меньше этого более чем в 2 раза. Эта разница возникает еще и потому, что МВФ рассчитывает показатель удельного веса бюджетных расходов в ВВП на основе не государственного, а обзорного бюджета. Идентичная ситуация может выявиться и по другим странам, в том числе по показателям, рассчитанным экспертами ОЭСР. Однако важным для целей этой книги является не то, как отдельные страны оценивают свои социальные расходы, а приведение страновых показателей в сравнимое измерение.

По удельному весу социальных расходов в бюджете, страны ранжируются не стохастически, а в некоторой закономерной последовательности. Государства ВЕЦА занимают верхние, а развитые страны, за исключением Голландии, Канады и Сингапура – нижние места. Во всех развитых государствах, кроме трех упомянутых, удельный вес социальных расходов в бюджете превышает 50%. Это может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в странах ВЕЦА формирование системы социального обеспечения и социальной защиты еще не завершено. Во-вторых, в развитых странах базовая физическая инфраструктура уже создана, и поэтому государственные средства не направляются на крупномасштабные инфраструктурные проекты, что, соответственно, расширяет возможности финансирования социальных программ. Так или иначе, причины того, почему относительно слабо развитые государства обходятся более правым по характеру государственным бюджетом, требуют самостоятельного изучения.

Необходимо коснуться еще одного вопроса, связанного с данным ранжином. Экономисты, в том числе азербайджанские, ведут непрерывные дискуссии о том, по каким критериям (принципам) следует вы-

---

¹ См.: *Azərbaycan Respublikasının 2014-cü ilin dövlət və icmal büdcələrinin layihələrinin təqdimatı*. – AR Maliyyə Nazirliyi, 2013, s. 26.

бирать страны для международных сравнений. Большинство считает, что для получения достоверных научных результатов нужно сравнивать государства с примерно одинаковым уровнем развития. По мнению сторонников этой позиции, сравнение Азербайджана, к примеру, с Великобританией или Японией не обладает конструктивным значением, поскольку полученные таким образом результаты могут привести к принятию ошибочных политических решений по поводу экономического развития. Вторая позиция сводится к следующему: страна должна ставить перед собой амбициозные задачи, и для того, чтобы выполнить их, должна сравнивать себя с государствами, достигшими самого высокого уровня развития. Сторонники этой позиции считают, что сравнения с государствами с низким уровнем развития ослабляют мотивацию страны к развитию. Каждая из этих позиций имеет свою логику.

Вместе с тем, следует рассмотреть и третий вариант решения данного вопроса, согласно которому решающим условием для выбора стран, сравниваемых по тому или иному показателю, должно быть то, как они ранжируются по этому показателю. Если страны ранжируются в соответствии с какой-либо закономерностью, т.е. развитые и менее развитые государства располагаются в рэнкинге отдельными группами, то сравнения надо проводить внутри этих групп – развитые страны сравнивать с развитыми, а остальные – между собой. Если же страны ранжируются стохастически, т.е. развитые и менее развитые государства чередуются в рэнкинге, то сравниваемые страны можно выбирать произвольно.

Если следовать этой логике, то по удельному весу социальных расходов в бюджете каждую страну следует сравнивать со странами ее группы. Конечно, можно с достаточным основанием утверждать, что экономика Азербайджана по этому показателю является более правой по сравнению с экономикой Новой Зеландии, однако в данном случае Азербайджан было бы корректнее сравнивать с другими государствами ВЕЦА.

Внутри групп, места стран в рэнкинге не имеют какой-либо зависимости от их общего уровня развития, выраженного, например, в ВВП и ОНД на душу населения. То, что развитые государства занимают нижние места в рэнкинге, вовсе не означает, что рост подушевого ВВП соп-

ровождается адекватным увеличением доли социальных расходов в бюджете. С этой точки зрения, можно утверждать, что внутри групп страны располагаются стохастически.

В ближайшие годы следует ожидать существенных изменений в структуре расходов государственного бюджета Азербайджана. На заседании Кабинета Министров, состоявшемся осенью 2014 года, Президент И.Алиев заявил, что в 2015-2017 годах строительство базовой инфраструктуры в стране будет в основном завершено, после чего значительно больше бюджетных средств будет направляться на реализацию проектов, обеспечивающих устойчивое развитие экономики, в том числе на стимулирование частного бизнеса и улучшение деловой среды. Он также отметил, что социальные программы государства будут последовательно расширяться.¹ Следовательно, в ближайшем будущем расходы бюджета как левого, так и правого толка, вырастут и в абсолютном, и в относительном (в процентах от ВВП) выражении. Левизна-правизна государственного бюджета будет зависеть от того, какая из этих тенденций окажется сильнее.

2.3. Свобода цен и регулируемые цены

Свобода цен, входящая в число наиболее важных экономических свобод и являющаяся одним из основополагающих принципов рыночной экономики, никогда и нигде (ни в одной стране) не бывает абсолютной. Это означает, что каждая экономика и на каждом временном отрезке характеризуется определенной мерой (степенью) свободы цен. Иными словами, экономики и временные периоды можно дифференцировать и по уровню ценовой свободы. Существует несколько специфических методов измерения свободы цен, но общепризнанной методики пока, к сожалению, нет.

2.3.1. Свобода цен

Одно из наиболее интересных исследований по определению уровня свободы цен в различных странах проводится Институтом

---

¹ См.: *Nazirlar Kabinetinin 2014-cü ilin doqquz ayının sosial-iqtisadi inkişafının yekunlarına və qarşıda duran vəzifələrə həsr olunmuş iclasında Prezident İ.Əliyevin giriş nitqi* (<http://www.president.az/articles/13052>; просмотрено – октябрь 2014).

Фрейзера (*The Fraser Institute*). В ежегодных докладах института, посвященных сравнительному анализу уровня экономической свободы в различных странах, рассматривается также проблема регулирования цен. При измерении одного из компонентов экономической свободы, именуемого «Регулирование», учитывается и то, в какой степени компании свободны в установлении цен на собственные товары и услуги. Однако с 2012 года Институт перестал рассчитывать свободу цен в качестве самостоятельного показателя, а в общем индексе компонента «Регулирование» вес свободы ценообразования очень низок.¹

Поэтому для сравнительного анализа соотношения свободы цен и их регулирования государством по странам мира на основе данных Института Фрейзера, необходимо использовать его доклады до 2012 года, когда показатель свободы предприятий в области ценообразования рассчитывался в качестве отдельного индикатора. Чем в больших масштабах государство регулировало цены, тем ниже рейтинг по этому показателю присваивался стране. Страны с максимальной свободой ценообразования получали 10 баллов. Если цены регулировались только в таких отраслях (например, в электроэнергетике) и так, что это не оказывало большого влияния на конкуренцию и ее общую эффективность для экономики, то стране выставляли 8 баллов. Когда регулирование распространялось дополнительно еще на несколько отраслей (например, сельское хозяйство), то страна получала 6 баллов. Если регулирование цен, наряду с энергетикой и сельским хозяйством, применялось также и к основным продуктам, часто покупаемым индивидуальными потребителями, стране присваивали 4 балла. Когда цены на сельскохозяйственные и промышленные товары регулировались повсеместно, страна получала 2 балла, а при регулировании цен большинства товаров и услуг на рынке – 0 баллов. Между этими градациями Институт предусматривал и промежуточные баллы, однако высокая округленность баллов все же усложняла точную дифференциацию стран. Тем не менее, полученные Институт Фрейзера результаты позволяют, в первом приближении, производить международные сравнения по свободе ценообразования.

---

¹ См.: *Economic Freedom of the World 2013*; <http://www.freetheworld.com/release.html>; просмотрено – август 2014.

Показатели государственного регулирования цен, представленные в докладе Института Фрейзера за 2011 год, даны в *Таблице 11*.

Таблица 11. Свобода цен в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2009 г.)¹

Место	Страна	Баллы	Место	Страна	Баллы
1	Новая Зеландия	9,0	15-24	Черногория	6,0
2-8	Дания	8,0	15-24	Норвегия	6,0
2-8	Грузия	8,0	15-24	Турция	6,0
2-8	Литва	8,0	25-29	Армения	5,0
2-8	Кыргызстан	8,0	25-29	Франция	5,0
2-8	Венгрия	8,0	25-29	Испания	5,0
2-8	Македония	8,0	25-29	Италия	5,0
2-8	Сингапур	8,0	25-29	Япония	5,0
9-14	Германия	7,0	30-32	Болгария	4,0
9-14	Австралия	7,0	30-32	Кипр	4,0
9-14	Нидерланды	7,0	30-32	Сербия	4,0
9-14	Ирландия	7,0	33-34	Хорватия	3,0
9-14	Швеция	7,0	33-34	Румыния	3,0
9-14	Канада	7,0	35	Молдова	2,0
15-24	США	6,0	36-37	Россия	1,0
15-24	Албания	6,0	36-37	Украина	1,0
15-24	Азербайджан	6,0		Беларусь	–
15-24	Босния-Герц.	6,0		Косово	–
15-24	Великобритания	6,0		Узбекистан	–
15-24	Казахстан	6,0		Таджикистан	–
15-24	Латвия	6,0		Туркменистан	–

Пять из традиционно ранжируемых в нашем исследовании стран ВЕЦА в докладе Института Фрейзера за 2011 год не анализируются. Можно предположить (в том числе с учетом страновых индексов монетарной свободы, которые будут рассмотрены ниже), что в этих странах свобода цен находилась на весьма низком уровне. В развитых государствах уровень свободы цен в целом выше, чем в странах ВЕЦА. Азербайджан

¹ См.: *Economic Freedom of the World 2011*; доступно на: http://www.freetheworld.com/2011/reports/world/EFW2011_complete.pdf; просмотрено – август 2014.

байджан с 6 баллами находится в середине рэнкинга и входит в самую большую группу, состоящую из 10 стран. Это означает, что по свободе ценообразования экономика Азербайджана располагается левее экономики 14 государств, занимающих в Таблице 11 более высокие места, и правее экономики остальных 18 государств. За весь период, в течение которого Институт Фрейзера анализировал экономику Азербайджана (2005-2009 годы), ее оценка (6 баллов) оставалась неизменной.

В США, которые входят в одну группу с Азербайджаном, государством регулируются примерно 10% цен. Это, в основном, цены на продукцию и услуги естественных монополий, работающих в энергетике и секторе связи, а также транспортирующих природный газ трубопроводами. С 1933 года действует система регулирования фермерских цен. В некоторых штатах тарифы на железнодорожные и автомобильные перевозки устанавливаются в централизованном порядке.¹ Как видно, в США цены регулируются в тех же сегментах рынка и примерно в той же степени, что в Азербайджане.²

2.3.2. Индекс монетарной свободы...

... является одним из 10 индикаторов, используемых Фондом «Наследие» для измерения уровня экономической свободы в странах мира. Исходным теоретическим посылом выступает то, что идеальной для рыночной экономики является ситуация, когда цены остаются стабильными без всякого государственного вмешательства. Поэтому уровень монетарной свободы измеряется путем определения и индексирования для каждой страны средневзвешенного процента инфляции за последние три года с последующим вычетом штрафных баллов за регулирование цен. Чем ниже инфляция и меньше государственное вмешательство в ценообразование, тем выше индекс монетарной свободы страны. Штрафные баллы находятся в пределах от 0 до 20. К сожалению, Фонд не раскрывает того, сколько именно штрафных баллов было выставлено каждой стране. Известно лишь то, что индекс монетарной

¹ См.: А.С.Якорева. *Ценообразование*. – Москва, ЭКСМО, 2007; доступно на: http://www.e-reading.ws/bookreader.php/99005/Yakoreva_-_Cenoobrazovanie.html; просмотрено – август 2014.

² С ценами на продукцию и услуги естественных монополий, регулируемых в Азербайджане государством, можно ознакомиться на сайте Тарифного (ценового) Совета (см.: <http://www.tariffcouncil.gov.az/?/az/content/36>; просмотрено – август 2014).

свободы зависит больше от инфляции, чем от перечня регулируемых цен и жесткости регулирования, и это снижает его значимость для оценки левизны-правизны экономики.

В *Таблице 12* представлены страновые индексы монетарной свободы. Места даны по позициям в общемировом рэнкинге, включающем 186 стран.

Таблица 12. Индекс монетарной свободы в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)¹

Место	Страна	Индекс	Место	Страна	Индекс
2	Япония	87,5	57-58	Литва	78,6
3	Новая Зеландия	86,3	57-58	Черногория	78,6
8	Македония	83,5	59-60	Грузия	78,4
12	Швеция	82,5	72	Румыния	77,1
15-16	Ирландия	81,7	73	Армения	77,0
17	Сингапур	81,5	79-82	Канада	76,3
23-24	Германия	80,8	83-84	Франция	76,1
27	Австралия	80,5	88	Венгрия	75,6
29	Босния-Герц.	80,1	93-96	США	75,4
30-32	Албания	80,0	105-106	Молдова	75,0
30-32	Дания	80,0	112-113	Казахстан	74,4
33-34	Нидерланды	79,9	116	Кыргызстан	73,7
33-34	Испания	79,9	119	Великобритания	73,5
37	Латвия	79,7	126	Косово	72,7
38-39	Болгария	79,6	133-134	Турция	71,8
45	Хорватия	79,2	144-146	Россия	69,4
48-50	Италия	78,9	156	Таджикистан	67,7
51-54	Азербайджан	78,8	157-158	Сербия	66,9
51-54	Кипр	78,8	161-162	Туркменистан	65,9
55-56	Норвегия	78,7	172	Узбекистан	63,1
55-56	Украина	78,7	182	Беларусь	33,9

¹ Составлена по «Индексу экономической свободы», разработанному Фондом «Наследие» совместно с *The Wall Street Journal* (см.: 2014 *Economic Freedom Index*; доступно на: <http://www.heritage.org/index>; просмотрено – июль 2014).

Не учитывая Великобританию и США, находящиеся, соответственно на 119 и 93 местах, здесь, как и в предыдущем рэнкинге, развитые государства располагаются в первой половине списка и в целом занимают в нем верхние места. Однако на основе одной лишь Таблицы 12 некорректно утверждать, что та или иная экономика левее или правее, чем другие, так как основным компонентом индекса монетарной свободы является инфляция, а она не входит в перечень экономических процессов, непосредственно характеризующих левизну-правизну экономики. И правое, и левое политико-экономические мировоззрения считают ее – в определенных рамках – приемлемой и даже полезной, а вне этих рамок – вредной и даже разрушительной. Мнения аналитических центров и отдельных экспертов о нижней и верхней точках допустимого интервала инфляции существенно различаются, но это не связано с тем, являются ли они представителями (сторонниками) левых или правых.

В мировом рэнкинге по монетарной свободе экономика Азербайджана занимает вполне удовлетворительную позицию. Инфляция находится в пределах управляемости, а свобода ценообразования обеспечивается примерно на том же уровне, что и у большинства развитых государств.

Важно учитывать, что наличие монополий в таких относительно небольших странах, как Азербайджан, порой неизбежно, поскольку из-за ограниченности (малого объема) внутреннего рынка одно или несколько предприятий легко могут удовлетворить совокупный спрос на отдельные виды продукции и услуг. Например, производственная мощность сахарного завода, находящегося в азербайджанском городе Имишли, позволяет ежегодно производить 500 тыс. тонн сахарного песка, при том, что суммарная годовая потребность страны находится в пределах 150-180 тыс. тонн. Завод был построен за счет частных инвестиций (83 млн. долл. США) и пущен в эксплуатацию в 2006 году. Ныне он способен трехкратно удовлетворить потребность всего населения страны в одном из важнейших продовольственных товаров. В подобных случаях полностью предотвратить возникновение монопольных цен объективно трудно.

Азербайджан объявил сокращение перечня регулируемых цен одним из приоритетов ближайшего будущего. Эта задача является составной частью продолжающейся в стране либерализации экономики.

ОДИННАДЦАТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ*Из истории либерализации цен в Азербайджане*

Некоторые экономисты Азербайджана считают, что страна не должна была «отпускать» цены сразу после восстановления независимости. К либерализации цен, по их мнению, следовало приступить лишь после приватизации государственной собственности. Подобные утверждения, как правило, обосновываются тем, что суть каждой экономической системы определяется господствующей там формой собственности, и поэтому именно реформа собственности должна быть исходным моментом в строительстве новой общественно-экономической системы.

Однако они не учитывают того, что в Азербайджане переход от планового (директивного) ценообразования к либеральному начался еще до восстановления государственного суверенитета и носил, в известном смысле, вынужденный характер. В советских республиках, в первую очередь в России, выступавших на закате СССР основными торговыми партнерами Азербайджана, цены были частично «отпущены» и стремительно повышались. Продажа на внутреннем рынке по низким ценам товаров, задорого купленных у этих внешнеторговых партнеров, оказывала на экономику разрушительное влияние. Поэтому частичная либерализация ценообразования в Азербайджане была своего рода вынужденной ответной мерой. Функционирование различных систем ценообразования внутри Советского Союза раскалывало его экономическое пространство и стало одним из экономических факторов, обусловивших политический крах СССР.

Лишь спустя несколько лет после этих событий переход на либеральную систему ценообразования начал восприниматься как составная часть экономических реформ, проводившихся в уже независимом Азербайджане.

Вместе с тем, отпускать все цены «на произвол рынка» так же неприемлемо, как и их всеобъемлющее регулирование государством. В долгосрочной перспективе ни абсолютно либеральное, ни полностью директивное ценообразование не создают благоприятные условия для динамичного экономического развития. Один из выводов, которые можно было бы сделать на основе данных двух последних таблиц, состоит в том, что наиболее удачное место для Азербайджана по этому показателю находится чуть правее центра, т.е. условно говоря, ему следовало бы стремиться получить 7 баллов в рейтинге Института Фрейзера.

Централизованное установление цен на продукцию и услуги естественных монополий правительство, как правило, обосновывает социальными мотивами, ссылаясь на то, что при либерализации этих цен они могут резко вырасти. По многим товарам и услугам эта позиция не вызывает сомнений. Но в некоторых отраслях, например, в сфере коммунальных услуг – параллельно с допущением (вовлечением) частных компаний – можно и целесообразно шире использовать рыночные механизмы ценообразования. Либерализация соответствующих цен вовсе не предполагает их обязательное повышение. При условии создания нормальной конкурентной среды более вероятной является перспектива стабилизации цен на определенном уровне и, более того, даже их снижение.

Итак, если бы оценка проводилась только по Индексу монетарной свободы, то по свободе ценообразования экономика Азербайджана оказалась бы правее экономики большинства сравниваемых стран, а стало быть, и центра. Тем не менее, с точки зрения создания гарантий для устойчивого экономического развития, было бы правильно «сдвинуть» ее еще правее, т.е. продолжить либерализацию ценообразования.

2.4. *Планомерность и стихийность*

Среди различных свойств экономики, выступающих предметами противостояния левистской и правистской идеологий, соотношение планомерности и стихийности труднее всего проецируется на левизну-правизну экономики. В контексте общей философии экономического развития это соотношение изучено достаточно глубоко. Практически во всех научных работах, обосновывающих первичность и приоритет-

ность механизмов саморегуляции рынка, стихийное экономическое развитие анализируется как альтернатива государственному регулированию экономики. Один из наиболее последовательных апологетов классического либерализма Фридрих Хайек в середине XX века писал: «Чем больше государство планирует [*общественную жизнь и экономику*], тем труднее планировать индивиду [*свою жизнь и экономическую деятельность – Н.М.*]».¹

Именно здесь кроется основная причина того, почему так трудно измерить соотношение планомерности и стихийности в экономике различных стран. Как правило, в качестве противоположного полюса, противостоящего стихийности, рассматривается не планомерность, а в целом вмешательство государства в экономику. Это объясняется тем, что государственное вмешательство в экономику осуществляется с целью придания ее развитию определенной направленности, управления ею, а это, по сути, и предполагает увеличение планомерности за счет снижения стихийности.

Определение того, как императивное планирование влияет на левизну-правизну экономики, особой сложности не представляет: чем шире в стране масштабы прямого государственного планирования, тем левее ее экономика. Однако до настоящего времени исследования по сравнительному анализу масштабов императивного планирования в различных государствах не проводились. Причина, по-видимому, в том, что в странах с рыночной экономикой объектами императивного планирования являются предприятия, находящиеся в государственной собственности. Поэтому измерение соотношения между государственным сектором и государственным предпринимательством, с одной стороны, и частным сектором и частным предпринимательством – с другой, косвенно означает измерение также и масштабов императивного планирования. Этот тезис полностью подтверждается информацией – большей частью разрозненной – о масштабах планирования экономики в различных государствах. Известно, например, что удельный вес госу-

---

¹ “The more the State plans, the more difficult planning becomes for the individual” (*Friedrich A. Hayek. The Road to Serfdom With The Intellectuals and Socialism* (The condensed version), London, 1945 (1999), p. 57; доступно на: <http://www.iea.org/sites/default/files/publications/files/upldbook351pdf.pdf>; просмотрено – август 2014).

дарственной собственности в Иране достаточно высок.¹ Соответственно, централизованно планируемая часть иранской экономики также велика (приблизительно 50%).²

Что же касается индикативных планов, то для их выполнения государство воздействует на рыночное поведение хозяйствующих субъектов косвенными методами, используя налоги, цены, дотации, специальные экономические режимы и другие управленческие инструменты. Каждый из этих косвенных методов представляет собой конкретную форму государственного вмешательства в экономику и измеряется отдельно. Поэтому сравнительная оценка масштабов индикативного планирования в различных государствах не является столь актуальной. Ситуация с программированием примерно та же: экономика сдвигается вправо или влево не собственно программами развития, а предусматриваемыми в них методами экономического управления.

Несмотря на все это, изучение программ экономического развития, которые реализуются (или предположительно будут реализовываться) в той или иной стране, имеет большое значение при анализе ее экономических перспектив – в том числе для оценки потенциальных масштабов и форм государственного вмешательства в экономику.

В Азербайджане государство достаточно активно занимается программированием социального и экономического развития. В настоящее время в стране реализуются десятки общих, отраслевых и региональ-

---

¹ Граница, разделяющая в Иране государственную и частную собственность, расплывчата. Фонды, управляющие национализированными во время Исламской революции предприятиями (примерно 20% всей собственности производственного назначения), носят «полугосударственный» характер. За последние годы государственные предприятия создали множество «полугосударственных-получастных» предприятий. С учетом предприятий подобного типа, правительство Ирана в настоящее время может напрямую контролировать приблизительно 80% экономики. «Чисто» частный сектор владеет примерно 17% собственности производственного назначения (подробнее см.: *Bijan Khajehpour. Domestic Political Reforms and Private Sector Activity in Iran.* – Iran Chamber Society, 2000; доступно на: http://www.iranchamber.com/government/articles/political_reform_private_sector_iran.php; просмотрено – август 2014).

² См.: *A survey of Iran: Stunted and distorted.* – *The Economist*, 2003 (информация из *Wikipedia*. См.: *Economy of Iran*; доступно на: http://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Iran; просмотрено – август 2014).

ных государственных программ. Особое значение – в том числе для оценки сдвигов в уровне и формах государственного вмешательства в экономику, планируемых правительством на ближайшие годы – имеет Концепция развития «Азербайджан 2020: Взгляд в будущее», принятая в 2012 году. В Концепции, помимо определения основных целей социально-экономического развития страны на период до 2020 года, также обозначены перспективы государственного регулирования экономики. Важное место отведено сохранению макроэкономической стабильности, совершенствованию условий ведения бизнеса, улучшению конкурентной среды (ограничению монополизма), повышению инвестиционной привлекательности, стимулированию совершенствования структуры экономики, крупномасштабному инфраструктурному строительству и повышению эффективности социальной защиты.¹

Осуществление крупномасштабных инфраструктурных проектов за счет государственных инвестиций предполагает расширение государственного предпринимательства, и поэтому их реализация будет сдвигать экономику влево. Стимулирующие меры по совершенствованию структуры экономики будут состоять в предоставлении различных льгот и субсидий предприятиям отдельных отраслей – предпочтительно тех ненефтяных отраслей, которые отнесены к стратегическим приоритетам страны, в частности, туристической индустрии. Эти меры также будут носить левистский характер. Некоторые составляющие государственного регулирования (сохранение макроэкономической стабильности, повышение инвестиционной привлекательности и эффективности социальной защиты) «нейтральны» по отношению к левизне-правизне экономики, не предполагают усиления или ослабления государственного вмешательства в экономику и входят в «список» требований как левистских, так и правистских политико-экономических групп. Сложнее классифицировать совершенствование условий ведения бизнеса, поскольку, с точки зрения левизны-правизны экономики, оно может содержать как «нейтральные» изменения (например, облегчение административного налогового бремени), так и перемены правого толка (в частности, уменьшение общего налогового бремени

¹ См.: Концепция развития «Азербайджан 2020: Взгляд в будущее», с. 14; доступно на: http://www.president.az/files/future_ru.pdf; просмотрено – ноябрь 2014.

предприятий). Но в целом, улучшение бизнес-среды будет сдвигать экономику вправо.

Из Концепции «Азербайджан 2020: Взгляд в будущее» следует, что стратегический курс правительства в сфере налогообложения предполагает снижение налогов, т.е. в этой сфере оно будет проводить в основном правистскую политику. Правда, это намерение не прямо сформулировано в Концепции, но в ней отмечено, что одной из задач ближайшей перспективы является «оптимизация налоговых ставок для создания благоприятной среды для предпринимательской деятельности». В этом контексте оптимизация налоговых ставок должна интерпретироваться как их снижение, ибо лучшей для предпринимателей налоговой политикой является облегчение их налогового бремени. Аналогичную мысль можно высказать и по поводу оптимизации таможенных пошлин. В области совершенствования регулирования внешней торговли планируются разнонаправленные меры – как правистского, так и левистского характера. Упрощение внешнеторговых процедур, упразднение нетарифных барьеров относятся к первым, а льготное государственное кредитование местных предпринимателей с целью повышения их экспортных возможностей – ко вторым.

Таким образом, Концепцию нельзя расценивать как однозначно левистскую или правистскую. Превалирование левистских или правистских тенденций в экономическом развитии Азербайджана будет зависеть от соотношения масштабов и силы воздействия запланированных в Концепции мер.

Идентичный анализ можно провести по программам (стратегиям) социально-экономического развития и других государств. Однако результаты, получаемые таким анализом, не позволяют оценить текущую левизну-правизну экономики, а имеют значение лишь для определения будущих тенденций развития и поэтому в настоящее время для международных сравнительных исследований не представляют особой актуальности. Можно предположить, что по мере совершенствования методов экономического прогнозирования ситуация в данной области кардинально изменится.

2.5. Свобода внешней торговли и защита внутреннего рынка

Ведущие аналитические центры мира регулярно проводят сравнительный анализ внешнеторговых режимов различных стран. Многочисленность исследований в этой сфере связана не только с важностью свободы внешней торговли для экономического либерализма, или с тем, что экспортно-импортные режимы достаточно легко приводятся к единому измерению. Одна из главных причин столь активного внимания к вопросам международной торговли состоит в том, что страны, в которых функционируют эти исследовательские центры, а также государства, попечительствующие над этими центрами, относятся к экономически развитым. Между тем, экономически сильные государства (и эксперты, выражающие их интересы), как уже было отмечено в первой главе, заинтересованы в либерализации внешней торговли в развивающихся странах и поэтому в вопросах внешней торговли выступают с правистских позиций.

Прежде чем приступить к оценке степени левизны-правизны экономики различных стран по данному показателю, следует отметить три важные особенности этой проблемы. Во-первых, несмотря на то, что свобода внешней торговли характеризуется свободой как экспортных, так и импортных операций, в большинстве случаев ее нужно измерять простотой импорта. Все государства заинтересованы в увеличении экспорта товаров и услуг и всячески стимулируют его. Экономическое и административное препятствование их экспорту прямо противоречит интересам местных компаний (предпринимателей) и, вместе с тем, в долгосрочной перспективе не приносит каких-либо экономических и политических преференций ни государству, ни его гражданам. Если импорт осуществляется по достаточно либеральным правилам, то можно утверждать, что препятствование экспорту вообще лишено экономического смысла – даже в краткосрочном периоде. В обратном случае можно было бы считать, что ограничение экспорта послужит обеспечению изобилия товаров и услуг и, благодаря этому, стабильности или снижению цен на внутреннем рынке.

Во-вторых, свобода импорта и защита внутреннего рынка подобны слагаемым, сумма которых постоянна, т.е. при увеличении одной другая уменьшается. Одновременно увеличивать и то, и другое, в прин-

ципе, невозможно. Но в некоторых случаях повышение одной может и не сопровождаться понижением другой; скажем, упрощение импортных процедур вовсе не означает, что защита внутреннего рынка обязательно ослабеет. Обычно уровень свободы импорта в той или иной стране одновременно отражает и уровень защиты внутреннего рынка – но с обратным знаком. Иногда внешняя торговля может ограничиваться из неэкономических, политических соображений. При этом ограничения, как правило, имеют адресный характер, т.е. применяются к импорту каких-то конкретных товаров и/или из каких-то конкретных стран.* Такие ограничения, если они не носят массовый характер в стране, при измерении уровня свободы внешней торговли, как правило, не учитываются.

В-третьих, в странах, где экспорт природных ресурсов образует значительную часть экономики, при измерении уровня свободы внешней торговли (и в целом внешнеэкономической деятельности) недостаточно ограничиваться одними лишь показателями (абсолютными и относительными) общих объемов экспортно-импортных операций.** Например, в Азербайджане добыча и экспорт нефтегазовых ресурсов составляют немалую часть экономики и большую – экспорта. Согласно статистике Центрального Банка Азербайджана, в 2013 году экспорт нефтегазового сектора (30 млрд. долл. США) составил 94,6% всего экспорта страны (31,7 млрд. долл. США).¹ Нефтегазовый экспорт осуществляется в особом режиме и никак не отражает применяющиеся страной внешнеторговые правила. Поэтому для более точных сравнительных оценок необходимо использовать не только показатели общих объ-

---

* В качестве примера можно отметить запрет, введенный Россией в середине 2014 года на импорт некоторых продовольственных товаров из Европейского Союза, США, Австралии, Норвегии и Канады. Правительство России обосновало это решение как «ответ» на политические и экономические санкции, введенные против нее этими государствами после того, как она «присоединила» к себе Крымский полуостров, признаваемый всем миром (ранее признававшийся и самой Россией) составной частью Украины, и начала открыто поддерживать сепаратистские военно-политические группировки в восточных областях Украины.

** К относительным показателям относят, в частности, удельный вес экспорта и импорта в ВВП.

¹ См.: http://www.nba.az/assets/3009/Azerbaijan_respublikasinin_tediye_balansi.pdf; просмотрено – август 2014.

емов экспорта и импорта, но и другие, более сложные методы.¹ Особое значение приобретают, в частности, показатели нефтяного экспорта и импорта товаров и услуг.

2.5.1. Внешнеторговые процедуры

С целью оценки благоприятности для предпринимателей правил международной торговли, применяемых в различных странах, Всемирный банк анализирует 3 показателя: (i) количество документов, требующихся при экспорте и импорте, (ii) время, затрачиваемое на оформление экспортных и импортных операций, (iii) расходы на оформление экспортных и импортных операций (без учета тарифов и неформальных платежей). Индекс простоты экспортно-импортных процедур рассчитывается как среднеарифметическое значение этих показателей.

Для обеспечения межстрановой сопоставимости результатов принимаются некоторые допущения. Предполагается, что экспортируемый (импортируемый) груз является сухим, неопасен, не включает оружия или боеприпасов, является одним из основных экспортных (импортных) товаров страны, весит 10 тонн, стоит 20 тыс. долл. США и т.д. Экспортер (импортер) является компанией с ограниченной ответственностью, имеет не менее 60 работников, полностью принадлежит местным предпринимателям, не обладает какими-то привилегиями во внешней торговле, экспортирует более 10% своей продукции и т.д. Учитываются все документы, необходимые для экспорта (импорта). Время измеряется днями, расходы – долларами США.

Результаты по государствам ВЕЦА и некоторым развитым странам представлены в *Таблице 13*. Места стран даны по мировому рэнкингу. При анализе Таблицы следует иметь в виду, что в ней рассматривается не общий уровень свободы внешней торговли, а лишь одна из ее составляющих – простота и дешевизна процедур. Это, безусловно, крайне важный вопрос, так как, независимо от уровня экспортно-импортных тарифов (и даже неформальных платежей), упрощение, ускорение и

---

¹ Удельный вес совокупного объема экспорта и импорта в ВВП Азербайджана в 2012 году составил, по расчетам Всемирного банка, 61,5%. С аналогичным показателем по различным странам мира можно ознакомиться в базе данных Всемирного банка (доступно на: <http://data.worldbank.org/indicator/TG.VAL.TOTL.GD.ZS>; просмотрено – август 2014).

удешевление обязательных процедур в любом случае означают улучшение предпринимательской среды; они выгодны для предприятий и полезны для экономики в целом.

Таблица 13. Внешнеторговые процедуры в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)¹

Место	СТРАНА	Количество документов (экспорт)	Время (экспорт)	Расходы (экспорт)	Количество документов (импорт)	Время (импорт)	Расходы (импорт)
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Сингапур	3	6	460	3	4	440
6	Швеция	3	9	725	3	6	735
8	Дания	4	6	795	3	5	745
13	Нидерланды	4	7	925	4	6	975
14	Германия	4	9	905	4	7	940
15	Литва	4	10	750	5	9	800
16	Великобритания	4	8	1 005	4	6	1 050
17	Латвия	5	10	600	5	11	801
20	Ирландия	2	8	1 160	2	10	1 121
21	Новая Зеландия	4	10	870	6	9	825
22	США	3	6	1 090	5	5	1 315
23	Япония	3	11	890	5	11	970
26	Норвегия	4	8	1 225	5	7	1 100
27	Кипр	5	7	865	7	5	1 010
32	Испания	4	10	1 310	4	9	1 350
36	Франция	2	10	1 335	2	11	1 445
43	Грузия	4	9	1 355	4	10	1 495
45	Канада	3	8	1 680	3	10	1 680
46	Австралия	5	9	1 150	7	8	1 170

¹ Составлена на основе доклада Всемирного банка "Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises" (см.: Doing Business 2014: Trading Across Borders; доступно на: <http://www.doingbusiness.org/data/exploretopics/trading-across-borders>; просмотрено – август 2014).

1	2	3	4	5	6	7	8
53	Черногория	6	14	985	5	14	985
56	<i>Италия</i>	3	19	1 195	3	18	1 145
70	Венгрия	6	17	885	6	19	845
76	Румыния	5	13	1 485	6	13	1 495
79	Болгария	4	20	1 375	5	17	1 365
85	Албания	7	19	745	8	18	730
86	Турция	7	13	990	8	14	1 235
89	Македония	6	12	1 376	8	11	1 380
98	Сербия	6	12	1 455	7	15	1 760
99	Хорватия	7	18	1 335	7	15	1 185
107	Босния-Герц.	8	16	1 260	8	13	1 200
117	Армения	5	16	1 885	8	18	2 175
121	Косово	8	15	1 775	7	15	1 810
148	Украина	6	29	1 930	8	28	2 505
149	Беларусь	9	15	1 510	10	30	2 315
150	Молдова	7	32	1 545	8	35	1 870
157	Россия	9	22	2 615	10	21	2 810
168	<i>Азербайджан</i>	9	28	3 540	11	25	3 560
182	Кыргызстан	9	63	4 360	11	75	5 150
186	Казахстан	10	81	4 885	12	69	4 865
188	Таджикистан	12	71	8 650	12	72	10 250
189	Узбекистан	12	79	4 785	14	95	5 235

Из Таблицы 13 видно, что по этому критерию развитые государства имеют очевидное преимущество перед странами ВЕЦА. Самая благоприятная для предпринимателя ситуация по экспортно-импортным процедурам сложилась в Сингапуре, самая неблагоприятная – в Узбекистане. Трудно даже представить, что в Узбекистане на оформление экспортных документов уходит более двух с половиной месяцев, а на импортных – более 3 месяцев.

Азербайджан располагается близко к концу рэнкинга (168 место). Одна из объективных причин этого состоит в следующем: предполагается, что азербайджанские компании осуществляют экспортно-импортные операции через Грузию, поскольку Азербайджан не имеет пря-

мого морского выхода к океану. Это неизбежно увеличивает как количество требуемых документов, так и время и расходы на их оформление, и соответственно, ухудшает рейтинг страны.

Вместе с тем, сравнения с государствами-лидерами выявляют, помимо объективных факторов, целый ряд других проблем, которые Азербайджану предстоит решить. Необходимо иметь в виду, что по всем показателям, отраженным в Таблице 13 (за исключением времени, затрачиваемого на оформление документов на импорт), Азербайджан отстает от средних показателей стран ВЕЦА. Конечно, для выявления имеющихся проблем и выработки рекомендаций по их разрешению, необходимо провести более детальные исследования, хотя предложения по некоторым вопросам могут быть сформулированы и без специального анализа. Например, если два или несколько документов могут оформляться параллельно, Всемирный банк измеряет время, требующееся для оформления, по тому документу, оформление которого требует больше времени, чем остальных. Поэтому целесообразно создавать условия для параллельного прохождения процедур.

Вполне возможно, что отдельные чиновники или эксперты расценивают бюрократические препятствия, затрудняющие импорт, как один из методов защиты внутреннего рынка. Однако искусственное препятствование импорту, обусловленному структурой экономики, в долгосрочной перспективе приводит лишь к социально-экономическим деформациям, несправедливому перераспределению доходов и ухудшению делового климата. Что же касается бюрократических препятствий экспорту, то они совершенно необъяснимы. Поскольку нефть, газ и производные от них продукты экспортируются в особом режиме, то эти препятствия касаются только лишь товаров и услуг ненефтяного сектора. При этом необходимо особо отметить, что Азербайджан глубоко заинтересован в расширении ненефтяного экспорта и ставит перед собой большие задачи в этой области. Так, в Концепции развития «Азербайджан 2020: Взгляд в будущее» предусматривается в ближайшие годы довести ненефтяной экспорт на душу населения до 1 000 долл. США.¹ Необходимо признать, что всякие препятствия экспорту противоречат государственным интересам Азербайджана.

---

¹ См.: Концепция развития «Азербайджан 2020: Взгляд в будущее», с. 10.

Следует также учитывать, что в действительности многие азербайджанские компании, осуществляющие внешнеторговую деятельность, преодолевают бюрократические барьеры быстрее, чем показано в докладе Всемирного банка. Это достигается в основном при помощи неформальных методов, что, естественно, не устраняет саму проблему бюрократических препятствий и необходимости преодоления их негативного влияния на деловую активность в стране.

При дальнейшем совершенствовании методологии экспертам Всемирного банка следует иметь в виду несколько моментов. Один из них связан с тем, что когда транзитная страна не создает достаточно благоприятные условия для компаний другого государства, вынужденных пользоваться ее услугами, рейтинговые показатели второго ухудшаются. Для Всемирного банка не имеет особого значения, кто именно – свое ли государство, или транзитное – осложняет условия предпринимательства. Однако, в конечном счете, Всемирный банк оценивает степень либеральности внешней торговли в различных государствах, а рейтинг той или иной страны не должен ухудшаться из-за бюрократических правил, принятых в другой стране.

Для разрешения этого методологического противоречия, по-видимому, необходимо подходить к странам не унифицированно, а индивидуально. В частности, большая часть экспорта Азербайджана действительно проходит через территорию Грузии, но это в основном нефть и газ, транспортируемые трубопроводами. Бюрократические правила Грузии никак не влияют на их доставку на международные рынки. Что же касается ненефтяного экспорта и импорта, то важно проанализировать их товарную структуру и географию. Этот анализ показывает, что отсутствие у Азербайджана прямого морского выхода к океану очень слабо отражается на благоприятности правил оформления его компаниями экспортно-импортных операций. В таких случаях Всемирному банку следовало бы не учитывать бюрократические препятствия, существующие в транзитной стране.

Несмотря на важность измерения и сравнения препятствующих внешней торговле бюрократических барьеров, они не характеризуют левизну-правизну экономики, так как и правые, и левые политико-экономические группы одинаково считают необходимым упрощение экс-

портных и импортных процедур. По сути дела, облегчение этих процедур может интерпретироваться как уменьшение государственного вмешательства в экономику. Однако с точки зрения социальных программ, оно нейтрально (т.е. не оказывает негативного влияния на уровень социальной защиты населения) и поэтому поддерживается также и представителями левистских групп.

2.5.2. Свобода внешней торговли

Институт Фрейзера также анализирует бюрократические препятствия, с которыми компании сталкиваются при экспортно-импортных операциях, но это всего лишь один из показателей, которыми он измеряет свободу внешней торговли:

- Тарифы
  - отношение внешнеторговых налогов к общему объему внешней торговли (в процентах),
  - средняя тарифная ставка,
  - отклонения тарифных ставок от средней тарифной ставки.
- Регулятивные барьеры
  - нетарифные торговые барьеры,*
  - простота оформления импорта и экспорта.**
- Валютные курсы черного рынка (разница между официальным курсом и курсом черного рынка (в процентах)).
- Свобода передвижения капитала и людей
  - ограничения перед иностранной собственностью/внешними инвестициями,*
  - контроль над капиталом,
  - свобода въезда иностранцев в страну и выезда из нее.

---

* Рассчитываются по данным, заимствованным из доклада Всемирного экономического форума (*The World Economic Forum*) о конкурентоспособности стран мира (*Global Competitiveness Report*).

** Рассчитывается с использованием данных из доклада Всемирного банка «Условия бизнеса», на основе показателей времени, требующегося для оформления документов на экспортные и импортные операции.

Индексы свободы внешней торговли, рассчитанные на основе этих показателей для различных стран, представлены в *Таблице 14*. Беларусь, Косово, Узбекистан и Туркменистан не рассматриваются Институтом Фрейзера и поэтому не включены в Таблицу.

Таблица 14. Свобода внешней торговли в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2011 г.)¹

Место	СТРАНЫ	Тарифы	Регулятивные барьеры	Валютные курсы на черном рынке	Свобода движения капитала и людей	Свобода внешней торговли
1	2	3	4	5	6	7
1	Сингапур	10,0	8,8	10,0	8,5	9,3
2	Ирландия	8,3	8,0	10,0	8,7	8,8
3-4	Великобритания	8,3	8,3	10,0	8,3	8,7
3-4	Новая Зеландия	9,1	8,8	10,0	6,8	8,7
5	Нидерланды	8,3	8,3	10,0	7,7	8,6
6	Грузия	9,1	7,7	10,0	7,3	8,5
7	Дания	8,3	8,0	10,0	6,9	8,3
8-9	Кипр	8,3	7,8	10,0	6,4	8,1
8-9	Латвия	8,3	7,4	10,0	6,5	8,1
10-11	Франция	8,3	7,5	10,0	6,3	8,0
10-11	Швеция	8,3	8,2	10,0	5,6	8,0
12	Германия	8,3	7,6	10,0	5,6	7,9
13-16	Испания	8,3	7,7	10,0	5,3	7,8
13-16	Италия	8,3	6,7	10,0	6,0	7,8
13-16	Черногория	8,1	6,9	10,0	6,1	7,8
13-16	Румыния	8,3	6,6	10,0	6,4	7,8
17-20	США	8,4	7,6	10,0	4,8	7,7
17-20	Австралия	8,8	8,3	10,0	3,5	7,7

¹ См.: *Economic Freedom of the World 2013*; доступно на: http://www.freetheworld.com/2011/reports/world/EFW2011_complete.pdf; просмотрено – август 2014.

1	2	3	4	5	6	7
17-20	Литва	8,3	7,5	10,0	5,0	7,7
17-20	Венгрия	8,3	6,9	10,0	5,7	7,7
21-23	Болгария	8,3	6,1	10,0	6,1	7,6
21-23	Хорватия	8,7	6,4	10,0	5,2	7,6
21-23	Канада	6,6	7,4	10,0	6,6	7,6
24-25	Босния-Герц.	8,3	6,7	10,0	5,2	7,5
24-25	Македония	8,0	7,0	10,0	5,1	7,5
26	Армения	8,9	6,5	10,0	4,2	7,4
27	Норвегия	6,1	7,2	10,0	6,0	7,3
28-29	Сербия	8,3	6,5	10,0	3,9	7,2
28-29	Турция	6,3	6,6	10,0	6,0	7,2
30-31	Албания	8,5	6,6	10,0	3,4	7,1
30-31	Япония	6,3	6,7	10,0	5,5	7,1
32	Молдова	8,7	5,5	10,0	3,2	6,8
33	Украина	8,7	4,7	10,0	2,8	6,6
34	Азербайджан	8,0	4,7	10,0	3,4	6,5
35	Кыргызстан	8,6	2,6	10,0	4,5	6,4
36-37	Россия	4,6	5,2	10,0	3,8	5,9
36-37	Таджикистан	8,0	2,7	10,0	2,7	5,9
38	Казахстан	5,7	3,2	10,0	2,6	5,4

Показатель валютных курсов на черном рынке нейтрален по отношению к левизне-правизне экономики. И правые, и левые политико-экономические группы поддерживают меры против нелегальной торговли валютой. Поэтому при иных обстоятельствах этот показатель мог бы внести искажения в классификацию стран по левизне-правизне экономики на основе свободы внешней торговли. Однако в данном случае все государства, включенные в Таблицу 14, получили по нему максимальную оценку – 10 баллов. Это означает, что ни в одном из оцениваемых государств нет «черного» валютного рынка и обмен валюты ведется только в легальной форме. Поэтому показатель валютных курсов на «черном рынке» никак не повлиял на ранжирование, и для определения левизны-правизны экономики по свободе внешней торговли

можно пользоваться интегральным показателем без какой-либо корректировки.

По причинам, уже высказанным ранее, более свободный характер внешней торговли в развитых странах вполне объясним: за исключением Японии, Норвегии и Канады, все эти страны располагаются в верхней части рэнкинга. Азербайджан с 6,5 балла занимает 34 место (в рэнкинге 152-х государств делит 110-114 места). Несмотря на значительное улучшение данного показателя в 2005-2011 годах (2005 – 5,92; 2010 – 6,48; 2011 – 6,54), сравнения с другими государствами мира показывают, что условия ведения внешней торговли все еще нуждаются в существенном совершенствовании. Хотя дальнейшее снижение внешне-торговых тарифов сохраняет свою актуальность, в целом они не так высоки. В рэнкинге стран, включенных в Таблицу 14, по тарифам Азербайджан занимает более высокое место, чем в целом по свободе внешней торговли, и опережает 8 государств, включая Норвегию, Японию и Канаду. По другим показателям свободы внешней торговли ситуация явно хуже: по регулятивным барьерам Азербайджан опережает лишь Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан, а по свободе движения капитала и людей – Молдову, Украину, Таджикистан и Казахстан. Поэтому очевидно, что продолжение реформ по устранению нетарифных барьеров, упрощению бюрократических процедур, усилению гарантий собственности и инвестициям иностранных компаний и граждан будет входить в число наиболее актуальных задач ближайшего будущего.

Если бы исследование проводилось левистским аналитическим центром и страны ранжировались бы по критерию защиты внутреннего рынка, то результаты были бы совершенно иными: некоторые лидеры и аутсайдеры поменялись бы местами. Тем не менее, ряды показателей Таблицы «не перевернулись» бы зеркально, поскольку существуют факторы, которые действительно обуславливают свободу внешней торговли, хотя их отсутствие (упразднение) не сдвигает экономику влево. Например, ограничение или недопущение фаворитизма в квотировании внешней торговли, безусловно, повышает уровень внешнеторговой свободы, в то время как его наличие или еще большее распространение не сдвигает экономику влево. Не только по правистским, но и по левистским воззрениям, фаворитизм играет негативную роль в развитии экономики и повышении общественного благосостояния.

Итак, если судить по показателям, представленным в Таблице 14, экономика Азербайджана по свободе внешней торговли располагается левее экономики 33 стран и правее экономики 4 государств.

2.5.3. Участие в международной торговле (Индекс экономической цены импорта)

Всемирный Экономический Форум (ВЭФ) каждые два года публикует доклад под названием «Участие в международной торговле» (*The Global Enabling Trade Report*).^{*} В последнем докладе одноименный индекс рассчитан по 138 странам мира.

Индекс участия в международной торговле рассчитывается как среднеарифметическое от четырех подиндексов: (А) Импортные тарифы, налоги и пошлины, выплачиваемые экспортерами страны при входе на зарубежные рынки, (Б) Качество погранично-таможенных услуг, (В) Инфраструктура, (Г) Операционная среда. Показатели, формирующие подиндекс «Б», в основном, заимствованы из исследования внешне-торговых процедур, проводимого Всемирным банком. Подиндексы «В» и «Г» построены на показателях, очень важных с точки зрения расширения и эффективности внешней торговли – доступность и качество транспортных услуг и соответствующей инфраструктуры, доступность и уровень использования информационно-коммуникационных технологий, уровень защиты прав собственности, доступность финансовых услуг и т.д. Однако эти показатели не характеризуют свободу внешней торговли с позиции левизны-правизны экономики, так как они оценивают факторы, создающие условия для успешного ведения внешнеторговой деятельности, а не степень государственного вмешательства в экономику. Повышение или понижение этих показателей не влияет на левизну-правизну экономики, а их роста добиваются как правые, так и левые политико-экономические группы.

---

^{*} Всемирный Экономический Форум – *The World Economic Forum (WEF)* – неправительственная организация со штаб-квартирой в Швейцарии, созданная в 1971 году. Цель – содействие углублению международного (в первую очередь, экономического) сотрудничества. Известен ежегодно проводимыми в городе Давос (Швейцария) форумами с участием ведущих компаний и признанных политиков мира (в том числе руководителей государств и правительств), а также своими международными сравнительными исследованиями, наиболее популярным среди которых является ежегодный доклад «Конкурентоспособность государств мира».

Подиндекс «А» отличается от остальных. Первый из двух его компонентов отражает ставки и сложность тарифов, а также удельный вес продукции и услуг, которые могут импортироваться беспошлинно (*duty-free*), а второй – льготы по импортным тарифам, выплачиваемым предприятиями-экспортерами в странах назначения – если такие льготы предусмотрены соответствующими межгосударственными соглашениями. Второй компонент характеризует либеральность режима внешней торговли зарубежных стран – относительно оцениваемого государства. Поэтому в докладе ВЭФ лишь один компонент – Экономическая цена импорта – вызывает интерес для нашего исследования.

Рэнкинг по этому компоненту представлен в *Таблице 15*. Индекс меняется от 1 до 7 (1 – высшая, 7 – низшая оценка). Места стран даны по результатам общего ранжирования 138 государств. Из-за недостаточности информации по Беларуси, Косово, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану, ВЭФ не проанализировал их. В *Таблицу 15* включены также Бразилия, Китай и Иран.

Большинство развитых стран находятся в середине рэнкинга и с 4,9 балла делят 44-74 места. Лишь Швейцария, не входящая в число анализируемых в нашем исследовании стран, располагается в нижней части рэнкинга (4,6 балла, 84-87 места). Интересно, что быстро развивающиеся в настоящее время государства БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) достаточно жестко защищают свои внутренние рынки тарифами.* Невключенная в *Таблицу* Индия с 2,9 балла делит 133-135 места с Чадом и Камбоджей. Надо учитывать, что правые также признают, что в краткосрочном периоде защита внутреннего рынка тарифными барьерами вполне может быть эффективной. Они не считают допустимым лишь ее длительное применение.

С 4,3 балла Азербайджан делит 95-97 места. С учетом разницы в количестве сравниваемых стран, эта оценка близка к той, которая была

---

* На самом деле, начиная с середины 2014 года, относить российскую экономику к быстроразвивающимся неверно. Во второй половине года, после введения Западными государствами экономических санкций против России и резкого падения цен на нефть на мировом рынке, экономика России фактически вступила в полосу кризиса и стало очевидным, что она не в состоянии эффективно противостоять внешним воздействиям.

получена Институтом Фрейзера. Интересно, что тарифные режимы, с которыми азербайджанские экспортеры сталкиваются в странах назначения, благоприятнее, чем применяемый в самом Азербайджане: по второму компоненту подиндекса «А» Азербайджан имеет более высокий рейтинг и с 2,9 балла делит 54-56 места.

Таблица 15. Индекс экономической цены импорта в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)¹

Место	Страна	Индекс	Место	Страна	Индекс
1-3	Сингапур	7,0	44-74	Дания	4,9
4-5	Новая Зеландия	6,1	44-74	Франция	4,9
6-8	Грузия	6,0	44-74	Нидерланды	4,9
9-11	Албания	5,9	44-74	Ирландия	4,9
12-13	Армения	5,8	44-74	Испания	4,9
14-17	Канада	5,7	44-74	Швеция	4,9
14-17	Черногория	5,7	44-74	Италия	4,9
18-19	Австралия	5,6	44-74	Кипр	4,9
20-23	Македония	5,5	44-74	Венгрия	4,9
20-23	Украина	5,5	44-74	Латвия	4,9
27-30	США	5,3	44-74	Литва	4,9
27-30	Босния-Герц.	5,3	44-74	Румыния	4,9
27-30	Япония	5,3	78-83	Кыргызстан	4,7
31-33	Хорватия	5,2	95-97	Азербайджан	4,3
34-37	Турция	5,1	98-100	Китай	4,2
38-43	Молдова	5,0	106-108	Бразилия	4,0
38-43	Норвегия	5,0	106-108	Сербия	4,0
44-74	Болгария	4,9	110-112	Казахстан	3,8
44-74	Германия	4,9	127-129	Россия	3,3
44-74	Великобритания	4,9	137-138	Иран	2,4

¹ Составлена по докладу ВЭФ «Участие в международной торговле» (см.: *World Economic Forum – The Global Enabling Trade Report 2014*, p. 11; доступно на: <http://reports.weforum.org/global-enabling-trade-report-2014>; просмотрено – июль 2014).

2.5.4. Индекс свободы торговли...

... один из 10 индикаторов, по которым Фонд «Наследие» определяет Индекс экономической свободы. Рассчитывается следующим образом: средневзвешенная тарифная ставка страны, исчисляемая на основе удельного веса каждого импортируемого товара в общем объеме импорта и применяемой к этому товару тарифной ставки, индексируется «с обратным знаком» (т.е. как показатель свободы торговли, а не ее ограничения), затем от полученного индекса отнимаются «штрафные» баллы (0, 5, 10, 15, или 20 баллов) за нетарифные барьеры. Фонд не комментирует того, сколько «штрафных» баллов начисляет каждой из ранжируемых стран – так же, как и по Индексу монетарной свободы. Но в отличие от последнего, здесь как основной, так и вспомогательный показатели отражают уровень государственного вмешательства в экономику, в силу чего итоговый индекс и представляет интерес для нашего исследования.

Часть полученных Фондом «Наследие» результатов представлена в Таблице 16.

Таблица 16. Индекс свободы торговли в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)¹

Место	Страна	Индекс	Место	Страна	Индекс
1	2	3	4	5	6
1-5	Сингапур	90,0	39-40	Новая Зеландия	86,8
6	Норвегия	89,1	41	Австралия	86,4
7-8	Грузия	88,6	42	Украина	86,2
9	Канада	88,3	43	Македония	85,9
11-34	Германия	87,8	46	Армения	85,5
11-34	Великобритания	87,8	51	Турция	84,5
11-34	Болгария	87,8	53	Черногория	83,1
11-34	Дания	87,8	56-58	Франция	82,8
11-34	Нидерланды	87,8	56-58	Кипр	82,8
11-34	Ирландия	87,8	62-63	Япония	82,4

¹ Составлена по «Индексу экономической свободы», разработанному Фондом «Наследие» совместно с *The Wall Street Journal* (см.: 2014 *Economic Freedom Index*; доступно на: <http://www.heritage.org/index>; просмотрено – июль 2014).

1	2	3	4	5	6
11-34	Испания	87,8	67	Беларусь	81,4
11-34	Швеция	87,8	70	Молдова	80,1
11-34	Италия	87,8	74	Туркменистан	79,2
11-34	Латвия	87,8	81	Казахстан	78,2
11-34	Литва	87,8	86	Азербайджан	77,2
11-34	Венгрия	87,8	87	Сербия	77,0
11-34	Румыния	87,8	99	Кыргызстан	75,2
35	Албания	87,5	104	Россия	74,6
36	Хорватия	87,4	109-111	Таджикистан	73,2
38	Босния-Герц.	86,9	140	<i>Узбекистан</i>	66,1
39-40	США	86,8	181-185	Косово	n/a

Исследование Фонда «Наследие» также показывает первенство Сингапура по либеральности внешней торговли, хотя рейтинговые позиции других стран в некоторой степени отличаются от их мест в предыдущих рэнкингах по схожим показателям. Азербайджан с 77,2 балла занимает 86 место. Это означает, что по Индексу свободы торговли экономика Азербайджана характеризуется большей левизной, чем экономика 85-ти (46%) из проранжированных 185 стран, и большей правизной, чем экономика 99 государств (54%). В рэнкинге Института Фрейзера по свободе внешней торговли экономика Азербайджана располагается левее экономики 72% и правее 25% проранжированных стран.* В рэнкинге ВЭФ по индексу участия в международной торговле экономика Азербайджана находится левее экономики 68% и правее экономики 30% проранжированных государств. В рэнкинге по простоте внешне-торговых процедур, составленном Всемирным банком, Азербайджан отстает от 88% проанализированных стран, однако суть показателя такова, что это вовсе не означает большей левизны экономики Азербайджана по сравнению с экономикой опережающих его стран.

Существенное различие мест (в относительном измерении), занимаемых Азербайджаном (и другими странами) в разных рэнкингах, отражающих левизну-правизну экономики по степени либеральности

* Причина того, почему сумма процентов не равняется 100 состоит в том, что Азербайджан делит 110-114 места с 4 государствами с одинаковым индексом.

внешней торговли, объясняются не только методиками подсчета, но и количеством ранжируемых государств. Фонд «Наследие» измеряет показатели по 185, Институт Фрейзера – по 152, а ВЭФ – по 138 странам. От состава анализируемых государств непосредственно зависит местоположение той или иной страны в рэнкинге, в том числе процентное количество государств, которые опережают ее или отстают от нее.

2.6. Лицензирование

Лицензия, как известно, является специальным разрешением, выдаваемым государством компаниям и индивидуальным предпринимателям для осуществления отдельных видов деятельности. Несмотря на то, что лицензирование представляет собой одну из самых жестких форм государственного регулирования экономики, в целом ряде случаев оно, конечно же, необходимо. Общеизвестно, что не все могут заниматься производством и реализацией оружия и боеприпасов или лекарственных препаратов. Освобождение от лицензирования таких видов деятельности недопустимо и не может рассматриваться как либерализация экономики. Левые и правые политико-экономические группы едины в том, что лицензирование, хотя и ограничивает свободу компаний и индивидуальных предпринимателей, в той или иной степени упреждает потенциальные угрозы здоровью и правам граждан, безопасности и интересам государства.

Вместе с тем, представления о том, от каких именно видов экономической деятельности исходят эти потенциальные угрозы, существенно различаются. Как правило, правые выступают за уменьшение количества обязательных к лицензированию видов деятельности (предоставлению компаниям и предпринимателям большей свободы выбора), а левые – за расширение (более жесткую защиту интересов и прав государства и граждан).

Как по всем другим критериям, следует и здесь различать классификацию политико-экономических воззрений от дифференциации экономик по их фактическому состоянию. При оценке степени левизны-правизны экономики страны по этому критерию можно учитывать следующие четыре показателя: а) количество лицензируемых видов дея-

тельности, б) номенклатуру лицензируемых видов деятельности, в) срок действия лицензий, г) правила выдачи лицензий. Чем меньше количество обязательных к лицензированию видов деятельности, уже их номенклатура, длительнее срок действия лицензий и проще правила их выдачи, тем свободнее предпринимательская деятельность и правее экономика.

Проблема в том, что ни по одному из этих показателей в отдельности невозможно провести достаточно точные межгосударственные сравнения. Так, показатели количества лицензируемых видов деятельности могут быть по-разному сформулированы в различных странах. Если в одной стране требуется получить лицензию на «строительные работы», а в другой – на «строительство атомных электростанций» и «строительство гидроэлектростанций», то по простому количественному сопоставлению, во второй стране, где необходимо лицензировать два «вида» деятельности, строительство лицензируется жестче, чем в первой, где лицензируется лишь один «вид». Ошибочность такого вывода очевидна.

Сравнение по номенклатуре видов деятельности некорректно хотя бы потому, что составить общий для всех стран универсальный список видов экономической деятельности, которые необходимо лицензировать, практически невозможно, и стало быть, невозможно также сконструировать некую меру измерения для сопоставления номенклатур, принятых в разных странах.

Срок действия лицензий, конечно, важен. Чем длительнее этот срок, тем меньше компании зависят от государства, предприниматели реже встречаются с чиновниками, благоприятнее бизнес-среда. Однако самостоятельное значение этого показателя не столь высоко, так как для его оценки необходимо предварительно оценить другие показатели, в том числе показатели количества и номенклатуры лицензируемых видов деятельности, а также правил лицензирования. Если, например, продление срока действия лицензии представляет собой относительно простую формальность, то срок действия вообще теряет смысл как показатель для межстрановых сравнений.

Правила выдачи лицензий также не поддаются международным сравнениям. Страна, требующая лицензирования меньшего количества

видов деятельности, выдающая лицензии на более длительные сроки, но по более жестким правилам, безусловно, меньше усложняет условия предпринимательства. Кроме того, некоторые разрешения и в самом деле должны выдаваться по жестким правилам, чтобы предотвращать потенциальные угрозы государству и гражданам.

Таким образом, показатели, используемые для оценки простоты лицензирования в одной отдельно взятой стране, малоэффективны для международных сравнений.

Судя по всему, именно поэтому Всемирный банк в своих ежегодных докладах «Условия бизнеса» использует принцип моделирования для измерения того, насколько система лицензирования затрудняет предпринимательскую деятельность в разных странах мира. В этих докладах, являющихся, по сути дела, единственными серьезными исследованиями, в которых проводятся межгосударственные сравнения по простоте (сложности) лицензирования, на основе определенных допущений моделируется некая строительная компания. Предполагается, что она обладает ограниченной ответственностью, полностью принадлежит местным собственникам, имеет среди учредителей 5 физических лиц, наделена полной лицензией на строительные работы, имеет 60 работников и все они местные граждане, по меньшей мере один из сотрудников является лицензированным (дипломированным) архитектором или инженером, в полном объеме и в срок выплачивает все налоги, является собственником земельного участка, на котором собирается вести строительство. Далее предполагается, что строящийся объект является двухэтажным складом общего назначения, строительство будет завершено в течение 30 недель и т.д. Считается, что эти допущения позволяют смоделировать строительство, которое можно считать более или менее типичным для всех стран.

Простота лицензирования в различных странах оценивается и сравнивается по количеству разрешительных процедур, требующихся для такого строительства, а также по времени и расходам, затрачиваемым на их получение. Принимаются во внимание и те процедуры, которые связаны с подключением строящегося объекта к коммуникационным линиям (электричеству, воде, канализации, телефонной связи). Процедуры измеряются количеством, время – днями, расходы – отно-

шением официальных расходов к национальному доходу на душу населения. Неформальные расходы не учитываются. Итоговый индекс исчисляется как среднее арифметическое.

Необходимо отметить, что методика Всемирного банка приравнивает количество процедур лицензирования к показателям времени и расходов, что в определенной степени искажает реальную картину. Для предприятия важны, в первую очередь, время и расходы, требующиеся для получения лицензий и других разрешительных документов, а количество процедур второстепенно. Большее количество процедур в некоторых случаях может увеличить общую сумму неофициальных платежей предприятия, но когда учитываются лишь официальные платежи, дополнительные процедуры не представляют для предприятия особого бремени. Искажение картины выражается в неточности рейтингов многих стран. Например, в Азербайджане на получение всех разрешений, по подсчетам Всемирного банка, уходит 212 дней и затрачиваются средства в объеме 282,3% ОНД на душу населения. В Хорватии эти показатели составляют, соответственно, 317 дней и 646,5%. Несмотря на столь осязаемое преимущество Азербайджана по показателям времени и расходов, в рейтинге Всемирного банка по 189 странам он занимает 180 место, тогда как Хорватия – 152 место, поскольку в Азербайджане смоделированному строительному предприятию необходимо одолеть 28, а в Хорватии – всего 12 процедур. Между тем, очевидно, что для любой компании куда важнее получить все разрешения на три с половиной месяца раньше и более чем в 2 раза дешевле, чем то, что требуется получить не 12, а 28 разрешений.

Поэтому степень левизны-правизны экономики различных стран по простоте (сложности) лицензирования целесообразнее оценивать без учета количества процедур, а Индекс простоты лицензирования рассчитывать как среднеарифметическое от индексированных показателей времени и расходов. Полученные таким путем результаты, хотя и не существенно, но все же отличаются от оценок Всемирного банка (Таблица 17). Среди 36 ранжируемых стран Азербайджан занимает 35 место по методологии Всемирного банка и 29 место по нашим расчетам. В этом случае он занимает более высокое место, чем Хорватия. Кипр, наоборот, спускается с 18 места на 35-е: там количество процедур небольшое (9), расходы невелики (57%), зато времени на получение

ние лицензий требуется гораздо больше, чем в любой другой из ранжируемых стран (667 дней).

В Таблице 17 страны проранжированы по Индексу простоты лицензирования, рассчитанному по двум показателям – времени и расходам.

Таблица 17. Индекс простоты лицензирования в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)¹

Место	СТРАНЫ	Время (дни)	Расходы (% ОНД)	Индекс
1	2	3	4	5
1	Сингапур	26,0	15,7	0,002
2	Грузия	73,5	14,9	0,039
3	Венгрия	79,0	9,2	0,041
4	США	91,0	16,7	0,053
5	Дания	67,0	87,2	0,059
6	Новая Зеландия	94,0	28,3	0,060
7	Литва	105,0	18,0	0,065
8	Армения	84,0	68,4	0,066
9	Великобритания	88,0	66,0	0,068
10-11	Германия	97,0	46,7	0,069
10-11	Австралия	112,0	13,3	0,069
12	Норвегия	136,0	28,6	0,093
13	Швеция	116,0	76,3	0,094
14	Латвия	152,0	15,4	0,100
15	Нидерланды	157,0	79,4	0,127
16	Казахстан	157,0	87,3	0,130
17	Кыргызстан	142,0	128,7	0,132
18	Болгария	104,0	222,9	0,136

¹ Составлена на основе доклада Всемирного банка “*Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises*” (см.: *Doing Business 2014: Dealing with Construction Permits*; доступно на: <http://www.doingbusiness.org/data/exploretopics/dealing-with-construction-permits>; просмотрено – август 2014).

1	2	3	4	5
19	Япония	193,0	28,1	0,137
20	Турция	164,0	142,5	0,154
21	Канада	249,0	61,0	0,192
22	Франция	184,0	244,4	0,206
23	Испания	230,0	172,9	0,217
24	Италия	233,5	186,4	0,224
25	Румыния	287,0	71,2	0,225
26-27	Македония	90,0	512,1	0,226
26-27	Молдова	291,0	65,0	0,226
28	Россия	297,0	89,0	0,239
29	Азербайджан	212,0	282,3	0,241
30	Украина	73,0	607,1	0,247
31	Ирландия	156,0	446,3	0,255
32	Хорватия	317,0	646,5	0,451
33	Босния-Герц.	179,0	1 100,2	0,502
34	Черногория	158,0	1 159,3	0,507
35	Кипр	667,0	57,0	0,517
36	Сербия	269,0	1 433,5	0,690

Как видно, развитые страны по этому показателю не могут выступать ориентиром для других государств. В некоторых из них (например, в Ирландии) лицензирование является более сложным процессом, чем во многих странах ВЕЦА. Особого внимания заслуживает простота, быстрота и дешевизна получения разрешений на строительство в Грузии. Однако в целом, опыт развитых государств все-таки указывает на необходимость дальнейшей либерализации лицензирования в развивающихся странах.

Упрощение лицензирования уменьшает государственное вмешательство в экономику, увеличивает экономическую самостоятельность компаний и индивидуальных предпринимателей и сдвигает экономику вправо. Ужесточение лицензирования, напротив, усиливает государственное вмешательство и, соответственно, левизну экономики. Эти два тезиса особых вопросов не вызывают. Неоднозначными являются соци-

альные результаты, достигаемые усложнением лицензирования. Мировая практика показывает, что общественные интересы, которые отдельные государства пытаются защитить с помощью лицензий, во многих случаях можно обеспечить и без них. Поэтому следует, по-видимому, последовательно сужать перечень лицензируемых видов экономической деятельности, одновременно повышая эффективность саморегуляционных механизмов общества.

В настоящее время по простоте лицензирования экономика Азербайджана располагается левее экономики 28 и правее экономики 7 государств, включенных в Таблицу 17. Продолжение либеральных реформ в этой сфере входит в задачи ближайшего будущего. Первичной целью можно считать максимально возможное сокращение числа разрешительных и согласовательных процедур. С учетом возможности объединения некоторых процедур, эта задача вполне разрешима в относительно короткие сроки.

2.7. Экономическая самостоятельность предпринимателя и прямая социальная защита работника

Как уже было показано, для более точной оценки левизны-правизны экономики по некоторым критериям приходится проводить дополнительный анализ. Например, при уменьшении налогового бремени предприятий экономика «правеет», а при увеличении – «левет», но не всегда социализируется. Повышение налогов не приводит к автоматическому усилению социальной ориентированности экономики. В этом смысле, индикаторы, которые в первой главе были рассмотрены при анализе противоречия между благоприятностью бизнес-среды и социальной защитой, обладают одной важной особенностью. Она выражается в том, что по этим показателям усиление левизны экономики синхронно сопровождается ростом ее социальной направленности, или, наоборот, рост социальной направленности экономики сопровождается усилением ее левизны. Непосредственная цель регулирования государством отношений по поводу организации трудового процесса состоит в том, чтобы усилить социальную защиту наемного рабочего. Это, однако, достигается за счет ограничения свободы предпринимателя.

2.7.1. Регулирование занятости

С 2003-го по 2010 годы Всемирный банк в докладах серии «Условия бизнеса» анализировал степень благоприятности для предпринимателей правил регулирования занятости в различных странах мира. С 2011 года этот показатель и его составляющие исключены из основного списка анализируемых показателей и включены во вспомогательный. Всемирный банк перестал ранжировать государства по простоте регулирования занятости – судя по всему, из-за методологических трудностей, происходящих от условности соответствующего рэнкинга. Однако для целей нашего исследования эта условность очень ценна.

Оценивая условия бизнеса – в данном случае степень свободы предпринимателя в его отношениях с наемными работниками – Всемирный банк ранжирует государства по «нисходящей» – от тех, кто создает комфортные условия для предпринимателя, к тем, кто осложняет его деятельность регулятивными правилами, т.е. как бы «от хороших к плохим» – с точки зрения благоприятности условий ведения бизнеса. Между тем, страны, оказавшиеся на нижних местах рэнкинга, не всегда являются «плохими», а лишь стремятся одновременно учесть также и интересы наемных работников. Отличительная особенность наших рэнкингов – как по этому показателю, так и по всем другим – состоит в том, что в них нет «плохих» и «хороших» стран, а есть только страны с правой и левой экономикой. Для первых более приоритетным является оперативная самостоятельность предприятий, а для вторых – социальная защита работников. Поэтому нецелесообразно отказываться от ранжирования стран по данному критерию и эти оценки обязательно должны учитываться при определении общей левизны-правизны экономики.

Для оценки степени самостоятельности предпринимателя в принятии решений по поводу организации процесса труда Всемирный банк использовал ситуационную модель, в которой предполагалось, что работнику 42 года, он более 20 лет работает в этой компании на рядовой должности, не является членом профсоюза (если это необязательно по законодательству), и т.д. Далее предполагалось, что компания – это производственное предприятие с ограниченной ответственностью, имеет 60 сотрудников, полностью принадлежит местным инвесторам и т.д.

На базе этих допущений Всемирный банк исчислял три подиндекса:

- сложности найма на работу,
- жесткости регулирования рабочего времени,
- сложности увольнения с работы.

Подиндексы, в свою очередь, рассчитывались на основе ответов на конкретные вопросы. Например, Подиндекс сложности найма на работу учитывал возможные сроки, на которые могли заключаться трудовые контракты в разных производствах, а также относительный объем минимальной заработной платы нового наемного работника. Жесткость регулирования рабочего времени определялась на основе того, разрешается ли работать в ночное время и в выходные дни, может ли рабочая неделя длиться более 5,5 дня, может ли рабочий день продлеваться до 12 часов (в том числе за сверхурочную оплату), может ли годичный отпуск быть меньше 21 дня. Если на эти вопросы давались положительные ответы (т.е. выяснялось, что компания самостоятельна в регулировании рабочего времени), рейтинг страны повышался. Подиндекс сложности увольнения с работы оценивался на основе того, является ли избыточность рабочей силы достаточным основанием для увольнения работников, должен ли предприниматель получить разрешение от какого-либо государственного органа или профсоюза (либо заблаговременно предупредить их) при увольнении работника и т.д.

На основе указанных трех индикаторов (как среднеарифметическое от них) рассчитывался еще один подиндекс – жесткости регулирования занятости. Оценки всех индексов менялись от 0 (лучший показатель – минимум государственного вмешательства) до 100 (худший показатель – максимум государственного вмешательства).

Кроме того, при анализе условий регулирования занятости Всемирный банк учитывал также обязательные расходы предпринимателя при увольнении работника. Под этими расходами имелись в виду выплаты работнику, измерявшиеся количеством недельных зарплат, включая выплаты за период после предупреждения об увольнении.

В *Таблице 18* представлены некоторые результаты исследования Всемирного банка. Места даны по общемировому ранкингу 183 стран по сводному показателю, рассчитанному на основе Подиндекса жесткости регулирования занятости и расходов на увольнение.

**Таблица 18. Регулирование занятости в государствах
ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2009 г.)¹**

Место	СТРАНЫ	Поиндекс сложности найма	Поиндекс жесткости регулирования рабочего времени	Поиндекс сложности увольнения	Поиндекс жесткости регулирования занятости	Расходы на увольнение
1	2	3	4	5	6	7
1	США	0	0	0	0	0
1	Австралия	0	0	0	0	4
1	Сингапур	0	0	0	0	4
9	Дания	0	20	0	7	0
9	Грузия	0	20	0	7	4
15	Новая Зеландия	11	0	10	7	0
17	Канада	11	0	0	4	28
27	Ирландия	11	0	20	10	18
32	Беларусь	0	13	20	11	22
33	Азербайджан	0	20	10	10	22
34	Косово	0	0	30	10	30
35	Великобритания	11	20	0	10	22
38	Казахстан	0	20	30	17	9
40	Япония	11	7	30	16	4
46	Черногория	0	20	20	13	28
47	Кыргызстан	33	20	0	18	17
53	Болгария	17	40	0	19	9
58	Македония	11	20	10	14	26
62	Армения	33	20	10	21	13

¹ Составлена на основе данных доклада Всемирного банка "Doing Business 2010: Reforming through Difficult Times" (доступно на: <http://www.doingbusiness.org/~media/GIAWB/Doing%20Business/Documents/Annual-Reports/English/DB10-FullReport.pdf>; просмотрено – август 2014).

1	2	3	4	5	6	7
77	Венгрия	0	67	0	22	35
83	Украина	33	20	40	31	13
93	Кипр	33	0	40	24	64
94	Сербия	78	7	20	35	25
95	Узбекистан	33	33	30	32	22
99	<i>Италия</i>	33	40	40	38	11
105	Албания	44	20	10	25	56
109	Россия	33	40	40	38	17
111	Босния-Герц.	56	13	30	33	31
113	Румыния	67	40	30	46	8
114	<i>Норвегия</i>	61	40	30	44	13
117	<i>Швеция</i>	33	40	40	38	26
119	Литва	33	60	20	38	30
123	<i>Нидерланды</i>	17	40	70	42	17
128	Латвия	50	40	40	43	17
137	Иран	11	27	50	29	87
141	Молдова	44	40	40	41	37
143	Таджикистан	33	73	40	49	30
145	Турция	44	40	20	35	95
155	<i>Франция</i>	67	60	30	52	32
157	<i>Испания</i>	78	40	30	49	56
158	<i>Германия</i>	33	53	40	42	69
163	Хорватия	61	40	50	50	39

Интерпретация данных Таблицы 18 таким образом, что в ней страны проранжированы по благоприятности для предпринимателей правил регулирования занятости, является верной, но неполной. Более точным является утверждение, что по регулированию занятости экономика каждого государства левее экономики стран, занимающих более высокие места, и правее остальных. Экономика страны тем правее, чем больше самостоятельности государство предоставляет предпринимателям в вопросах организации процесса труда, однако при этом ему неизбежно приходится сужать рамки прямой социальной защиты наемных работников. И наоборот, экономика тем левее, чем жестче государство

защищает социальные права работников, однако для этого ограничивает свободу действий предпринимателей.

В рэнкингах подобного типа лучшими являются серединные места. Государства, находящиеся в середине рэнкинга, как правило, лучше сочетают (балансируют) интересы предпринимателя и наемного работника. Вместе с тем, необходимо отметить, что место, занимаемое страной в рэнкингах такого типа (верхнее, нижнее или серединное), не является единственным фактором, обуславливающим социально-экономические достижения страны и само по себе не гарантирует ей успех в будущем. Именно поэтому вышеприведенные рэнкинги – как по регулированию занятости в целом, так и по его подиндексам – носят условный характер, т.е. анализируя эти рэнкинги, нельзя утверждать, что более высокие (или низкие) места являются однозначно более предпочтительными.

То, какое соотношение между самостоятельностью предпринимателя в организации процесса труда и прямой социальной защитой наемного работника является наиболее рациональным для той или иной страны на различных этапах ее развития, зависит от множества факторов, главным среди которых выступает потенциал саморегуляции общества. Саморегуляционный потенциал наций различается и, в свою очередь, зависит от ряда других факторов. Однако, так или иначе, для стран, сравнительно недавно восстановивших (или завоевавших) политическую независимость и осуществивших системную трансформацию, полный отказ от государственного регулирования занятости является недопустимым. Практически во всех этих странах – по крайней мере, на первых этапах – предложение на рынке труда превышает спрос, предпринимательство только формируется и ставит свои краткосрочные интересы выше общественных интересов. Поэтому регулирование, конечно же, должно присутствовать, но не слишком жесткое: оставлять работника без защиты так же неверно, как и жестко ограничивать предпринимателя.

Следовательно, в данном контексте Азербайджан не должен стремиться занять высшие места в таких рэнкингах, но и самые низкие места также неприемлемы. Например, то, что в рэнкинге по регулированию занятости Азербайджан находится среди 25% государств, занимающих высокие места, не входя при этом в группу лидеров, является вполне

ДВЕНАДЦАТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ***О формальной и реальной ситуации в области регулирования занятости в Азербайджане***

Если бы эксперты Всемирного банка оценивали не законодательство, а реальное положение дел, то по регулированию занятости и его подиндексам экономика Азербайджана была бы еще правее. В реальной жизни с рядом процедур, связанных с наймом и увольнением, предприниматели справляются значительно быстрее и проще, чем это следует из докладов «Условия бизнеса». Скажем, заблаговременное извещение государственного органа или профсоюза об увольнении работника носит формальный характер. Большинство предприятий попросту обходят это правило (их работники обычно увольняются «по собственному желанию») и знают, что это не вызовет каких-либо осложнений для них. Норма об организации курсов переподготовки увольняемых сотрудников с целью освоения ими новых специальностей на практике редко выполняется.

Похожая ситуация сложилась и в области регулирования рабочего времени. В Азербайджане, согласно законодательству, нормальное рабочее время не должно превышать 40 часов в неделю и 8 часов в день. Рабочая неделя, как правило, пятидневная.¹ Однако соответствующие государственные органы лояльно относятся к тому, что частные предприятия, особенно малые (например, предприятия торговли и общественного питания, такси-компаний и т.п.), не очень строго соблюдают это ограничение и работают дольше. Таким образом, законодательное ограничение рабочего времени в Азербайджане находится на уровне, достаточном для защиты интересов работников, и в то же время правительство либерально относится к практическому регулированию рабочего времени. Право выбора предоставлено компании и ее работникам. Трудно предсказать, как долго продлится эта ситуация, но пока она устраивает обе стороны – и предпринимателей, и наемных работников.

¹ См.: Azərbaycan Respublikasının Əmək Məcəlləsi, maddələr 89-90; доступно на: http://csc.gov.az/aze/index.php?option=com_content&view=article&id=2412%3AAzərbaycan-respublikasnn-mk-mcllsi&catid=53%3Amclllr-&Itemid=69&lang=az; просмотрено – август 2014.

удовлетворительным. Примерно такая же ситуация наблюдается по всем другим подиндексам данного индикатора. Если проранжировать 42 страны, включенные в Таблицу 18, по простоте найма, то вместе с 10 другими государствами Азербайджан попал бы в группу лидеров. В рэнкинге по простоте увольнения он бы делил 11-15 места, по гибкости регулирования рабочего времени – 13-23, а по расходам на увольнение – 20-23 места. В первом рэнкинге Испания и Франция, втором – Нидерланды, третьем – Таджикистан, а в четвертом – Турция заняли бы последние места.

Следует, конечно, учитывать, что в некоторых развитых странах сложность найма на работу может обуславливаться также и политическими факторами. В частности, ряд западноевропейских государств усложняет процедуры найма с целью предотвращения нелегальной иммиграции. В результате этого в некоторых странах складывается парадоксальная ситуация: если судить по межстрановым сравнениям, во Франции уволить человека проще, чем нанять.

При определении политики на ближайшую перспективу Азербайджан должен учитывать, что принятие левистских решений, связанных с наймом на работу, увольнением с работы, ограничением рабочего времени и т.п., в будущем может создать в стране сложные социально-экономические проблемы. **С политической точки зрения, социально-ориентированные левистские решения, ограничивающие экономическую самостоятельность предпринимателя, значительно труднее отменить, чем принимать.**

2.7.2. Уровень минимальной заработной платы...

... является одним из показателей, непосредственно влияющих на левизну-правизну экономики, так как его повышение, так же, как и предыдущего индикатора, одновременно выражает усиление и левизны, и социализации экономики. Вместе с тем, этому показателю свойственна одна особенность. Многие государства, в том числе некоторые развитые страны, не устанавливают в законодательном порядке минимум заработной платы. В таких странах экономика – по данному показателю – характеризуется правизной, так как проблема решается, главным образом, самим обществом, без прямого вмешательства государства. Но с точки зрения социальной защиты работника, не имеет особого значения, государ-

ством ли определяется минимальная заработная плата, или теми соглашениями, которые профсоюзы заключают с правительством, либо с предпринимательскими объединениями. Некоторый уровень социальной защиты обеспечивается в обоих случаях. Если же минимум заработной платы не устанавливается ни в одном из двух вариантов, т.е. ни государством, ни коллективными соглашениями, то можно считать, что по этому показателю экономика страны находится на крайней правой точке.

В Таблице 19 страны проранжированы по минимальной заработной плате – от правых экономик к левым. В тех случаях, когда годовая минимальная заработная плата была выражена в национальной валюте, пересчет в доллары США производился по официальным обменным курсам, содержащимся в информационной базе Всемирного банка.¹ Поскольку абсолютная величина минимальной заработной платы, переведенная по текущему курсу в доллары США (или в международные доллары по ППС), недостаточна для проведения достоверных международных сравнений, в Таблице 19 даны также и относительные показатели. Страны проранжированы на основе этих относительных показателей. Они рассчитаны как отношение минимальной заработной платы (по ППС) к ВВП на душу населения (по ППС)² в 2012 году и выражены в процентах. Коэффициенты ППС взяты из информационной базы Всемирного банка.³

По данному показателю крайне правой можно считать лишь экономику Сингапура, где уровень минимальной заработной платы не устанавливается ни в каком варианте. Экономика стран, поставленных на 2-5 места (Дании, Италии, Норвегии и Швеции), также относится к правому полюсу, так как в этих странах государство не вмешивается в определение минимальной заработной платы. Тем не менее, экономику этих четырех государств следует отличать от экономики Сингапура и располагать чуть левее от нее, так как в них профсоюзы согласовывают минимальную заработную плату с правительствами или различными

¹ См.: *Official exchange rate (LCU per US\$, period average)*; доступно на: <http://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.FCRF>; просмотрено – август 2014.

² По статистической базе Всемирного банка (см.: *GDP per capita, PPP (current international \$)*); доступно на: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>; просмотрено – август 2014).

³ См.: *PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$)*; доступно на: <http://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PRVT.PP>; просмотрено – август 2014.

**Таблица 19. Минимальная заработная плата в государствах
ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2012 г.)¹**

Место	СТРАНА	Годовая МЗП (долл. США)	Годовая МЗП (межд. долл.)	Отношение годовой МЗП к ВВП на д/н (%)	Место	СТРАНА	Годовая МЗП (долл. США)	Годовая МЗП (межд. долл.)	Отношение годовой МЗП к ВВП на д/н (%)
1	Сингапур	...	...	...	22	Венгрия	5 411	8 593	38,0
2-5	Дания	...	...	...	23	Армения	1 344	2 924	39,4
2-5	Италия	...	...	...	24	Хорватия	6 190	8 466	40,4
2-5	Норвегия	...	...	...	25	Беларусь	2 467	7 197	41,9
2-5	Швеция	...	...	...	26	Ирландия	22 490	18 441	42,1
6	Кипр	...	...	...	27	Сербия	2 719	5 078	43,0
7	Казахстан	1 607	2 783	12,7	28	Канада	22 766	17 798	43,1
8	Россия	2 161	3 841	16,3	29	Латвия	5 155	9 906	45,4
9	Грузия	655	1 322	19,4	30	Молдова	892	1 933	45,8
10	Кыргызстан	214	571	19,7	31	Нидерланды	22 855	20 375	47,0
11	Туркменистан	1 853	2 556	20,2	32	Босния-Герц.	2 526	4 501	47,9
12	Азербайджан	1 595	3 863	23,9	33	Великобритания	19 896	16 318	45,7
13	Узбекистан	610	1 237	25,8	34	Албания	2 440	4 577	48,7
14	Литва	4 686	7 028	28,9	35	Австралия	34 358	21 654	49,4
15	США	15 080	15,080	29,1	36	Франция	22 237	19 740	53,7
16	Румыния	3 211	5 547	30,7	37	Украина	1 900	4 655	54,9
17	Япония	17 309	12 187	34,2	38	Турция	7 140	10 360	55,8
18	Болгария	2 778	5 500	34,3	39	Н. Зеландия	24 098	18 838	57,2
19	Македония	2 005	4 129	34,9	40	Таджикистан	633	1 537	65,1
20	Черногория	2 969	5 118	35,6	41	Косово	2 615	5 838	69,2
21	Испания	11 582	11 539	35,9		Германия	–	–	–

объединениями работодателей путем заключения с ними коллективных соглашений. Экономика Кипра еще более левая: хотя там и нет общей минимальной заработной платы для всех категорий наемных работников, государство утверждает ее уровень для низкоквалифицированных работников, занятых в сфере торговли, детских дошкольных учреждениях, некоторых предприятиях сферы услуг (например, в парикмахер-

¹ См.: Wage Indicator at: <http://www.wageindicator.org/main/salary/minimum-wage/>; Wikipedia: List of Minimum Wages by Country; доступно на: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_minimum_wages_by_country; оба источника просмотрены – август 2014.

ТРИНАДЦАТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ***Особенности установления
минимальной заработной
платы в отдельных странах***

Помимо уже отмеченных, существуют и другие страны, где минимальная заработная плата устанавливается не законодательством, а коллективными соглашениями между профсоюзами и правительством или объединениями работодателей. Обычно эти соглашения ежегодно перезаключаются с учетом произошедших в экономике процессов, в первую очередь, инфляции. В эту группу стран входят Австрия, Исландия, Швеция и Финляндия. По данному показателю их экономика должна быть квалифицирована как правая, поскольку в этих странах государство не устанавливает минимальную заработную плату в прямой директивной форме.

Правее этих располагается экономика лишь тех стран, в которых – как в Сингапуре – минимальная заработная плата вообще не устанавливается – ни государством, ни коллективными соглашениями. В группу таких стран входят Бруней, Бурунди, Лихтенштейн, Объединенные Арабские Эмираты, Сомали. В принципе, к этой группе можно отнести и Катар, где законодательство предоставляет эмиру право устанавливать минимум заработной платы, но он этим правом не пользуется.

В некоторых государствах (Египте, Йемене, Мальдивах, Суринаме, Эфиопии) минимальная заработная плата, хотя и устанавливается законодательством, но только для государственных служащих. Бахрейн также можно отнести к этой группе стран – с одной лишь разницей, что там этот минимум применяется только к тем государственным служащим, которые являются гражданами страны.

ских) в объеме 870 евро в месяц. Кроме того, для лиц, занятых низкоквалифицированным трудом в сельском хозяйстве, установлена минимальная зарплата в размере 425 евро, а квалифицированным – 767 евро в месяц.

В остальных странах минимальная заработная плата законодательно устанавливается государством – для всех регионов и всех отраслей экономики. Наряду с этим, система коллективных соглашений применяется и в этих странах, причем уровень минимальной заработной платы, предусматриваемый этими соглашениями, естественно, выше, чем установленный законодательством. Получается, что в некоторых государствах «социальность экономики выше ее левизны» (ниже этот вопрос будет рассмотрен подробнее). Следует отметить, что в Герма-

нии законодательное утверждение минимальной заработной платы планируется ввести в практику в 2015 году, а до тех пор экономику Германии некорректно сопоставлять по данному показателю с экономикой других государств.

В Таблице 19 ранжируемые страны, за исключением лидеров, располагаются в хаотичном порядке – в том смысле, что развитые страны беспорядочно чередуются с государствами ВЕЦА, что указывает на отсутствие прямой корреляции между уровнем социально-экономического развития стран и минимальной заработной платой. Причем это подтверждается не только относительными, но и абсолютными показателями минимальной заработной платы. Так, экономика Новой Зеландии, являющаяся одной из самых правых в мире по многим показателям, по данному индикатору находится в группе аутсайдеров – по минимальной заработной плате ее экономика располагается недалеко от левого полюса. Чуть правее от экономики Новой Зеландии находятся экономики Австралии и Великобритании. Среди развитых государств, законодательно установивших уровень минимальной заработной платы, экономика США является одной из самых правых, но и там призывы поднять этот минимум звучат все настойчивее.

Азербайджан близок к лидерам рэнкинга и занимает 12 строку. Это означает, что по рассматриваемому показателю его экономика правее экономики 70% всех стран, включенных в Таблицу 19. Право работника на получение заработной платы в сумме, не меньшей, чем предписано законодательством, зафиксировано в Трудовом кодексе Азербайджана (статья 9). В 2006-2013 годах она выросла в 3 раза и с середины 2013 года составляет 105 манатов в месяц.¹ Высокое место Азербайджана в рэнкинге от меньшего к большему по показателю отношения годовой минимальной заработной платы к ВВП на душу населения связано не столько с тем, что числитель (годовая минимальная заработная плата) увеличился недостаточно, сколько с тем, что знаменатель (ВВП на душу населения) рос быстрее. Для развивающихся государств, сравнительно недавно перешедших на рыночную экономику, в том числе для Азербайджана, лучшими местами в рэнкинге по минимальной заработной плате можно считать срединные.

---

¹ См.: Распоряжение Президента Азербайджанской Республики о повышении минимальной ежемесячной заработной платы, 31 августа 2013 года; доступно на: <http://ru.president.az/articles/9163>; просмотрено – август 2014.

2.8. Измерения по «нейтральным» критериям

Как уже отмечалось в первой главе, некоторые экономические вопросы не являются непосредственным предметом противостояния правых и левых, хотя они в существенной степени обуславливаются государственным вмешательством в экономику. К этому следует добавить, что и эксплуатация детского труда, и неформальная экономика, и прозрачность общественных и экономических процессов, и коррупция являются измеряемыми понятиями. Однако их измерение и проводимые на этой основе международные сравнения не отражают степень левизны-правизны экономики.

Тем не менее, для полноты общей картины необходимо рассмотреть результаты международных сравнений и по «нейтральным» критериям. В качестве примера выбрана неформальная экономика, так как:

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

О зависимости показателей, исчисляемых на основе социологических опросов, от национального менталитета

Ежегодные доклады международной организации *Transparency International* относятся к числу широко используемых исследований по измерению и сопоставлению уровня коррупции в разных странах. В докладе за 2013 год Азербайджан занимал 127 место среди 177 стран. Сравнение результатов докладов последних лет показывает определенное улучшение ситуации в Азербайджане: в 2007 году он занимал 150-е, а в 2010-м – 134 место.¹ Необходимо учитывать, что в своих исследованиях *Transparency International* измеряет не собственно коррупцию, а уровень ее восприятия обществом – на основе социологических опросов.

На самом деле, иначе оценить уровень коррупции очень сложно. Исследования, проводимые в этой области Европейским Банком Реконструкции и Развития совместно со Всемирным банком, также основываются на опросах. Результаты последнего доклада этой серии показали, что по целому ряду показателей, характеризующих различные аспекты коррупции, в Азербайджане складываются позитивные тенденции. Местные компании отметили

¹ См.: *Corruption Perceptions Index 2013, 2007 and 2010*; все доступны на: <http://www.transparency.org/research/cpi/>; просмотрено – август 2014.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ОТСТУПЛЕНИЯ

ощутимое уменьшение в 2005-2008 годах частоты неформальных платежей, более чем двукратное сокращение их количества в процессе финансовых операций, связанных с налогами и внешней торговлей. Удельный вес неформальных платежей в общем объеме продаж снизился более чем в 3 раза, и т.д.²

В любом исследовании, проводящемся на основе социологических опросов (независимо от профессионального уровня исполнителей), некоторая субъективность неизбежна. При международных сравнениях ситуация усугубляется еще и тем, что особенности национального образа мышления (менталитета) оказывают на результаты серьезное влияние. К примеру, азербайджанцы, как правило, более сдержанно, чем представители других наций, рассказывают о себе и своем состоянии, в более «серых тонах» описывают свое материальное положение.

В лексиконе азербайджанца есть много ответов на вопрос «как дела»: «средне», «да так», «ничего», «слава Аллаху», «и на том спасибо» и т.д. и т.п., но даже простое «хорошо» – относительно редкий вариант ответа. Для сравнения: в лексиконе англоязычных народов «хорошо» является наиболее популярным ответом на вопрос «как дела».

В последнее время, отвечая на вопросы о работе, азербайджанские предприниматели и топ-менеджеры начали чаще и решительнее использовать позитивные оценки. Они начали осознавать, что нельзя говорить о своем бизнесе «слишком скромно», это может навредить бизнесу. Надо полагать, что когда-нибудь мы научимся думать и высказываться позитивно также о нашей индивидуальной жизни и окружающей нас социальной среде. Тогда рейтинг нашей страны в некоторых международных сравнениях, проводимых на основе опросов, будет выше, чем сейчас.

² См.: *The World Bank Group – 2010: The Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS At-A-Glance 2008: Azerbaijan)*; доступно на: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/ECAEXT/0,,contentMDK:22610155~pagePK:146736~piPK:146830~theSitePK:258599,00.html>; просмотрено – август 2014.

во-первых, ее сокращение представляет собой весьма актуальную для Азербайджана проблему, во-вторых, она в опосредованной форме отражает и некоторые другие проблемы, обусловленные государственным вмешательством в экономику, но не являющиеся предметом противостояния правых и левых (в частности, проблему прозрачности экономики), в-третьих, она измеряется объективными, хотя и косвенными, статистическими (неопросными) показателями.

2.8.1. Измерение неформальной экономики...

... довольно сложная задача, т.к. речь идет о количественной оценке экономических процессов, которые не просто не фиксируются в официальных документах, а напротив, тщательно скрываются.* Тем не менее, существует несколько методик измерения теневой экономики при помощи косвенных показателей. В частности, Ф.Шнейдером разработано шесть методов измерения объема теневой экономики.¹ В последнем исследовании, которое он провел совместно с двумя соавторами по заказу Всемирного банка, объемы (отношение к «официальному» ВВП, выраженное в процентах) теневой экономики в 1999-2007 годах сравниваются по 162 странам. Это исследование вновь подтвердило, что в том или ином объеме теневая экономика существует практически во всех странах мира. В африканских государствах к югу от Сахары ее средневзвешенный объем составляет 38,4%, в Европе и Центральной Азии – 36,5%, а в развитых странах ОЭСР – 13,5% официального ВВП. За период с 1999-го по 2007 годы средний объем неформальной экономики по 162 государствам мира снизился с 34,1% до 31%, т.е. на 3,1 процентного пункта.

Еще один важный результат исследования, по мнению авторов, состоит в том, что им удалось выявить прямую зависимость увеличения удельного веса теневой экономики от форм и жесткости государственного вмешательства в экономику, в первую очередь, от тяжести налого-

---

* Неформальную экономику (англ. – *informaleconomy*) также называют скрытой (*hidden*), второй (*second*), параллельной (*parallel*), черной (*black*) или теневой экономикой (*shadow economy*).

¹ См.: Schneider, Friedrich. *Size and Measurement of the Informal Economy in 110 Countries around the World*, July 2002; доступно на: http://dergiler.sgb.gov.tr/kutuphane/ekutup/Sizeandmeasurement_july2002.pdf; просмотрено – август 2014.

вого бремени предприятий (как официального, так и неформального) и жесткости регулирования рынка труда. Однако наличие такой строгой зависимости вызывает определенные сомнения. Например, и по показателю «Налоговое бремя предприятий» (Всемирный банк, Таблица 4), и по «Индексу свободы от налогов» (Фонд «Наследие», Таблица 5), и по регулированию занятости и его подиндексам (Всемирный банк, Таблица 18) Азербайджан занимает срединные места в мировых рейтингах. В целом ряде государств, которые в этих рейтингах находятся в менее предпочтительном положении (т.е. в них налоговое бремя тяжелее, а рынок труда регулируется жестче), объем теневой экономики, по подсчетам Ф.Шнейдера, меньше, чем в Азербайджане. Поэтому утверждать, что существует устойчивая корреляция между упомянутыми рейтингами, с одной стороны, и рейтингом по объему неформальной экономики – с другой, некорректно.

Тем не менее, с учетом важности показателей относительного объема теневой экономики в разных странах мира, они представлены в Таблице 20.

Таблица 20. Удельный вес теневой экономики в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2007 г., в % от официального ВВП)¹

Место	Страна	Доля	Место	Страна	Доля
1	2	3	4	5	6
1	США	8,1	19	Турция	29,1
2	Япония	10,3	20	Литва	29,7
3	Новая Зеландия	12,0	21	Румыния	30,2
4-5	Великобритания	12,2	22	Хорватия	30,4
4-5	Сингапур	12,2	23	Болгария	32,7
6	Нидерланды	13,0	24	Босния-Герц.	32,8
7	Австралия	13,6	25	Албания	32,9
8	Франция	14,7	26	Македония	34,9
9-10	Германия	15,3	27	Казахстан	38,4
9-10	Канада	15,3	28	Кыргызстан	38,8
11	Ирландия	15,4	29	Россия	40,5

¹ См: F.Schneider, A.Buehn, C.Montenegro. *Shadow Economies All over the World (New Estimates for 162 Countries from 1999 to 2007)*. – The World Bank's Policy Research Working Paper, 2010, pp. 27-30 (доступно на: <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-5356>; просмотрено – август 2014).

1	2	3	4	5	6
12	Дания	16,9	30	Таджикистан	41,0
13	Швеция	17,9	31	Армения	41,1
14	Норвегия	18,0	32	Беларусь	43,3
15	Испания	22,2	33	Украина	46,8
16	Венгрия	23,7	34	Молдова*	44,3
17	Италия	26,8	35	Азербайджан	52,0
18	Латвия	27,2	36	Грузия	62,1

* 2006

Из Таблицы 20 видно, что по объему неформальной экономики развитые и развивающиеся страны ранжируются вполне упорядоченно: развитые государства располагаются в верхних, а страны ВЕЦА – в нижних строках рэнкинга. В 2007 году в Азербайджане объем неформальной экономики достигал 52% ВВП и был больше, чем даже в тех странах ВЕЦА, с которыми он находился в прошлом в едином экономическом пространстве. Вместе с тем, на данное обстоятельство интересно взглянуть и с другой стороны: все показатели, отражающие масштабы экономических процессов, в том числе социальные показатели, на самом деле значительно превышали показатели официальной статистики. В частности, доходы населения Азербайджана были примерно на 50% больше, чем следовало из официальной статистики, и этот «дополнительный доход» был чистым доходом, поскольку не облагался налогами.

Более высокий удельный вес теневой экономики в государствах ВЕЦА по сравнению с развитыми странами во многом объясняется их историческим (советским) прошлым.* Теневая экономика составляла значительную часть бывшей советской экономики, и в постсоветских странах она не только продолжала по инерции функционировать, но и быстро росла. В силу полной неопределенности экономической и политической ситуации (в том числе перманентных межгосударственных столкновений и войн), которые были характерны для первых лет независимости, многие вновь образованные предприятия, стремясь максимизировать прибыль, не регистрировали свою деятельность и работали

* Известно, что в некоторых странах, вновь обретших свою независимость, экономические реформы проходили менее болезненно, чем в других, и не сопровождались серьезным социальным недовольством. Одной из причин этого был фактор теневой экономики. В странах с высоким удельным весом неформальной экономики общество уже адаптировалось к реальному существованию частной собственности и частных предприятий. Общественное мнение было готово к официальному утверждению, т.е. легализации частной собственности.

«в теневом режиме». Государственные институты в тот период полностью еще не сформировались, правительства были заняты решением других, куда более важных вопросов, и не были в состоянии ни поощрять, ни заставлять предприятия работать в легальном режиме. В итоге, к середине 1990-х годов во многих бывших советских республиках, особенно в некоторых центрально-кавказских и центрально-азиатских государствах, теневая экономика достигла больших масштабов.

С середины 1990-х годов, некоторые новые постсоветские государства, в том числе и Азербайджан, начали осуществлять кардинальные меры по легализации теневой экономики и достигли существенных результатов. Для того, чтобы продемонстрировать масштабы перемен, достаточно сравнить показатели объема неформальной экономики в 1999 и 2007 годах (Таблица 21).

Таблица 21. Прогресс в области формализации теневой экономики в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (1999-2007 гг., разница в долях в ВВП, %-ные пункты)¹

Место	Страна	1999 минус 2007	Место	Страна	1999 минус 2007
1	Азербайджан	9,0	19	Дания	1,4
2	Украина	5,9	20	Швеция	1,4
3	Казахстан	5,4	21	Молдова*	1,3
4	Россия	5,3	22-23	Грузия	1,1
5	Болгария	4,6	22-23	Япония	1,1
6	Армения	4,5	24-25	Канада	1,0
7-8	Беларусь	4,1	24-25	Норвегия	1,0
7-8	Македония	4,1	26-30	Австралия	0,9
9	Румыния	3,6	26-30	Франция	0,9
10	Литва	3,4	26-30	Италия	0,9
11	Турция	3,2	26-30	Сингапур	0,9
12	Латвия	3,1	26-30	Новая Зеландия	0,9
13	Хорватия	3,0	31	Германия	0,8
14	Албания	2,8	32-33	Ирландия	0,6
15	Кыргызстан	2,6	32-33	Испания	0,6
16	Таджикистан	2,5	34	Великобритания	0,5
17	Венгрия	1,7	35	США	0,4
18	Босния-Герц.	1,5	36	Нидерланды	0,1

* 1999 минус 2006

¹ Составлена на основе того же источника.

Все государства ВЕЦА, за исключением Молдовы и Грузии, опережают развитые страны по масштабам формализации теневой экономики. И это естественно, так как каждый следующий процентный пункт в легализации теневой экономики достигается труднее, чем предыдущий. Поэтому в странах с большей долей теневой экономики ее формализация объективно может протекать быстрее. Ввиду этого, по данному показателю (по разнице доли неформальной экономики в ВВП в 1999 и 2007 годах) межгосударственные сравнения корректнее проводить внутри групп – страны ВЕЦА сопоставлять друг с другом, а развитые государства между собой.

По темпам уменьшения теневой экономики в 1999-2007 годах Азербайджан был явным лидером среди стран ВЕЦА и значительно (на 3,1 процентного пункта) опережал Украину, занимавшую второе место. После 2007 года меры по легализации неформальной экономики были продолжены. Среди них особо следует отметить меры по формализации рынка труда, в частности, в строительном секторе. Благодаря ужесточению государственного контроля, большинство строительных компаний все активнее переводят финансово-правовые отношения с работниками в официальную плоскость. Можно с уверенностью сказать, что в 2007-2014 годах в строительном секторе Азербайджана объем неформальной экономики значительно уменьшился.

Вместе с тем, в ближайшем будущем правительству Азербайджана предстоит продолжить системные реформы по легализации неформальной экономики. При этом необходимо иметь в виду, что данные реформы не могут состоять лишь только из мер, которые сдвигают экономику вправо – уменьшения суммарного налогового бремени или либерализации регулирования рынка труда. Конструктивный потенциал либеральных реформ в уменьшении теневой экономики не бесконечен. Можно предположить, что в ближайшем будущем центр тяжести в борьбе за дальнейшее сокращение неформальной экономики будет перенесен на административные методы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Индекс левизны (правизны) экономики

3.1. Общие суждения

В предыдущих главах степень левизны-правизны экономики оценивалась на основе отдельных показателей, каждый из которых характеризует тот или иной ее аспект. Эти показатели, исчисляемые различными исследовательскими центрами, разнотипны, т.е. среди них есть и абсолютные, и относительные, и индексированные, и смоделированные показатели. Однако, сконструировав на их основе единый (интегральный) индекс, вполне возможно оценить степень общей левизны-правизны экономики в различных странах. Этот интегральный индекс с равным основанием можно считать индексом как левизны экономики, так и ее правизны, так как каждое конкретное его значение будет одновременно выражать и то, и другое.

Поэтому этот интегральный показатель логичнее всего называть *Индексом левизны (правизны) экономики*. Для каждого конкретного государства (или группы государств) индекс выражает то, что его (их) экономика является более левой по отношению к экономике какой-то иной страны (иных стран) и более правой по отношению к экономике третьей страны (третьих стран). Индекс одновременно измеряет *степень* левизны-правизны экономики, т.е. позволяет оценить, *насколько* экономика страны «А» левее или правее экономики страны «Б».

Необходимо отметить, что Индекс левизны (правизны) экономики не отражает в полном объеме степень государственного регулирования

ния экономики, так как он определяется на основе лишь тех форм государственного регулирования, которые превращаются в предмет политического соперничества, находятся на стыке политики и экономики.

Например, все страны мира регулируют денежное обращение, но к левизне-правизне экономики это не имеет прямого отношения. Даже инфляция, управление которой выступает главной целью этого регулирования, по существу не является предметом политического противостояния. Это верно, что когда уровень инфляции существенно превышает, с точки зрения критиков правительства, допустимый уровень, или наоборот, недопустимо низок, то она (инфляция) становится темой (иногда главной) политических диспутов. Но в качестве критиков выступают то левые, то правые силы – в зависимости от того, какие из них находятся у власти, а какие – в оппозиции. В содержании инфляционных процессов, безусловно, присутствует определенный политический компонент, и, более того, иногда именно политические события играют решающую роль в повышении или понижении инфляции. Тем не менее, она не может рассматриваться как один из критериев при классификации экономик по левизне-правизне. Нельзя утверждать, что поскольку в стране «А» уровень инфляции превышает ее уровень в стране «Б», то экономика страны «А» является более левой (или более правой), чем экономика страны «Б».

Или другой пример. Административное бремя предприятий (в частности, в налогообложении, или время и расходы, затрачиваемые на формальные процедуры при экспортно-импортных операциях) является важным предметом государственного регулирования. Теоретически, за нижний предел этого административного бремени можно принять точку, близкую к нулю (его равенство нулю невозможно, так как если налог выплачивается, стало быть, одна процедура уже существует). Верхнего же предела у него нет, хотя обычно для аналитических целей высший показатель среди всех стран мира за какой-либо год условно принимают за его верхний предел для того года. В принципе, тяжесть административного бремени может быть интерпретирована и как степень государственного вмешательства в экономику. Поэтому на первый взгляд может показаться, что чем легче в той или иной стране административное бремя предприятий, тем правее ее экономика. На самом же

деле, утяжеление административного бремени не сопровождается повышением благосостояния общества. Поэтому оно не является составной частью левистской политико-экономической идеологии и не становится предметом политического противоборства между левыми и правыми политическими партиями, или темой полемики между левыми и правыми аналитическими центрами и экспертами.

Таким образом, подобно инфляции, увеличение или уменьшение административного бремени предприятий не относится к числу факторов, определяющих степень левизны-правизны экономики. Показатели такого типа не могут использоваться при исчислении Индекса левизны (правизны) экономики.

Не будучи измерителем уровня государственного регулирования, Индекс левизны (правизны) экономики, естественно, не может быть также и индикатором государственного вмешательства в экономику, так как вмешательство в экономику является более широким понятием, чем ее регулирование. Все регулятивные меры предполагают вмешательство в экономику, но существуют такие формы вмешательства, которые не могут считаться регулятивными в общепринятом значении этого термина, даже несмотря на то, что правительства чаще всего представляют их обществу именно таковыми. Например, незаконная конфискация собственности предпринимателя представляет собой прямое и грубое вмешательство в экономику, однако ее регулированием, конечно же, не является. Вмешательства подобного рода обычно превращаются в темы самых горячих политических дебатов, но в качестве критика – опять же в зависимости от того, кто находится у власти, а кто в оппозиции – выступают либо левые, либо правые. Подобно вышеназванным формам государственного регулирования, такие формы вмешательства в экономическую жизнь также не являются показателями индекса левизны (правизны).

Существуют и такие показатели, которые, с точки зрения левизны-правизны экономики, довольно важны, но при исчислении интегрального индекса не учтены. Это, как правило, те показатели, по которым статистические данные (ряды) отсутствуют. Наиболее важным среди них является соотношение частного и государственного секторов, лучше всего выражаемое удельным весом частных (или государст-

венных) компаний в ВВП. Для государств, включенных в рэнкинги по другим показателям, нет *единого источника* данных о доле частных и государственных предприятий в ВВП. Ввиду того, что количество (численное соотношение) частных компаний и государственных предприятий недостаточно точно характеризует их роль в экономике, его использование при исчислении сводного индекса нецелесообразно. Официальная статистика многих стран не публикует данные об удельном весе частного сектора в ВВП, но даже при их наличии, подобной информацией было бы неверно пользоваться – прежде всего, из-за различий в методиках расчетов. Кроме того, в статистике транзитивных государств эти показатели часто преднамеренно искажаются в угоду политической конъюнктуре. Скорее всего, с совершенствованием международной статистики, перечень показателей, учитываемых при исчислении Индекса левизны (правизны) экономики, расширится, и тем самым повысится его достоверность.

3.2. Субиндексы

В данном исследовании Индекс левизны (правизны) экономики рассчитывается на основе семи субиндексов:

- Субиндекс государственных финансов (ГФ),
- Субиндекс социальных расходов (СР),
- Субиндекс регулирования цен (РЦ),
- Субиндекс внешней торговли (ВТ),
- Субиндекс лицензирования (Л),
- Субиндекс регулирования занятости (РЗ),
- Субиндекс минимальной заработной платы (МЗП).

Индекс левизны (правизны) экономики, его субиндексы и их подиндексы меняются в интервале от 0 до 1. Ноль показывает абсолютную правизну экономики (отсутствие государственного вмешательства), единица – ее абсолютную левизну (полное государственное регулирование). В большинстве случаев крайняя правизна (или левизна) экономики той или иной страны вовсе не означает, что она является абсолютно правой (левой). Исключениями являются крайняя правизна экономики

Сингапура по показателям минимальной заработной платы и внешней торговли, а также США – по показателю регулирования занятости.

3.2.1. Субиндекс государственных финансов...

... выражает уровень перераспределения доходов посредством системы налогообложения и рассчитан как среднеарифметическое от двух подиндексов: подиндекса налогового бремени предприятий (НБ) и подиндекса бюджетных расходов (БР):

$$ГФ_i = (НБ_i + БР_i) / 2$$

В свою очередь, подиндекс налогового бремени рассчитан на основе индексации показателей отношения налогов, выплаченных в течение года условным (смоделированным) предприятием, к его годовой прибыли (Таблица 4), а подиндекс бюджетных расходов – индексации показателей удельного веса бюджетных расходов в ВВП, выраженного в процентах (Таблица 9). Индексация проведена по формуле $(V_i - V_{min}) / (V_{max} - V_{min})$.

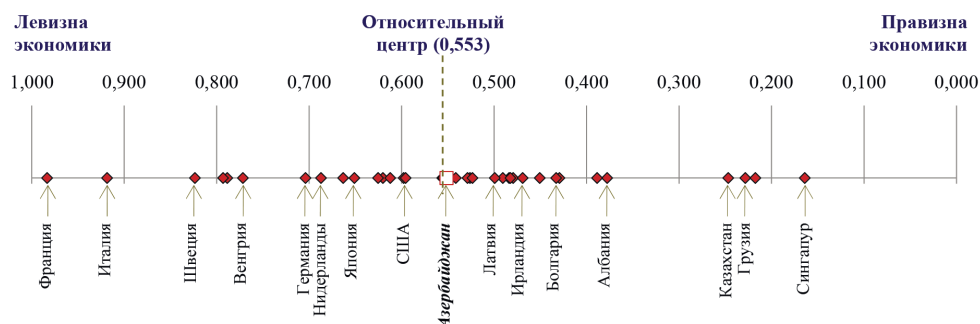
В большинстве государств отношение бюджетных расходов к ВВП является, хотя и косвенным, но достаточно достоверным показателем совокупного налогового бремени предприятий и граждан. Этого нельзя сказать о странах-экспортерах сырьевых ресурсов, в которых значительная доля бюджетных средств формируется трансферами из различного рода ресурсных фондов. Поскольку среди анализируемых стран имеются такие, экономика которых в существенной степени зависит от экспорта нефти и газа, то подиндексы бюджетных расходов необходимо корректировать подиндексами налогового бремени. Для этой коррекции рейтинг Всемирного банка более предпочтителен, чем Фонда «Наследие» – по следующим двум причинам. Во-первых, Индекс свободы от налогов Фонда «Наследие» рассчитывается по верхнему пределу подоходного и корпоративного налогов, что существенно искажает показатели общего налогового бремени, так как выплата налогов по максимальной ставке нетипична ни для предприятий, ни для граждан. Во-вторых, «общее налоговое бремя», на которое опирается Фонд «Наследие» при исчислении своего индекса, представляет собой удельный вес бюджетных доходов, формирующихся за счет налогов, в ВВП. Оно является реальным показателем и зависит, помимо прочих

факторов, и от уровня собираемости налогов. Между тем, улучшение собираемости налогов зависит от качества государственного управления и, с точки зрения левизны-правизны экономики, не имеет существенного значения.

Для полноценной коррекции было бы правильнее отразить в субиндексе государственных финансов и ту часть национального дохода, которая перераспределяется через подоходный налог. Однако это невозможно, так как одни страны, включенные в рэнкинг, применяют пропорциональную, а другие – прогрессивную систему подоходного налога. Эти системы различаются настолько, что приводить их к единому измерению неверно. Куда более логичным было бы использовать – для отражения в субиндексе государственных финансов степени перераспределения доходов через подоходный налог – показатели коэффициента Джини до и после уплаты налогов (точнее – показатели разницы между ними), однако соответствующая статистическая база пока не создана.

Таким образом, субиндекс государственных финансов рассчитан всего по двум подиндексам. Графическое изображение полученных результатов показано на *Шкале 1*.

Шкала 1. Левизна-правизна экономики по субиндексу государственных финансов (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)

Подобные интервальные шкалы отражают также и разницу между сравниваемыми показателями. В данном случае Шкала 1, так же, как и

все другие шкалы, приводимые ниже, позволяет не только продемонстрировать левизну или правизну экономики одной страны по сравнению с другой, но и показать разницу между индексами, меру их отклонения друг от друга, т.е. относительную степень левизны и правизны.

По субиндексу государственных финансов экономика Сингапура является самой правой среди проранжированных стран (0,164), а экономика Франции – самой левой (0,983). Азербайджан с субиндексом 0,551 находится недалеко от точки относительного центра.* Он к тому же очень близок к медиане Шкалы (Турция – 0,541).** Практическое совпадение относительного центра с медианой (соответственно, 0,553 и 0,541) указывает на примерное численное равенство стран по сторонам от относительного центра.

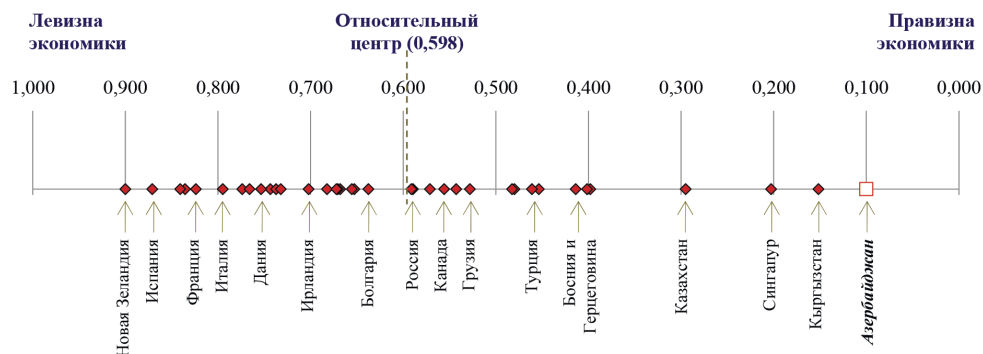
3.2.2. Субиндекс социальных расходов...

... измеряет левизну-правизну экономики на основе соотношения расходных статей государственного бюджета. Рассчитан по показателю, представленному в Таблице 10 – удельному весу социальных расходов в общих расходах государственного бюджета. Эти показатели индексируются по формуле $(V_i - 5,5) / 63,5$ (для «сжатия» значений субиндекса до 0,1-0,9, значения V_{max} и V_{min} приняты равными, соответственно, 69 и 5,5). Результаты показаны на Шкале 2.

* В шкалах, в которых показатели меняются между нулем и единицей, геометрическим центром является точка 0,5, а относительным центром – точка, показывающая среднеарифметическое значение от ранжируемых показателей. В нашем случае показатель относительного центра больше показателя геометрического центра (0,553 против 0,500). Обычно это означает, что в анализируемых странах экономика тяготеет скорее к левому полюсу, чем к правому. В отдельных случаях отклонение относительного центра в ту или иную сторону (влево или вправо) может обуславливаться тем, что один или несколько показателей, сильно отдалившись от других, приблизились к одному из полюсов.

** Медиана – показатель, который делит все остальные ранжируемые показатели на две равные части. В данном случае медиана – это субиндекс государственных финансов страны, находящейся на 19 месте среди 37 проранжированных стран. Этой страной является Турция (0,541). Стало быть, субиндекс государственных финансов 18 стран выше, чем Турции, а 18 стран – ниже.

Шкала 2. Левизна-правизна экономики по субиндексу социальных расходов (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)

Как было показано во второй главе, в рейтингах подобного типа сопоставление стран, относящихся к разным группам, не столь продуктивно. Возможно, было бы более корректным составить отдельные шкалы для государств ВЕЦА и развитых стран, но для сохранения общей логики исследования все анализируемые страны и здесь помещены на одной линии. По данному субиндексу Азербайджан располагается на самой правой, а Новая Зеландия, хотя в целом ее экономика характеризуется правизной – на самой левой точке. Относительный центр находится левее гипотетического центра, а медиана (Кипр – 0,653) – еще левее.

В этой Шкале, в отличие от других, правый полюс выражает не отсутствие государственного вмешательства в экономику, а низкий удельный вес направляемых на социальные программы бюджетных расходов. Известно, что нет стран, в бюджете которых социальные расходы полностью отсутствуют (равны нулю). Поэтому исключено, чтобы какое-либо государство заняло крайне правую точку. Аналогичная мысль верна и для стран, занимающих левый полюс, т.е. нет страны, которая могла бы занять крайне левую точку, поскольку при этом расходы государственного бюджета должны были бы целиком состоять из социальных расходов. Поэтому экономика Азербайджана, которая в настоящее время по данному показателю максимально приближена к правому полюсу, должна быть, тем не менее, расположена несколько левее нулевой отметки.

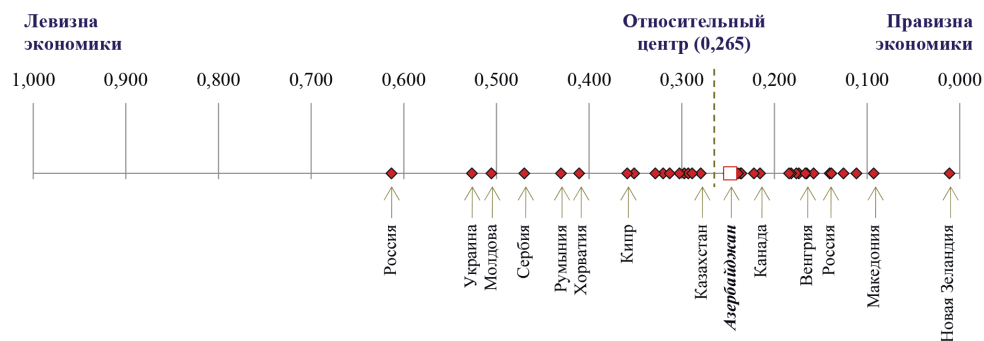
3.2.3. Субиндекс регулирования цен...

... выражает уровень свободы ценообразования (правый полюс) и одновременно степень государственного вмешательства в формирование цен (левый полюс). Рассчитан как среднеарифметическое от двух подиндексов – свободы цен (СЦ) и монетарной свободы (МС):

$$PЦ_i = (СЦ_i + МС_i) / 2$$

Подиндексы исчислены по одноименным показателям. Для этого при помощи формулы $(V_i - V_{min}) / (V_{max} - V_{min})$ показатели, представленные в Таблицах 11 и 12, были пересчитаны и приведены в интервал между 0 и 1. Поскольку в указанных таблицах показатели проранжированы от большего к меньшему (там самый большой показатель присужден стране с наиболее либеральным ценообразованием, а самый малый – стране, в которой цены регулируются в больших масштабах и наиболее жестко), полученные индексированные показатели были вычтены из единицы. В результате, в соответствии с логикой наших ранжиров, приближение субиндекса к нулю выражает усиление либерализма в ценообразовании, а к единице – усиление регулирования цен (см. Шкала 3).

Шкала 3. Левизна-правизна экономики по субиндексу регулирования цен (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)

По субиндексу регулирования цен самая правая экономика среди проранжированных принадлежит Новой Зеландии (0,011), а самая ле-

вая – России (0,613). В Новой Зеландии свобода цен близка к крайне правой точке. Относительный центр сдвинут от геометрического центра к нулю, т.е. по данному субиндексу страны тяготеют к правизне. Интересно, что первой страной слева от Новой Зеландии является Македония (0,093), кроме которой экономика всех прочих новых государств, образовавшихся после распада Югославской Федерации (особенно Сербии), характеризуется левизной. Наряду с Россией, государствами, в наибольшей степени регулирующими цены, выступают Украина (0,527) и Молдова (0,505). Экономика Азербайджана находится на точке медианы (0,248), правее от относительного центра.

3.2.4. Субиндекс внешней торговли...

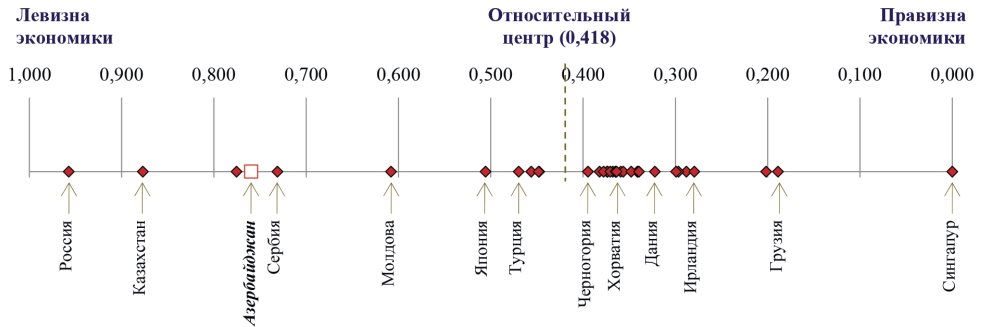
... измеряет уровень либеральности внешней торговли (правый полюс) и жесткость мер государственного регулирования в этой области (левый полюс). Рассчитан как среднеарифметическое значение этих трех подиндексов – свободы внешней торговли (СВТ), экономической цены импорта (ЭЦИ) и свободы торговли (СТ):

$$VT_i = (СВТ_i + ЭЦИ_i + СТ_i) / 3$$

Один из рэнкингов, проанализированных во второй главе,* а именно – рэнкинг по внешнеторговым процедурам (Таблица 13), здесь не учитывается. Простота этих процедур чрезвычайно важна для благоприятности условий ведения бизнеса, но их сложность не усиливает левизну экономики. Используемые подиндексы рассчитаны по одноименным показателям, представленным в таблицах 14, 15 и 16. Как и в случае с предыдущим субиндексом, здесь также при помощи формулы $(V_i - V_{min}) / (V_{max} - V_{min})$ показатели были приведены в промежуток от 0 до 1, затем полученные цифры были вычтены из единицы. Приближение субиндекса к нулю выражает возрастание независимости компаний в осуществлении внешнеторговых операций, а приближение к единице – ужесточение государственного регулирования в этой области (см. Шкала 4).

* См.: 2.5. Свобода внешней торговли и защита внутреннего рынка.

Шкала 4. Левизна-правизна экономики по субиндексу регулирования внешней торговли (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)

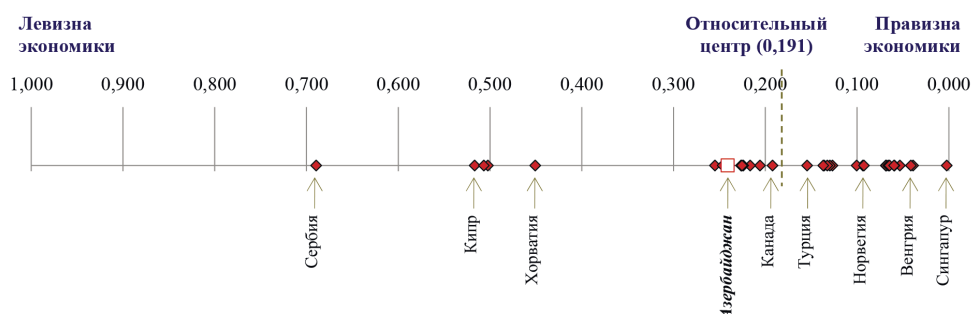

По регулированию внешней торговли самая либеральная экономика среди всех проранжированных принадлежит Сингапуру, субиндекс которого равен нулю и приходится на крайне правую точку, а самая левая экономика – России (0,957). Наряду с Россией, экономика Казахстана (0,877) и Кыргызстана (0,775) также характеризуется высокой левизной. Азербайджан является четвертой страной с жестким государственным регулированием экспортно-импортных операций (0,760). Медиана шкалы (Норвегия – 0,371) находится правее относительного центра. Это свидетельствует о том, что в большинстве проранжированных стран внешняя торговля либеральнее того, что выражается относительным центром. Следовательно, Азербайджану необходимо продолжить реформы по либерализации внешней торговли.

3.2.5. Субиндекс лицензирования...

... является модифицированным вариантом индекса простоты лицензирования, представленного в Таблице 17. При его исчислении показатели времени и расходов, требующихся для строительства условного объекта гипотетической компанией, приведены в интервал между 0 и 1 формулой $(V_i - V_{min}) / (V_{max} - V_{min})$ и полученные цифры вычтены из единицы. Субиндекс является среднеарифметическим этих двух показателей, которые в данном случае могут рассматриваться и как его подиндексы (см. Шкала 5).

Шкала 5. Левизна-правизна экономики по субиндексу лицензирования (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)

По субиндексу лицензирования экономика Азербайджана (0,241) в общей шкале выглядит как правая, однако на самом деле является левой, так как располагается правее всего лишь 7 стран (интересно, что включая Ирландию), и левее 29 государств. Естественно, что она располагается левее и относительного центра, и медианы (Япония – 0,137). Поскольку субиндекс измеряет простоту (сложность) лицензирования на основе обязательных разрешительных и согласовательных процедур в строительном секторе, то есть основания утверждать, что реформы по уменьшению времени и расходов, затрачиваемых компаниями на эти процедуры, в настоящее время весьма актуальны для Азербайджана.

3.2.6. Субиндекс регулирования занятости...

... рассчитан на основе двух подиндексов – жесткости регулирования занятости (ЖРЗ) и расходов на увольнение (РУ). Первый подиндекс, в свою очередь, определяется на основе трех показателей – простоты (сложности) найма на работу, жесткости регулирования рабочего времени и простоты (сложности) увольнения. Данные для обоих подиндексов взяты из Таблицы 18. Как и в других случаях, показатели индексированы с использованием формулы $(V_i - V_{min}) / (V_{max} - V_{min})$. Учитывая, что первый подиндекс состоит из 3 компонентов и их суммарная роль в регулировании занятости выше, ему дан больший вес (0,75), и субиндекс рассчитан следующим образом:

$$PZ_i = 0,75 * ЖРЗ_i + 0,25 * РУ_i$$

Полученные результаты изображены на Шкале 6.

Шкала 6. Левизна-правизна экономики по субиндексу регулирования занятости (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)

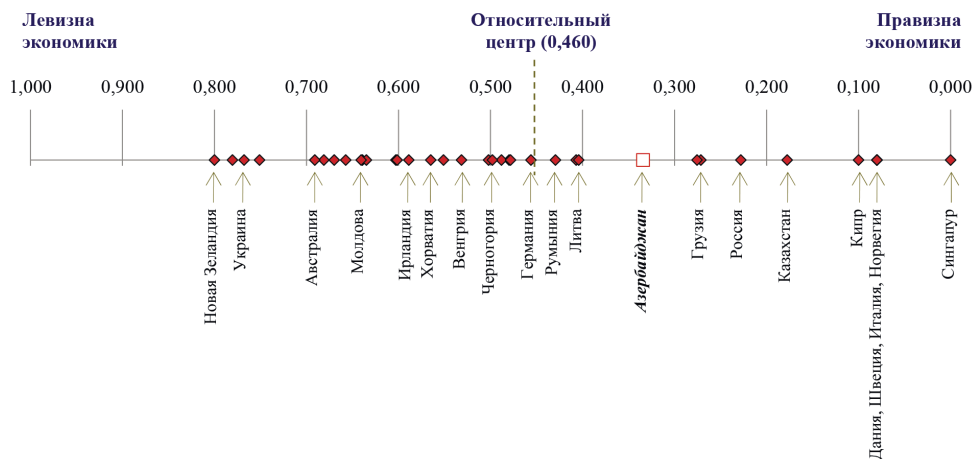
Самой либеральной – по регулированию трудовых отношений между предпринимателем и наемным работником – является экономика США, расположившаяся на крайне правой точке, а самой левой – Швеции (0,854). Франция (0,834), Хорватия (0,824) и Германия (0,787), также как и Швеция, придают важное значение защите социальных прав работников и «взамен» довольно жестко ограничивают самостоятельность компаний. Австралия (0,011), Дания (0,101), Новая Зеландия (0,101)* и Грузия (0,111), наоборот, предоставляют в этой сфере широкие права предпринимателям и «взамен» сужают права работников. По данному субиндексу Азербайджан находится в числе либеральных государств, его экономика располагается значительно правее и относительного центра, и медианы (Украина – 0,481).

3.2.7. Субиндекс минимальной заработной платы...

... является индексированным – по формуле $(V_i - V_{min}) / (V_{max} - V_{min})$ – вариантом показателя, представленного в Таблице 19: отношения минимальной заработной платы, устанавливаемой государством, к ВВП на душу населения. Оба показателя содержат поправку на ППС (см. Шкала 7).

* При равных значениях индексов или субиндексов анализируемых стран, они попадают на одну и ту же точку интервальной шкалы (как, например, Дания и Новая Зеландия на Шкале 6), и поэтому отображаются как одна страна.

Шкала 7. Левизна-правизна экономики по субиндексу минимальной заработной платы (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны)

По субиндексу минимальной заработной платы экономика Сингапура находится на самой правой точке Шкалы. Чуть левее (на точку 0,080) помещена экономика четырех стран – Дании, Италии, Норвегии и Швеции. Эта оценка, на самом деле, условна. Несмотря на то, что минимальная заработная плата и в этих странах не устанавливается государством, она, тем не менее, утверждается ежегодными соглашениями между отдельными отраслевыми профсоюзами и правительством или предпринимательскими объединениями. Поскольку по методологии концепции левизны-правизны экономики, левизна экономики обуславливается лишь государственным вмешательством, то эти страны должны бы находиться на нулевой точке. Однако необходимо отличать их от Сингапура, где минимальная заработная плата никак не определяется. Кипр поставлен еще левее, на точку 0,100, что также условно. На Кипре минимальная заработная плата, хоть и для ограниченного числа работников, но все-таки устанавливается государством.

Нахождение какой-либо страны по субиндексу минимальной заработной платы на крайне левой точке невозможно, так как для этого минимальная заработная плата должна достигать уровня того показателя, с которым она соотносится – в данном случае ВВП на душу насе-

ления. Это теоретически невозможно. Невозможно поднять минимальную заработную плату даже до уровня, к примеру, средней зарплаты: это нарушило бы механизмы стимулирования экономического развития. Поэтому субиндекс страны с максимальным удельным весом годовой минимальной заработной платы в ВВП на душу населения (Новой Зеландии) принят как 0,800, а не единица. Это никак не сказывается на левизне-правизне экономик по отношению друг к другу.

Поскольку как на левом, так и на правом полюсах Шкалы 7 допущены условности, анализ относительного центра и медианы имеет, по сравнению с предыдущими случаями, меньшее значение. Экономика Азербайджана располагается правее и относительного центра, и медианы (Черногория – 0,498).

Сравнительный анализ по минимальной заработной плате усложняется тем, что во многих странах мира, особенно развитых, ее уровень, даже будучи законодательно закрепленным государством, ежегодно пересматривается и утверждается коллективными соглашениями. При этом согласованный минимум, естественно, превышает законодательно установленный, который расценивается как своего рода минимальный предел минимальной заработной платы. Так как левизна-правизна экономики обуславливается государственным вмешательством, и к тому же законодательно установленный минимум выражает конечный нижний предел, то в данном исследовании использован именно этот показатель.

Второй особый случай, требующий отдельного рассмотрения, состоит в утверждении минимальной заработной платы исключительно коллективными соглашениями. В государствах, отдающих предпочтение этому варианту регулирования экономики, проблема минимальной заработной платы решается на основе принципа общественной саморегуляции. Однако для предпринимателя это не имеет особого значения. При заключении трудового контракта со своим работником он, так или иначе, обязан учитывать этот минимум. То, кто и как устанавливает минимум, не столь важно и для работника – главное, чтобы его социальная защита на определенном уровне была гарантирована.

В настоящее время Европейский Союз настоятельно рекомендует странам-участницам законодательно утверждать минимальную заработную плату. Планируемые Германией изменения в законодательстве,

по всей видимости, являются реакцией на эту рекомендацию. Страны, не выполняющие данное требование Евросоюза, в качестве главного аргумента приводят то, что определение минимальной заработной платы путем переговоров и заключением коллективных договоров более предпочтительно для работников и эффективнее для их социальной защиты. Причина весьма прозаична: при таких правилах она устанавливается на более высоком уровне.

В 2010 году в странах Европейского Союза, законодательно утверждающих минимальную заработную плату, ее уровень колебался в интервале от 29% (Чешская Республика) до 48% (Франция) от средних.¹ Согласно К.Алсосу и Л.Элдрингу, в государствах Северной Европы минимальная заработная плата выше, чем в других европейских странах, хотя в первых она устанавливается коллективными соглашениями (см. Диаграмма 1).²

¹ K.Alsos & L.Eldring. *European Minimum Wage and the Nordic Model(s): Clash of Gegimes?* – доступно на: http://ilera-europe2013.eu/uploads/paper/attachment/304/Alsos_Eldring_European_minimum_wage_and_the_Nordic_model.docx; просмотрено – август 2014.

² Источник: L.Eldring & K.Alsos. *European Minimum Wage - A Nordic Outlook*. – Fafo-report, Oslo, 2012, p. 77; доступно на: <http://www.faf.no/pub/rapp/20243/20243.pdf>; просмотрено – август 2014.

В 2010-2011 годах в строительном секторе Швеции минимальная заработная плата составила более 80%, а в коммунальном секторе Норвегии около 70% от средней по стране зарплаты. В других европейских странах, утверждающих минимальную заработную плату в законодательном порядке, эти показатели существенно ниже. Таким образом, социальную защиту населения по данному параметру можно и без прямого директивного вмешательства государства обеспечивать на достаточно высоком уровне.

3.3. Интегральный индекс (в двух вариантах)

3.3.1. Первый вариант

Исходным шагом при исчислении итогового индекса является идентификация значимости субиндексов для общей левизны-правизны экономики, придание каждому из них определенного веса. Поскольку отношение к социальным программам государства выступает одной из главных «разъединительных» линий между левым и правым политико-экономическими мировоззрениями, то субиндексам государственных финансов и социальных расходов можно было бы дать более высокий удельный вес. Однако следует иметь в виду, что первый из них строится на удельном весе бюджетных расходов в ВВП, в структуре которых содержатся также и социальные расходы. Необходимость самостоятельного субиндекса социальных расходов продиктована лишь потребностью более точной оценки общественно-экономической значимости этих расходов. Поэтому этим субиндексам дан примерно такой же удельный вес, как и другим. Итак, Индекс левизны (правизны) экономики в первом варианте исчислен по следующей формуле:

$$\begin{aligned} ИЛ(П)Э_i = & 0,15*ГФ_i + 0,15*СР_i + 0,14*РЦ_i + 0,14*ВТ_i + \\ & + 0,14*Л_i + 0,14*РЗ_i + 0,14*МЗП_i \end{aligned}$$

Полученные результаты представлены в Таблице 22. Особенность данной Таблицы состоит в том, что ее можно «читать» как сверху вниз, так и снизу вверх. В первом варианте экономики ранжируются от правых к левым, а во втором – от левых к правым. Иными словами, чем выше место страны в Таблице, тем больше в ее экономике правизны и меньше левизны.

Таблица 22. Индекс левизны (правизны) экономики в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (Первый вариант)

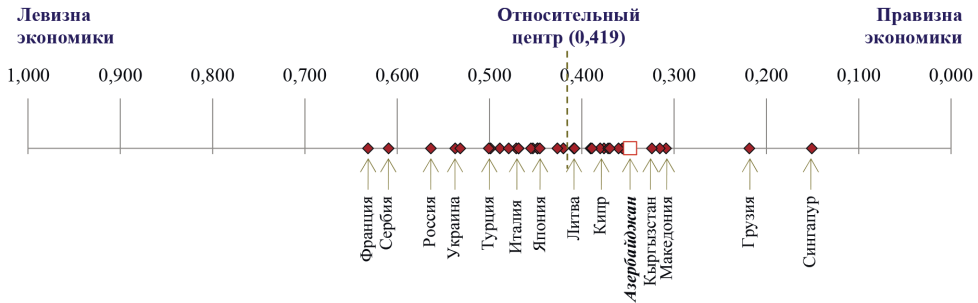
Страна	ИЛ(П)Э	Страна	ИЛ(П)Э
Сингапур	0,151	Румыния	0,426
Грузия	0,219	Япония	0,446
Дания	0,309	Ирландия	0,448
Македония	0,316	Венгрия	0,448
Кыргызстан	0,324	Швеция	0,453
Азербайджан	0,348	Черногория	0,455
Норвегия	0,350	Босния-Герц.	0,469
США	0,355	Испания	0,469
Армения	0,356	Нидерланды	0,471
Казахстан	0,360	Италия	0,479
Новая Зеландия	0,370	Германия	0,489
Латвия	0,372	Молдова	0,499
Албания	0,376	Турция	0,501
Австралия	0,380	Хорватия	0,532
Кипр	0,389	Украина	0,537
Болгария	0,391	Россия	0,564
Литва	0,408	Сербия	0,609
Великобритания	0,409	Франция	0,632
Канада	0,420		

Поскольку по левизне-правизне экономики государства ВЕЦА и развитые страны ранжируются стохастически, то по данному параметру все эти страны можно сравнивать друг с другом.

Среди анализируемых государств самой правой является экономика Сингапура. Из развитых стран экономика Дании, Норвегии, США и Новой Зеландии находится на правом полюсе. Самой левой является экономика Франции – единственной из развитых стран, которая находится на левом полюсе. Экономики Германии, Италии, Голландии и Испании расположены между левым полюсом и центром.

Результаты показаны на *Шкале 8*.

Шкала 8. Индекс левизны (правизны) экономики (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны). Первый вариант

Отчетливо видно, что по итоговому индексу экономики стран сконцентрированы вокруг относительного центра плотнее, чем в шкалах по отдельным субиндексам. Анализ коэффициентов корреляции между субиндексами показывает, что рэнкинги государств по левизне-правизне их экономики, проводимые по различным критериям, как бы балансируют друг друга, поскольку имеется не так много стран, экономика которых по всем или по абсолютному большинству субиндексов является либо левой, либо правой. Если экономика страны, по одному субиндексу находится на левом полюсе, по другому – на правом, а по третьему – в центре, то сводный индекс располагается около относительного центра. Например, экономика Новой Зеландии по регулированию ценообразования выступает самой правой, а по регулированию минимальной заработной платы и удельному весу социальных расходов – самой левой среди анализируемых стран. На шкале, составленной по субиндексу регулирования ценообразования, она находится на максимальном отдалении вправо от относительного центра, а по субиндексам минимальной заработной платы и социальных расходов – на максимальном отдалении влево от него. Как результат, ее интегральный индекс располагается сравнительно близко к относительному центру. В целом, эта закономерность характерна для экономики и других государств, и проявляется как при первом, так и при втором вариантах исчисления Индекса левизны (правизны) экономики.

Относительный центр и медиана Шкалы 8 имеют одинаковые значения. Это означает, что справа и слева от центра располагается равное количество стран.

Среди 37 государств, проранжированных по Индексу левизны (правизны) экономики (Таблица 22), Азербайджан занимает 6 место справа налево и 32 место слева направо, и располагается правее и относительно центра, и медианы (Канада – 0,420). Следовательно, можно утверждать, что в настоящее время экономика Азербайджана является – при сопоставлении с подвергнутыми анализу странами – правой экономикой.

3.3.2. Второй вариант...

... рассчитан без субиндекса социальных расходов. При таком подходе значение субиндекса государственных финансов возрастает. Этот субиндекс, выражающий масштаб перераспределения доходов, оценивает, наряду с уровнем налогов, также и удельный вес бюджетных расходов в ВВП, и косвенно – относительный объем государственных средств, направляемых на социальные программы. Поэтому во втором варианте субиндексу государственных финансов дан больший удельный вес (0,30). Остальные субиндексы обладают равным удельным весом. Итак, второй вариант Индекса левизны (правизны) экономики рассчитан по следующей формуле:

$$\text{ИЛ(П)Э}_i = 0,30 * \text{ГФ}_i + 0,14 * \text{РЦ}_i + 0,14 * \text{ВТ}_i + \\ + 0,14 * \text{Л}_i + 0,14 * \text{РЗ}_i + 0,14 * \text{МЗП}_i$$

Полученные результаты проранжированы в Таблице 23. Как и в предыдущем случае, чем выше место страны в Таблице, тем больше в ее экономике правизны и меньше левизны.

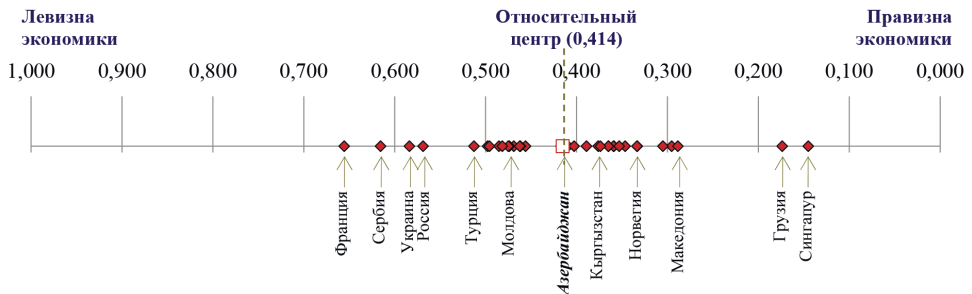
Таблица 23. Индекс левизны (правизны) экономики в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (Второй вариант)

Страна	ИЛ(П)Э	Страна	ИЛ(П)Э
1	2	3	4
Сингапур	0,145	Азербайджан	0,415
Грузия	0,174	Албания	0,416
Македония	0,288	Япония	0,417
Дания	0,295	Испания	0,456
Новая Зеландия	0,305	Швеция	0,462
Норвегия	0,333	Черногория	0,462
США	0,333	Германия	0,469

1	2	3	4
Армения	0,346	Нидерланды	0,474
Казахстан	0,353	Венгрия	0,475
Австралия	0,359	Молдова	0,482
Болгария	0,359	Босния-Герц.	0,485
Кипр	0,365	Хорватия	0,496
Латвия	0,365	Италия	0,498
Кыргызстан	0,374	Турция	0,513
Великобритания	0,376	Россия	0,569
Литва	0,389	Украина	0,584
Румыния	0,403	Сербия	0,616
Канада	0,409	Франция	0,656
Ирландия	0,415		

Результаты ранжинга изображены на Шкале 9.

Шкала 9. Индекс левизны (правизны) экономики (государства ВЕЦА и некоторые развитые страны). Второй вариант

Во втором варианте многие оценки совпадают с результатами первого. И при втором варианте исчисления Индекса левизны (правизны) экономики, государства ВЕЦА и развитые страны ранжируются стохастически и сопоставление любой пары государств друг с другом теоретически допустимо. Самой правой вновь является экономика Сингапура. Экономика той же четверки развитых государств (Дании, Новой Зеландии, Норвегии и США) и при втором варианте исчисления Индекса располагается у правого полюса, хотя в иной последова-

тельности. Экономика Франции вновь является самой левой среди про-ранжированных. Во втором варианте экономика Италии размещается к Франции ближе, чем в первом, а экономика Германии и Голландии ближе к центру, чем к левому полюсу. В целом, в рэнкинге развитых стран нет существенных изменений.

В рэнкинге государств ВЕЦА, если не учитывать Азербайджан, также нет больших изменений. Во втором варианте рэнкинга по Индексу левизны (правизны) экономики Азербайджан делит с Ирландией 19-20 места и его экономика находится на относительном центре Шкалы. Индекс этих двух стран (0,415) является медианой. Сопоставляя экономику Азербайджана с экономикой стран, включенных в Таблицу 23, можно утверждать, что она в той же мере левая, сколь правая, или в той же мере правая, сколь левая. Иначе говоря, она характеризуется одинаковой степенью левизны и правизны.

3.3.3. Два промежуточных вывода

Индекс левизны (правизны) экономики позволяет выявить одно из фундаментальных изменений, произошедших в мировой экономике за последние 20 лет. Сравнительный анализ экономик по их правизне-левизне показывает, что новые государства, «вышедшие из социализма», за этот период построили более правую экономику, чем богатые страны с давно установившейся рыночной экономикой. Так, Азербайджан, экономика которого всего 25 лет тому назад характеризовалась крайней левизной, в настоящее время обладает более либеральной экономикой, чем Франция, Италия, Голландия и многие другие развитые государства.

Экономические реформы, которые были осуществлены бывшими «социалистическими» странами, обладавшими крайне левистской экономикой, различались как по содержанию, так и по интенсивности. Индекс левизны (правизны) экономики позволяет оценивать и сравнивать результаты этих реформ. Например, Азербайджан построил более правую экономику, чем Сербия, но при этом имеет более высокий уровень государственного вмешательства в экономику, чем Грузия – хотя все эти страны причисляли осуществление либеральных экономических реформ к основным приоритетам государственной политики. Для выяснения того, какая именно модель либерализации экономики наиболее

эффективна для страны, необходимо рассмотреть вопрос об оптимальном для нее значении Индекса.

3.4. Критерий оптимальности Индекса левизны (правизны) экономики

Теоретически, как государственное вмешательство в экономику в целом, так и, в частности, те его формы, которые обуславливают степень левизны-правизны экономики, должны иметь определенный уровень, при котором достигается оптимальное соотношение между соотношением централизованного управления и рыночной саморегуляцией. Однако единого значения Индекса левизны (правизны) экономики, которое можно было бы считать оптимальным для всех государств, не существует, т.е. на шкале по интегральному индексу нет точки, к которой должны бы стремиться все страны. Такой точки нет и на шкалах по отдельным субиндексам.

Анализ данных таблиц 22 и 23, а также шкал 8 и 9 показывает, что:

два государства, экономика одного из которых близка к левому полюсу, а другого – к правому, могут быть одинаково успешны как в экономическом развитии, так и в области повышения социального благосостояния. Экономика Сингапура и Дании находится на правом полюсе, Франции – на левом полюсе, а Канады и Ирландии – недалеко от относительного центра, и все эти государства являются успешными в социально-экономическом плане. Это означает, что одни страны достигают социально-экономического успеха благодаря правизне экономики, а другие – наоборот, ее левизне.

Благодаря сравнительному анализу факторов, определяющих левизну-правизну экономики, достаточно четко удается выявить, какие именно реформы нужно осуществить в той или иной стране. Международные сравнительные исследования играют важную роль в обосновании необходимости тех или других реформ. Они позволяют определить, находится ли страна на мировых трендах государственного вмешательства в экономику, и если нет, то какова степень ее отклонения. Например, эти исследования показывают, что упрощение внешнеторго-

вых процедур и лицензирования (системы разрешений и согласований) является в настоящее время весьма актуальным для Азербайджана.

Непостоянство оптимального значения интегрального Индекса левизны (правизны) экономики предопределяется изменчивостью оптимальности его субиндексов. Точки оптимальности самих этих субиндексов зависят от целого ряда факторов, каждый из которых сам по себе тоже меняется во времени. Важное место среди последних занимают уровень развития производительных сил, науки и техники, конкурентоспособность страны по отношению к другим государствам (особенно к тем, с которыми ее экономика тесно связана), отраслевая структура экономики, степень концентрации капитала и производства. Причем изменения этих факторов в разных странах выдвигают на передний план разные задачи – в одних экономику приходится сдвигать вправо, в других – влево. Существенное влияние на эти процессы оказывают также ретроспективные тренды экономического развития, уклад экономической жизни, уровень экономической культуры и образ экономического мышления.¹

Выявить оптимальную левизну (правизну) экономики академическими методами сложно еще и потому, что этот оптимум постоянно меняется. Уровень государственного вмешательства в экономику (или соотношение централизованного управления и рыночной саморегуляции), который считался оптимальным для этого года, в следующем году вполне может быть не оптимальным и даже отрицательно влиять на темпы социально-экономического развития.

Тем не менее, существует метод, с помощью которого можно – в первом приближении – определить, в какой мере Индекс левизны (правизны) экономики близок к оптимальности. Этот метод можно называть индикативным. Его суть выражается в том, что близость достигну-

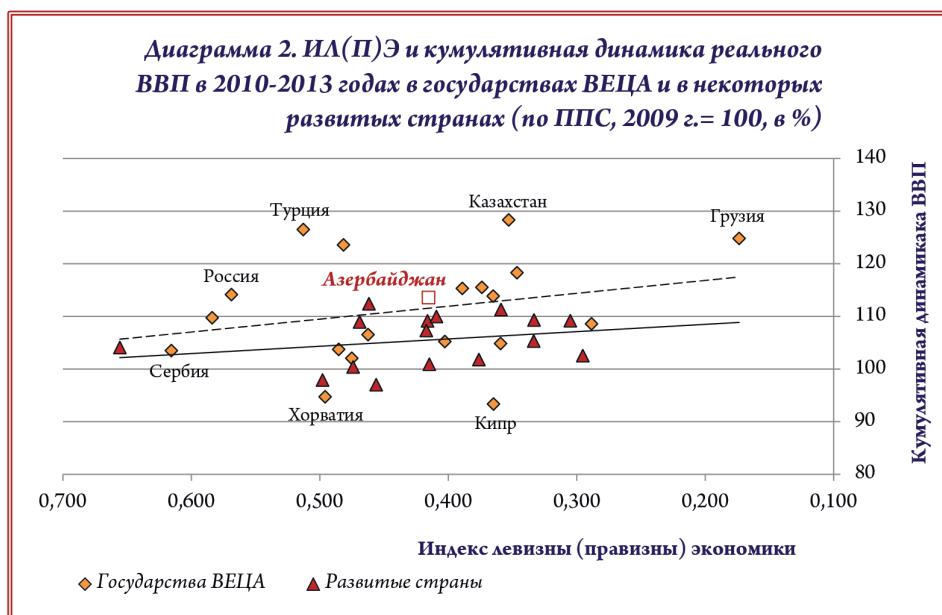
---

¹ Комментируя методологию, применяемую при разработке докладов «Индекс экономической свободы», его авторы специально отмечают, что не ставили задачу выявить оптимальный уровень показателя удельного веса государственных расходов в ВВП. Оптимальность меняется от страны к стране и зависит от различных факторов и их соотношения – от культуры до географии, от географии до уровня экономического развития. Но при неуклонном росте государственных расходов, когда-то они достигают точки, после которой превращаются в тяжелую обузу для экономического развития и начинают сдерживать его (см.: *2014 Economic Freedom Index*, p. 474). Эта мысль верна, однако сложность проблемы в том и заключается, что определить эту точку сугубо аналитическими методами практически невозможно.

того значения ИЛ(П)Э к его оптимуму определяется при помощи ряда индикаторов. Важнейшим среди таких индикаторов является темп экономического роста. По мере приближения Индекса к оптимальному значению, экономический рост ускоряется, по мере отдаления от него – замедляется. Такая оценка, естественно, возможна лишь при прочих неизменных условиях развития, ибо существует целый ряд других влияющих на экономический рост факторов, которые не имеют прямого или даже косвенного отношения к левизне-правизне экономики.

Поскольку оптимальное значение Индекса левизны (правизны) экономики различается по странам, то на одной лишь базе международных сравнений трудно показать теоретическую и практическую значимость индикативного метода. При сопоставлении ИЛ(П)Э различных государств и достигнутых в них темпов экономического роста коэффициенты корреляции, как правило, не столь высоки. Тем не менее, подобные сопоставления создают возможность сформулировать некоторые суждения (см. Диаграмма 2).¹

¹ Показатели кумулятивного роста ВВП рассчитаны по статистической базе МВФ. Значения ИЛ(П)Э как здесь, так и в последующих однотипных сравнениях даны по второму варианту исчисления Индекса. Сингапур не включен в Диаграмму, так как достигнутый им экономический рост был нетипично высоким для развитых стран.

В развитых странах взаимозависимость между Индексом левизны (правизны) экономики, с одной стороны, и достигнутым в 2010-2013 годах экономическим ростом – с другой, слаба. Она примерно так же слаба и в тех странах, в которых ВВП на душу населения не превышает 25 тыс. международных долларов. Плотность распределения первой группы государств вокруг линейного тренда (сплошная линия) – коэффициент корреляции составляет 0,253, второй (прерывистая линия) – 0,263. Самым тяжелым периодом глобального финансового кризиса был 2009 год, а с середины 2010 года во многих странах экономика начала восстанавливаться. Поэтому общий рост ВВП в 2010-2013 годах одновременно показывает, как отдельные государства выходили из кризиса, какими темпами возвращались на докризисные тренды роста.

Как и во все кризисные времена, в период глобального кризиса 2008 года в большинстве развитых стран государственное вмешательство в экономику значительно усилилось. Экономики в целом «полевели». Но интересно отметить, что страны, экономики которых в период кризиса оставались близко к правому полюсу, успешнее выходили из кризиса.

Что же касается государств «второго эшелона», то в них слабость рассматриваемой зависимости вполне естественна. Во-первых, чем меньше масштабы экономики, тем легче ее увеличивать. Это – общая закономерность. Чем крупнее система, тем менее действенны импульсы («раздражения»), которые она получает изнутри и извне. В процессе увеличения масштабов экономики, каждый следующий процент роста достигается труднее и обходится дороже. Поэтому для стран с относительно небольшой экономикой характерны более широкие амплитуды отклонения от общих трендов развития. Во-вторых, в большинстве этих стран процесс формирования новой экономической системы пока не завершился. Транзитивные страны не могут находиться на той линии развития, которую принято считать нормальной для полностью сформировавшихся экономик. Поэтому резкие отклонения этих стран вверх или вниз от общемировых трендов развития надо рассматривать как естественное явление.

Азербайджан находится на линии тренда стран своей группы. Это следует интерпретировать так, что в 2010-2013 годах экономика Азербайджана выросла настолько, насколько она «должна была вырасти».

Однако тот факт, что значительное количество государств располагается выше линии тренда, свидетельствует о возможности развития экономики – при данном значении ИЛ(П)Э – и более высокими темпами. По-видимому, экономика этих стран ближе к оптимальному для них значению Индекса. Индикативный метод основывается именно на этой общей закономерности: чем выше темпы развития экономики, тем она ближе к оптимальному значению Индекса для этого отрезка времени. Диаграмма показывает, что точку оптимальности Индекса для той или иной страны на том или ином временном отрезке следует искать не на левом или правом полюсах, а на вертикальной оси, ибо индикатором является темп экономического развития.

Пример Грузии достаточно наглядно демонстрирует эту закономерность. До середины 2000 годов темпы экономического роста в Грузии не превышали 5% в год. По достижению уровня ВВП советского периода Грузия относилась к числу самых медленно восстанавливавшихся стран СНГ. В 2003 году ее ВВП составлял всего 46% от уровня 1990 года (для сравнения: в Азербайджане этот показатель был равен 80%, в Беларуси – 104%, в Узбекистане – 112%).¹ После свершившейся в ноябре 2003 года «Революции Роз» страна приступила к радикальным экономическим реформам. Всего за несколько лет Грузия сумела сформировать одну из самых правых экономик – не только региона, но и всего мира, и это обеспечило ей огромный экономический успех. В 2010-2013 годах ВВП Грузии возрос на 24,8%. Это – четвертый результат среди ранжируемых нами стран, первые три места занимают Сингапур (29,3%), Казахстан (28,3%) и Турция (26,5%). С 13,6%-ным ростом Азербайджан находится на 11 месте. Вывод: высокие темпы экономического роста, достигнутые Грузией в 2010-2013 годах, указывают на то, что ее экономику в этот период действительно нужно было сдвинуть вправо. По всей видимости, правительству Грузии необходимо и далее удерживать экономику на правом полюсе – до тех пор, пока индикатор не начнет «сигнализировать» о необходимости изменения экономической политики, т.е. пока темпы экономического роста не начнут снижаться.

Существует также возможность применения индикативного метода для различных отраслей экономики. Если государство либерализу-

---

¹ См.: *Statistical Yearbook of Azerbaijan – 2005*. Baku, “Seda”, 2005, p. 805.

ет управление (или, наоборот, ужесточает регулятивные меры) в какой-либо отрасли, и при этом темп ее развития начинает опережать темпы развития других отраслей, значит, реформы имеют правильную направленность и должны быть продолжены. Единственное, но необходимое условие – не придерживаться крайностей: в длительные периоды времени экономика, как правило, негативно реагирует и на крайне правистскую, и на крайне левистскую политику.

Для иллюстрации применения индикативного метода в отдельных отраслях можно вновь обратиться к примеру Грузии, в частности, ее туристического сектора. После того, как Грузия резко упростила правила, регулирующие бизнес в сфере иностранного туризма, число туристов, посещающих страну, резко увеличилось. По информации Министерства внутренних дел Грузии, в 2013 году страну посетили 5,3 млн. человек, из которых более 2 млн. человек – в качестве туристов. По числу иностранных туристов, посещающих Грузию, первые два места занимают граждане Турции и Азербайджана.¹

Грузия упростила въезд в страну и выезд из нее, кардинально улучшила бизнес-среду для иностранных инвестиций, провела эффективную пропагандистскую кампанию. Стимулирование основывалось не на субсидиях, а на налоговых льготах. С 2011 года иностранным инвесторам были предложены особые условия: под строительство отелей в туристической зоне на Черноморском побережье правительство стало безвозмездно предоставлять компаниям земельные участки, и при этом взяло на себя все работы, связанные с коммуникациями и инфраструктурой. Вновь построенные отели были освобождены от налогообложения на 15 лет.² Бесспорно, что ныне переживаемый Грузией туристический бум напрямую связан со сдвигом сектора вправо.

Вместе с тем очевидно, что каким бы высоким не был динамизм развития туризма, вызванный правистской экономической политикой, он не может продолжаться бесконечно. По мере приближения рынка к точке насыщения, темп роста туристического сектора и показатели эффективности инвестиций начнут снижаться. Правительству Грузии

---

¹ См.: <http://agenda.ge/news/5636/eng>.

² См.: <http://www.tourprom.ru/news/12759>.

придется отказаться от налоговых и прочих стимулирующих мер, т.е. «прислушавшись» к сигналу индикатора, усиливать левизну сектора за счет уменьшения его правизны, и на протяжении определенного времени новая политика будет результативной, в частности, бюджетные доходы увеличатся, прямые социальные программы расширятся и т.п.

Индикативный метод универсален: он действителен не только для развивающихся, но и для всех остальных государств, в том числе постиндустриальных. Это можно проиллюстрировать на примере политики расширения государственной собственности во Франции. Такого рода левистские меры, которые предпринимаются с целью придания динамики экономике, не вполне оправившейся от кризиса, на протяжении какого-то периода действительно могут быть эффективными. В 2010-2013 годах ВВП Франции, хоть и незначительно, но все же возрос (4,1%). Это можно расценивать как определенное достижение, поскольку в некоторых развитых государствах (например, в Испании) ВВП даже уменьшился (- 3%). Однако развитых стран, добившихся более высокого, по сравнению с Францией, роста, оказалось больше: в этот же период ВВП Германии увеличился на 8,9%, США – 9,3%, Канады – 10,0%, Австралии – 11,3%, Швеции – 12,4%, а Сингапура, как уже отмечалось, – на 29,3%. По всей видимости, правительству Франции рано или поздно придется принять во внимание этот сигнал, отказаться от дальнейшего расширения государственной собственности и осуществить ее реприватизацию, т.е. «реправизацию» экономики.

Итак, постоянное отклонение экономики страны от оптимальной для нее точки на шкале левизны и правизны происходит по двум причинам – из-за того, что, во-первых, место экономики страны на шкале левизны-правизны перманентно меняется, и, во-вторых, сама точка оптимальности также постоянно меняется.

Под влиянием рассмотренных выше факторов формируется одна из важнейших сфер взаимодействия экономики и политики. Когда власть не реагирует своевременно и адекватно на сигналы индикаторов, указывающих на то, что экономика все больше отклоняется от оптимальной для нее точки левизны-правизны и не предпринимает меры по предотвращению ее дальнейшего отклонения, недовольство населения растет – в силу неизбежного ухудшения или, по меньшей мере, не-

достаточного улучшения общественного благосостояния. Это, в конечном счете, неизбежно влечет за собой политические последствия. Новое правительство, как правило, начинает проводить противоположную политику, в результате чего экономика начинает приближаться к точке оптимальности левизны-правизны и ее развитие ускоряется. В итоге, благодаря постоянному «скольжению» точки оптимальности на шкале левизны-правизны экономики, борьба за власть между правыми и левыми политическими организациями движет экономику по траектории поступательного развития.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Социальная ориентированность левых и правых экономик

4.1. Суть социальной ориентированности

Обычно своей главной целью все правительства объявляют повышение благосостояния общества, справедливое распределение доходов и благ. При нормальном (не экстремальном) ходе общественно-экономических процессов завоевание и удержание власти демократическим путем под иными лозунгами, как правило, невозможно. Это характерно для всех государств, независимо от того, как именно они формально-законодательно называют свою экономику – исламской или христианско-демократической, либеральной или консервативной, открытой или свободной, социально-ориентированной или экономикой социального благосостояния.

Общественное благосостояние измеряемо. Измерение благосостояния позволяет, во-первых, оценивать его динамику, во-вторых, определять и сопоставлять то, в какой степени экономика различных стран справляется со своей основной («естественной») задачей.

Наиболее простым способом измерения народного благосостояния является суммирование индивидуальных доходов всех членов общества:

$$W = \sum_{i=1}^n Y_i,$$

W – народное благосостояние, Y_i – доход индивида i , n – число индивидов.

При таком подходе рост народного благосостояния рассматривается как повышение суммарных доходов всех индивидов, а их распределение и перераспределение при помощи финансово-бюджетных инструментов не учитываются. Например, если доходы предпринимателей увеличиваются за счет снижения доходов наемных работников, но при этом общая сумма доходов растет, то в целом общественное благосостояние считается возросшим. Существуют и другие методы измерения общественного благосостояния на основе доходов населения. Для этого используют, в частности, показатели минимальных или средних доходов на душу населения, а иногда даже доходов, включаемых в анализ на основе случайной выборки. Показателями, позволяющими наилучшим образом проводить межстрановые сравнения, являются средний доход на душу населения и средняя заработная плата.

Называя страну «государством социального благоденствия», имеют в виду не только высокий уровень совокупных доходов населения, но и создание для граждан равных возможностей, справедливое распределение благ, обеспечение достойного (достаточно высокого для данного общества) уровня жизни социально уязвленным группам населения. В научной литературе выделяют несколько видов государств социального благоденствия. Одна из наиболее известных классификаций предложена Г.Эспинг-Андерсеном (*Gosta Esping-Andersen*). Он различает три модели: (i) социал-демократическую, обеспечивающую доступность основных социальных благ для всех граждан, независимо от их доходов и общественного статуса (с точки зрения доступа к социальным благам, эта система универсальна, т.е. она не делает различий между людьми); (ii) христианско-демократическую, предполагающую, что правительство делегирует часть своих функций по социальному обеспечению локальным органам управления (принцип субсидиарности);* (iii) либеральную, основывающуюся на приоритете рыночных механизмов в социальном обеспечении (т.е. на том, что индивиды сами обеспечивают себя и свои семьи, а роль государства ограничивается уменьшением бедности путем оказания нуждающимся адресной помощи).¹

* Субсидиарность (*lat. subsidiarius – вспомогательный*) – организационно-правовой принцип, предполагающий, что вопросы решаются «в низах», в отдалении от центра. Имеется в виду, что на этом уровне («внизу») они могут решаться более эффективно.

¹ См.: *G.Esping-Andersen. The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Princeton NJ, Princeton University Press, 1990.

Во второй модели по сравнению с первой, и соответственно, в третьей модели по сравнению со второй уровень социальной дифференциации выше, а социальное благополучие индивидов и групп более зависимо от рыночных механизмов. Ослабление этой зависимости называют декоммодификацией. Чем тяжелее социальное бремя, которое берет на себя государство, тем больше возрастает декоммодификация, т.е. слабеет зависимость от рыночных механизмов. На основе предложенного им индекса декоммодификации, Г.Эспинг-Андерсен делит 18 стран ОЭСР на 4 группы:

- Социал-демократические государства – Дания, Финляндия, Нидерланды, Норвегия и Швеция;
- Христианско-демократические государства – Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Испания и Италия;
- Либеральные государства – Австралия, Канада, Япония, Швейцария и США;
- Неклассифицируемые государства – Ирландия, Новая Зеландия и Великобритания.

На первый взгляд, классификация Г.Эспинг-Андерсена напоминает классификацию по критерию левизны и правизны экономики. Казалось бы, социал-демократические государства – это те, которые обладают левистской, либеральные – правистской, а христианско-демократические – центристской экономикой. Классификация на основе индекса декоммодификации строится на роли государства в распределении благосостояния между различными социальными стратами. Этот фактор, как мы уже знаем, учитывается также и при классификации экономик на основе Индекса левизны (правизны). Тем не менее, схожесть между двумя анализируемыми классификациями лишь видимая.

Во-первых, возможности индекса декоммодификации ограничены, его сложно рассчитать по всем странам, а Индекс левизны (правизны) экономики универсален, прост и легко может рассчитываться для всех государств. Во-вторых, индекс декоммодификации не позволяет классифицировать экономику некоторых стран (относить их к какой-либо из групп), а Индекс левизны (правизны) оценивает (ранжирует) экономику всех стран, включенных в сравнительный анализ. В-третьих, и это главное, индекс декоммодификации измеряет «либеральность»

социальность» (на самом деле, левизну-правизну) экономики лишь с одного полюса; критерий, положенный в его основу, заключается в социальных функциях государства, широте и формах государственных социальных программ, тогда как Индекс левизны (правизны) экономики позволяет проводить то же измерение с обоих полюсов.

Поэтому когда, например, политико-экономическая система страны, осуществляющей широкомасштабные социальные программы за счет финансовых поступлений от экспорта природных ресурсов, либо иностранной финансовой помощи, оценивается на основе декоммодификации, ее приходится отнести или к левому полюсу (системам социал-демократического типа), или, в крайнем случае, к центру (системам христианско-демократического типа). При этом другие принципиально важные показатели, характеризующие левизну-правизну экономики, такие, как удельный вес государственной собственности либо уровень налогов, вовсе не учитываются. Даже если эти два показателя очень низки, т.е. экономика, по сути, носит право-либеральный характер, ее относят к левому полюсу. Это недопустимо искажает реальную действительность. Индекс левизны (правизны) позволяет адекватно учитывать подобные противоречивые свойства экономики, привести их к общему измерению.

Вполне естественно, что оценки, полученные на основе этих двух методологий измерения, существенно различаются, а иногда даже противоположны. Международный сравнительный анализ показывает, что по абсолютному большинству стран результаты, получаемые с использованием Индекса левизны (правизны) экономики, более достоверны. Согласно индексу декоммодификации, экономика Дании и Норвегии является социально-демократической (лево-ориентированной), а по ИЛ(П)Э, принадлежит к правому полюсу. Согласно первому индексу, экономика Франции и Италии является христианско-демократической (близка к относительному центру шкалы левизны-правизны), согласно же второму – экономика обеих этих стран является левистской, а Франции – одна из самых ярко выраженных левых экономик мира. Согласно индексу декоммодификации, экономика Канады и Японии либеральна (принадлежит к правому полюсу), а по ИЛ(П)Э, близка к относительному центру. На основе первого индекса вообще невозможно квалифицировать экономику Ирландии, Новой Зеландии и Канады, а второй позволяет провести их точный сравнительный анализ – как между со-

бой, так и с другими странами мира. При этом выясняется, что экономику Новой Зеландии и Великобритании следует относить к правому полюсу, а Ирландии – к относительному центру. Хотя по некоторым странам (Швеции, Германии, Испании, Голландии, Австралии, США) полученные результаты очень близки.

Тем не менее, классификация на основе индекса декоммодификации подтверждает один из принципиально важных выводов, вытекающих из ранжирования стран по Индексу левизны-правизны экономики: *независимо от того, в какой степени государство вмешивается в экономику и насколько активно участвует в распределении и перераспределении общественных благ, страны, располагающиеся как на левом и правом полюсах, так и в относительном центре политико-экономического спектра, могут добиваться (и добиваются) экономического процветания, могут обеспечивать (и обеспечивают) своим гражданам высокое благосостояние. Иными словами, как левые, так и правые экономики могут быть социально-ориентированными.* Верно и обратное: социально-ориентированная экономика может принадлежать как к левому, так и к правому полюсу.

Социально-ориентированная экономика – это экономика, более эффективно повышающая благосостояние народа. Подобно тому, как о человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе говорит, так и об экономике нельзя судить на основании того, какие определения ей дают государственные деятели (политические группы), находящиеся у власти. Экономика не превращается в социально-ориентированную только потому, что это декларируется государством (правительством), и, наоборот, если государство (правительство) не называет свою экономику социально-ориентированной, это вовсе не означает, что ее экономика не социально-ориентирована.

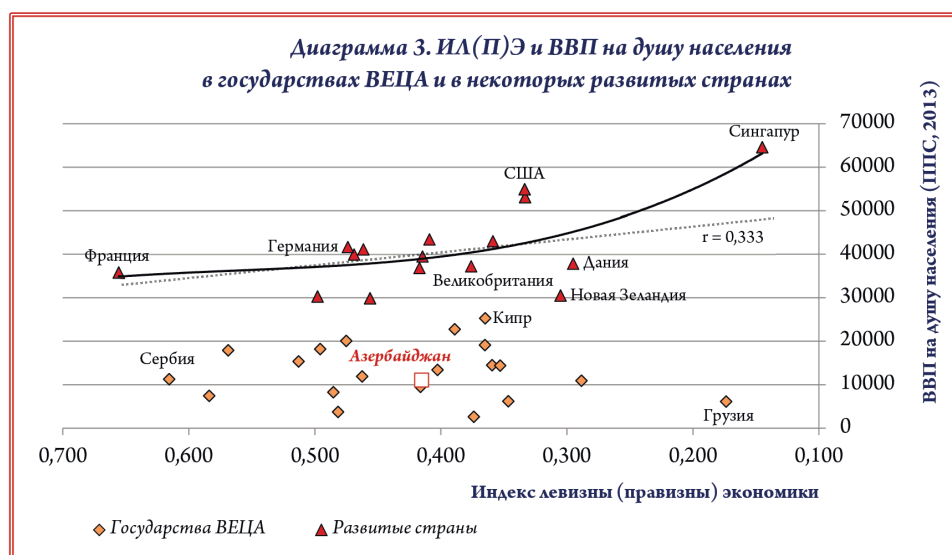
Провозглашение – исходя из политических соображений – социальных целей высшим приоритетом государства также не означает, что экономика и в самом деле социально-ориентирована. По традиционным и все еще господствующим в современной экономической науке (и в целом обществоведении) взглядам, высокий удельный вес государственного сектора, высокая доля бюджетных расходов в ВВП и социальных расходов в бюджетных, широкомасштабность государственных социальных программ, сильная защита прав наемных работников,

высокая защищенность внутреннего рынка тарифными и нетарифными барьерами и другие подобные свойства экономики свидетельствуют о ее социальной ориентированности. На самом деле, это не совсем и не всегда так. Все эти свойства можно считать или не считать признаками левизны экономики, но сами по себе они не превращают экономику в социально-ориентированную. Экономика, не обладающая этими свойствами, а напротив, характеризующаяся высоким удельным весом частного сектора, низкой долей бюджетных расходов в ВВП и социальных расходов в бюджетных, упразднившая основные барьеры во внешней торговле (т.е. правая экономика), может обеспечивать народу более высокое благосостояние и, следовательно, быть более социально-ориентированной.

4.2. Левизна-правизна экономики и общественное благосостояние

4.2.1. Сопоставление с уровнем экономического развития

Для подтверждения вышеприведенных суждений необходимо провести некоторые сопоставления. Прежде всего, рассмотрим зависимость между ВВП на душу населения и Индексом левизны (правизны) экономики (Диаграмма 3).

Из Диаграммы видно, что в развитых странах корреляция между левизной-правизной экономики и ВВП на душу населения слаба. Полиномиальная кривая тренда, соединяющая Францию и Сингапур, демонстрирует тенденцию, типичную для стран, в которых ВВП на душу населения по ППС превышает 30 тыс. международных долларов. Вторая линия (прерывистый линейный тренд) показывает ту же тенденцию, но без Сингапура. Поскольку ВВП на душу населения в Сингапуре значительно выше, чем в остальных анализируемых странах, может показаться, что полиномиальная кривая тренда искажает общую зависимость, однако линия тренда без учета Сингапура, демонстрирует ту же тенденцию. В обоих случаях все указывает на то, что страны, экономика которых характеризуется правизной, развиваются чуть более успешно (или более успешно развивающиеся страны склонны к правизне). Однако отклонения от линейного тренда столь значительны ($r = 0,333$), что было бы неправильно говорить о существовании сильной зависимости между Индексом левизны (правизны) экономики и ВВП на душу населения.

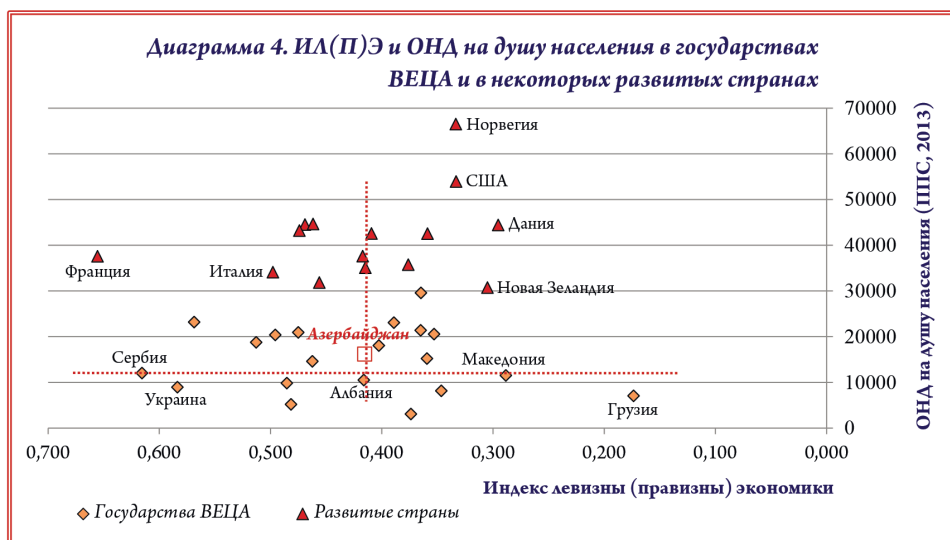
Тем не менее, на основании того, в какой стороне от линейного тренда (внизу или наверху) находится та или иная страна, можно судить о том, как уровень ее экономического развития соотносится с Индексом левизны (правизны) экономики. Например, можно считать, что экономическое развитие Дании и особенно Новой Зеландии несоразмерно со степенью правизны их экономики и при прочих равных условиях должно быть выше. Эти показатели могут интерпретироваться и так: степень левизны-правизны экономики Дании и Новой Зеландии находится не на оптимальных для этих стран точках (или не находилась в последние годы). Однако оптимальность левизны-правизны экономики правильнее анализировать не по подушевому ВВП, а – как было уже показано в предыдущей главе – на основе кумулятивного роста ВВП за последние несколько лет.

Что касается государств, в которых ВВП на душу населения не превышает 25 тыс. международных долларов, в них рассматриваемая зависимость еще слабее. Страны, занимающие самую правую и самую левую точки (соответственно, Грузия и Сербия), не достигли особенного экономического развития: в Грузии ВВП на душу населения составляет 6 145, в Сербии – 11 269 международных долларов. Кипр, занимающий

самую высокую точку, так же близок к центру, как Кыргызстан, находящийся на самой низкой точке: ИЛ(П)Э Кипра составляет 0,365, Кыргызстана – 0,374. На основании Диаграммы можно предположить, что некоторое перемещение экономики Азербайджана вправо (либерализация) позитивно сказалось бы на темпах ее развития.

4.2.2. Сопоставление с национальным доходом

Сопоставление Индекса левизны (правизны) экономики с национальным доходом на душу населения более точно показывает меру социальной ориентированности левых и правых экономик, чем сопоставление с подушевым ВВП (Диаграмма 4).¹

Эта Диаграмма показывает, что страны, относящиеся к разным полюсам политико-экономического спектра, могут достигать примерно одинаковых успехов по уровню национального дохода на душу населения. Например, экономика Сербии располагается на левом полюсе (ИЛ(П)Э = 0,616), а Македонии – на правом (ИЛ(П)Э = 0,288). Следовательно, уровень государственного вмешательства в экономику – по

¹ Показатели ОНД на душу населения взяты из статистической базы Всемирного банка. В связи с тем, что статистика 2013 года по некоторым странам (Ирландия, Кипр, Латвия, Литва, Венгрия, Новая Зеландия) еще не была опубликована на сайте, по этим странам использованы данные 2012 года (см.: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD>; просмотрено – сентябрь 2014).

показателям, определяющим ее левизну-правизну – в Сербии выше, чем в Македонии, т.е. налоги выше, социальные программы шире, государственного сектора больше, социальные гарантии прав работника и защита внутреннего рынка жестче. Если следовать общепринятой точке зрения, то экономика Сербии является более социально-ориентированной, чем Македонии, тогда как в действительности это не совсем так. Экономика этих стран расположена на одной горизонтальной линии. Это означает, что если анализировать эти две экономики лишь по показателю национального дохода на душу населения, то можно с уверенностью утверждать, что они социально-ориентированы примерно на одинаковом уровне. ОНД на душу населения составляет в Сербии 12 020, а в Македонии – чуть меньше, 11 520 международных долларов.

Сравнение двух экономик, расположенных на одной вертикальной линии, приводит к идентичным по сути результатам. Например, места экономики Азербайджана и Албании в политико-экономическом спектре примерно совпадают: ИЛ(П)Э первой страны составляет 0,415, а второй – 0,416. Несмотря на почти одинаковый уровень государственного вмешательства в экономику, в Азербайджане национальный доход на душу населения равен 16 180, а в Албании – 10 520 международных долларов. Иначе говоря, экономика Азербайджана является более социально-ориентированной, чем Албании, хотя согласно ныне господствующим взглядам, эти экономики должны считаться социально-ориентированными в одинаковой степени.

Вертикальная линия, соединяющая Азербайджан и Албанию, несколько выше пересекает еще две страны – Японию и Ирландию. В этих четырех странах государственное вмешательство, определяющее левизну-правизну экономики, находится примерно на одинаковом уровне. Однако уровень социально-экономического развития первой пары стран настолько сильно отличается от уровня второй пары, что сравнивать степень социальной ориентированности их экономик вряд ли можно считать корректным.

4.2.3. Сопоставление с уровнем безработицы

Вопросы безработицы, ее причин, последствий и путей уменьшения всегда были и будут составной частью проблемы общей эффективности экономики. Это накладывает своеобразный отпечаток на взгляды

левистских и правистских политико-экономических групп на безработицу. В соответствии с правыми воззрениями, наиболее правильным (эффективным) путем решения проблемы безработицы является максимально возможное свободное действие рыночных механизмов. Правые выступают за ограничение государственного вмешательства в рынок труда. Они считают, что «искусственное» сохранение неэффективных рабочих мест, государственное регулирование рынка труда такими инструментами, как минимальная заработная плата и налоги, а также бюрократическими правилами, усложняющими найм и увольнение, негативно влияют на эффективность экономики в целом, и повышение занятости – в частности. Согласно же левой идеологии, государство, наоборот, должно активно вторгаться в рынок труда и стремиться – особенно, для сокращения безработицы в кризисные периоды – к увеличению совокупного спроса на рабочую силу при помощи финансовых стимулов. Они более одобрительно, чем правые, относятся к открытию новых рабочих мест за счет государственного инвестирования.*

Занятость представляет собой важную составляющую общественного благосостояния и, соответственно, безработица является фактором, снижающим уровень социальной ориентированности экономики. Поскольку уровень социальной ориентированности экономики той или иной страны можно оценить только в сравнении с экономикой других стран, то в качестве исходного необходимо принять следующее положение: в странах, в которых безработицы меньше, экономика более социально-ориентированна. Провести соответствующие измерения несложно, так как общие подходы к исчислению уровня безработицы существенных разногласий не вызывают. Для этого, по общепринятой методике, число безработных (трудоспособных людей, желающих работать, но не могущих найти работу) делят на численность трудоспособного населения и выражают в процентах.

---

* По мнению крайне левых (марксистов), в условиях рыночной экономики эффективная борьба против безработицы, способная привести к реальному позитивному результату, в принципе невозможна, поскольку безработица является имманентным (и «уродливым») свойством капитализма. Армия безработных, ожидающих своей «очереди» получить работу, позволяет капиталисту снизить заработную плату наемных работников до возможного минимума, еще больше усиливая их эксплуатацию. Единственным способом ликвидации безработицы, как они считают, является разрушение капитализма и построение на его руинах социализма.

Согласно доминирующим в настоящее время теоретическим представлениям, уровень безработицы в различных странах должен коррелировать с левизной (правизной) их экономики, так как одной из целей широкомасштабного государственного вмешательства в экономику является обеспечение занятости. Поэтому в странах, экономика которых характеризуется большей левизной, уровень безработицы вроде бы должен быть ниже. В действительности же, многим правым экономикам удается поднять занятость на более высокий уровень и, вопреки преобладающему мнению, в таких странах экономика – по данному параметру – более социально-ориентированна.

Как видно из *Таблицы 24*, в 2012 году среди государств Восточной Европы и Центральной Азии Азербайджан был вторым (после Казахстана – 5,3%) государством с самым низким уровнем безработицы – 5,4%. Это означает, что по уровню занятости экономика Азербайджана более социально-ориентированна, чем экономика всех остальных (кроме Казахстана) стран региона, располагающихся в политико-экономическом спектре как левее, так и правее него. Оставаясь в рамках традиционных воззрений, более низкую по сравнению с азербайджанской экономикой социальную ориентированность экономик, находящихся на правом полюсе, еще можно объяснить, но тех, которые находятся на левом полюсе, очень сложно.

Конечно, все правительства считают сокращение безработицы одной из основных задач социально-экономической политики и при определении форм и методов вмешательства в экономику учитывают и

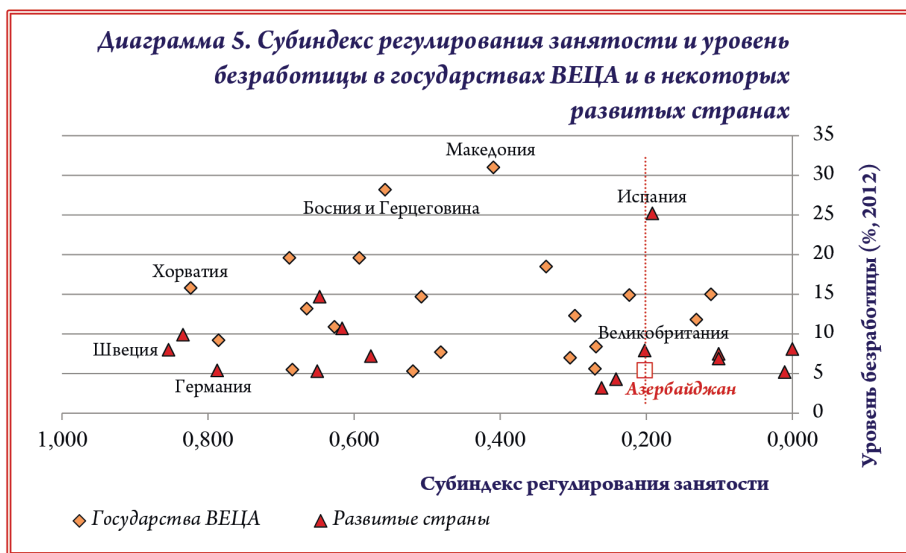
Таблица 24. Безработица в государствах ВЕЦА (2012 г., в %)¹

Страна	Безработица
Казахстан	5,3
Азербайджан	5,4
Россия	5,5
Молдова	5,6
Румыния	7,0
Украина	7,7
Кыргызстан	8,4
Турция	9,2
Венгрия	10,9
Кипр	11,8
Болгария	12,3
Литва	13,2
Албания	14,7
Латвия	14,9
Грузия	15,0
Хорватия	15,8
Армения	18,5
Черногория	19,6
Сербия	19,6
Босния-Герц.	28,2
Македония	31,0

¹ См.: Статистическая база Всемирного банка; доступно на: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>; просмотрено – сентябрь 2014.

повышение уровня занятости населения. В этом вопросе между левыми и правыми политико-экономическими группами существенных противоречий нет: и те, и другие считают сокращение безработицы приоритетом. Поэтому уровень безработицы нельзя относить к факторам, формирующим левизну-правизну экономики. К тому же, правительства, как правило, не могут прямо влиять на занятость и для снижения безработицы используют косвенные методы, в частности, государственные инвестиции, а применение подобных косвенных методов, так или иначе, учитывается в других субиндексах. Например, государственные инвестиции учитываются в подиндексе бюджетных расходов субиндекса государственных финансов.

Для оценки корреляции между занятостью и левизной-правизной экономики можно сопоставить непосредственно связанные с занятостью субиндексы, например, субиндекс регулирования занятости, с безработицей (Диаграмма 5).¹

Из Диаграммы видно, что между субиндексом регулирования занятости и уровнем безработицы практически отсутствует корреляция. Среди анализируемых 37 государств Азербайджан по субиндексу регулирования занятости в ранжировке справа налево делит 8-9 места с Великобританией. Иными словами, его экономика располагается левее эко-

¹ Составлена по данным статистической базы Всемирного банка; доступно на: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>; просмотрено – сентябрь 2014.

номики 7 стран и правее экономики остальных 28 государств, т.е. эти 28 стран регулируют занятость более жестко, чем Азербайджан, и их экономика по данному параметру, казалось бы, должна быть более социально-ориентированной. Однако критерием социальной ориентированности в данном случае является высокий уровень занятости (низкий – безработицы), а сравнение по этому критерию показывает, что экономика Азербайджана более социально-ориентирована, чем экономика большинства проранжированных государств, в том числе – и что важнее всего – более левых экономик.

С другой стороны, по данному параметру уровень социальной ориентированности экономики государств, регулирующих занятость в той же степени, что и Азербайджан, коренным образом различается. К таким государствам относятся, в частности, Великобритания и Испания, находящиеся на одной вертикальной линии с Азербайджаном. Экономике Азербайджана следует оценивать – по анализируемой группе показателей – как более социально-ориентированную, чем в этих странах. Между тем, по ИЛ(П)Э экономика Великобритании является более правой, а Испании – более левой по сравнению с азербайджанской экономикой.

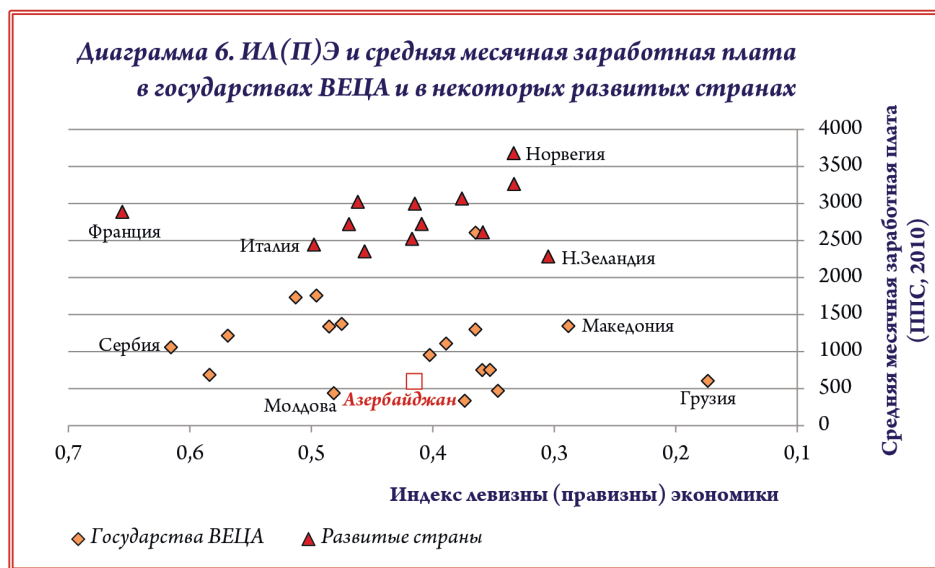
Необходимо учитывать, что широкомасштабные программы по повышению занятости не всегда гарантируют успех. В конце прошлого века ряд стран, в том числе Тунис, Непал, Индия и некоторые другие, приняли такие программы. Тунис объявил повышение занятости (открытие новых рабочих мест) одним из главных приоритетов государственной политики. Спустя 10-15 лет вновь подтвердилось, что «занятость ради занятости» – ошибочная стратегия, и качество новых рабочих мест в абсолютном большинстве случаев важнее, чем их количество. Программирование экономики на простой (дешевый) труд с целью уменьшения безработицы приводит к отрицательным результатам. Поэтому сколь бы важным показателем для измерения уровня общественного благосостояния занятость ни была, она ценна лишь в системе показателей, как один из многочисленных показателей.

4.2.4. Сопоставление со средней заработной платой

Одним из важных показателей, измеряющих уровень общественного благосостояния, является средняя заработная плата наемных работников. Данные по средней заработной плате, используемые различ-

ными международными структурами, существенно различаются. Имеются значительные расхождения также и между данными международных организаций и национальных статистических агентств. Например, в 2012 году средняя заработная плата в Азербайджане, согласно официальной статистике страны, составляла 507, а по статистике Международной Организации Труда (МОТ) – 596 долларов США. Следует при этом учитывать, что МОТ исчисляет этот показатель с поправкой на покупательную способность денег.

Известно, что в межстрановых сравнениях необходимо использовать единый источник. Несмотря на то, что достоверность некоторых данных МОТ вызывает определенные сомнения, ее статистическая база в целом репрезентативна, и *Диаграмма 6* составлена по ее данным.¹ Используемые в Диаграмме показатели среднемесячной заработной платы относятся к 2010 году. В последующие годы во многих странах они изменились, а в некоторых государствах, включая Азербайджан, возросли существенно. Однако, с точки зрения выявления зависимости между ИЛ(П)Э и средней заработной платой, они вполне применимы.

¹ Данные о средней заработной плате взяты из информации Британской вещательной компании (BBC), распространенной со ссылкой на Международную Организацию Труда (см.: *Where Are You on the Global Pay Scale*. – BBC News Magazine, March 29, 2012; доступно на: <http://www.bbc.com/news/magazine-17543356>; просмотрено – сентябрь 2014.

Как видно из *Диаграммы 6*, между левизной-правизной экономики и средней заработной платой нет жесткой зависимости. Как в государствах ВЕЦА, так и в развитых странах коэффициент детерминации между этими показателями – независимо от того, какой именно тип тренда используется – не превышает 0,1.

Среди стран ВЕЦА, обладающих как более левой, так и более правой экономикой по сравнению с Азербайджаном, имеются государства, в которых средняя заработная плата либо выше, либо ниже, чем в Азербайджане. Это еще раз подтверждает, что социальная ориентированность экономики по данному показателю не имеет прямой зависимости от меры вмешательства государства в экономику. Формы и методы государственного вмешательства в экономику, которые, по общепринятой точке зрения, усиливают социальную ориентированность экономики, не всегда сопровождаются ростом средней заработной платы, т.е. на самом деле не повышают ее социальную направленность. Сопоставление средней заработной платы с ИЛ(П)Э показывает: правые экономики могут быть и часто бывают более социально-ориентированными, чем левые.

4.2.5. Сопоставление с потреблением

Принято считать, что показатели потребления наиболее точно характеризуют уровень материального благосостояния народа. И это верно, так как официальные денежные доходы не всегда адекватно отражают реальную картину благосостояния. Во многих странах – особенно в тех, где удельный вес теневой экономики высок – разница между официальными номинальными доходами и реальным потреблением достаточно велика. В таких странах стоимость товаров и услуг, реально потребляемых средне-статистическим работником, значительно, а иногда и многократно превышает его официальный доход. Поэтому уровень личного потребления позволяет достовернее, чем уровень денежных доходов, судить о благосостоянии людей. Тем не менее, показатели личного потребления (в первую очередь, в силу особенностей, связанных с национальным менталитетом), также могут создавать искаженное представление об уровне общественного благосостояния.

Для межстрановых сравнений уровня личного потребления чаще всего пользуются статистикой использования товаров длительного

Таблица 25. Количество легковых автомобилей на 1000 человек и ВВП на душу населения в некоторых государствах ВЕЦА и развитых странах (2011 г.)¹

Страна	Количество (шт.)	ВВП (на д./н, ППС)
Италия	605	30 770
Литва	565	20 195
Германия	531	38 410
Кипр	421	27 270
США	403	49 797
Болгария	367	13 669
Хорватия	345	18 130
Латвия	298	16 582
Беларусь	290	14 832
Россия	233	16 537
Сербия	231	10 761
Казахстан	215	12 887
Румыния	203	12 390
Украина	151	7 137
Грузия	138	5 445
Молдова	120	3 347
Сингапур	117	61 413
Турция	110	14 428
Азербайджан	95	10 107
Албания	94	8 847
Кыргызстан*	65	2 354

* 2009

известно, не так. Сингапур является одной из самых развитых стран мира, одним из мировых лидеров по ВВП и ОНД на душу населения, но там на каждую тысячу человек приходится всего 117 автомобилей. Это объ-

пользования. Одним из индикаторов данного ряда является, в частности, показатель количества легковых автомобилей, приходящихся на тысячу человек. Между тем, существует целый ряд страновых особенностей (плотность населения, дислокация рабочих мест, численный состав средней семьи, ментальная специфика и т.д.), без учета которых количество автомобилей не дает полной информации о социальном благополучии. Таблица 25 позволяет сравнить количество автомобилей на тысячу человек с ВВП на душу населения в ряде государств мира.

Несмотря на важность показателей потребления для определенных социально-экономических исследований, в межстрановых сравнениях общественного благосостояния пользоваться ими не совсем корректно. Если исходить только из количества автомобилей на 1 000 человек, то получится, что уровень жизни населения Италии (605 автомобилей) и Литвы (565) выше, чем Германии (531) и США (403 автомобиля), а это, как из-

¹ См.: Статистическая база Всемирного банка (доступно на: <http://data.worldbank.org/indicator/IS.VEN.PCAR.P3>; просмотрено – сентябрь 2014).

ясняется тем, что Сингапур – город-государство, располагающееся на небольших островах общей площадью 715,8 км², в связи с чем потребность населения в автомобилях не так высока. Поэтому нельзя – исходя из того, что в Сингапуре относительно меньше автомобилей – утверждать, что там уровень жизни населения ниже, чем в странах, в которых на тысячу человек приходится больше легковых автомобилей.

В последнее десятилетие в Азербайджане количество автомобилей росло достаточно высокими темпами и, по всей видимости, этот тренд в ближайшие 15 лет сохранится. Однако в Азербайджане, как и в Сингапуре, количество автомобилей на 1 000 человек не отражает адекватно уровень экономического развития и общественного благосостояния. Так, в 2011 году в Азербайджане этот показатель был ниже, чем в Украине, Грузии и даже Молдове, тогда как по ВВП на душу населения Азербайджан значительно опережает эти государства, а Молдову – более чем в 3 раза. Обеспеченность населения автомобилями на Кипре выше, чем в США, тогда как подушевой ВВП второго больше почти в 2 раза. Аналогичные сравнения по многим другим товарам длительного пользования, в том числе по самым современным их видам (к примеру, мобильным телефонам), показывают примерно ту же картину.

Таким образом, показатели потребления товаров длительного пользования не совсем адекватно отражают уровень общественного благосостояния и, следовательно, их сопоставление с ИЛ(П)Э с целью выяснения степени социальной ориентированности экономики непродуктивно.

4.3. Левизна-правизна экономики и общее социальное развитие

Одна из проблем, наиболее активно обсуждаемых обществоведами в последние годы, связана с методологией измерения уровня социально-экономического развития. Многие аналитики считают, что экономические показатели, такие как валовый внутренний продукт или общий национальный доход, чрезмерно агрегированы и недостаточны для точной (полной) оценки уровня развития общества. Для разрешения этой проблемы они предлагают использовать целую систему показателей, характеризующих отдельные аспекты социального развития. В этом параграфе некоторые общие показатели социального развития

анализируются в контексте сопоставления с Индексом левизны (правизны) экономики.

4.3.1. Сопоставление с удовлетворением базовых потребностей населения

Аналитическая группа «Императив социального прогресса» (*The Social Progress Imperative*) с 2013 года рассчитывает и публикует Индекс социального развития.* Индекс оценивает только лишь уровень социального развития в узком смысле этого термина и при его исчислении экономические показатели не учитываются. Опубликованное в 2014 году исследование охватывает 132 страны. Его информационную базу составляют статистика международных организаций, экспертные оценки и социологические опросы. С целью оценки уровня социального развития в отдельных странах, на основе более 50 индикаторов авторы исчисляют 3 субиндекса, каждый из которых отражает один из основных аспектов социального прогресса: (i) удовлетворяются ли базовые потребности человека, (ii) создаются ли базовые условия для поддержания и повышения индивидами и общинами своего благосостояния, (iii) имеются ли условия для реализации всеми людьми их потенциала?

Третий субиндекс характеризует, главным образом, политические аспекты общественного развития – личные свободы, свободу печати, свободу собраний, свободу передвижения, свободу вероисповедания и т.д. Эти вопросы не связаны напрямую с государственным вмешательством в экономику и поэтому особого интереса для данного исследования не представляют. Первый субиндекс исчисляется на основе четырех подиндексов: (i) доступности питания и базового медицинского обслуживания, (ii) доступности питьевой воды и канализации, (iii) обеспеченности жильем, (iv) личной безопасности. Поскольку показатели этих подиндексов в значительной степени формируются под влиянием участия государства в экономических и социальных программах, то его необходимо рассмотреть более подробно.

---

* Руководителем группы является известный специалист по вопросам стратегического управления и международной конкурентоспособности М.Портер. В группу входят представители ряда ведущих научных центров мира, в том числе Гарвардской школы бизнеса, Массачусетского технологического института, Оксфордского университета, журнала *The Economist* и др.

ПЯТНАДЦАТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

**Подиндекс доступности питания и базового
медицинского обслуживания Азербайджана**

Для создания более полного представления о том, как измеряется уровень удовлетворения базовых потребностей, следует рассмотреть конкретные показатели формирующих его подиндексов. В качестве примера рассмотрим один из подиндексов и образующие его показатели по Азербайджану.

Подиндекс доступности питания и базового медицинского обслуживания исчисляется на основе 6 показателей:

- удельный вес недоедающих (в процентах от общей численности населения). Порог по этому индикатору определен в 5%, т.е. все страны, где удельный вес недоедающих составляет до 5%, оцениваются одинаково высоко. Азербайджан находится в числе государств, получивших максимальную оценку;
- степень недоедания (в калориях, получаемых/недополучаемых недоедающими). Азербайджан отнесен к числу государств, где данный показатель низок (37 место в ранжировке от лучшего показателя к худшему). Для сравнения отметим, что в Армении (44 место) и Грузии (119 место) этот показатель еще ниже;
- число случаев материнской смерти (на каждые 100 тыс. детей, родившихся живыми). По статистике, использованной при исчислении подиндекса, в Азербайджане на 100 тыс. случаев рождения живых детей приходилось 43 случая материнской смерти (59 место в ранжировке от лучшего показателя к худшему). По официальной статистике Азербайджана, уровень материнской смертности существенно ниже: в 2013 году на 100 тыс. родившихся живыми детей приходилось 14,5 случая материнской смерти (2012 г. – 14,9, 2011 г. – 15,3, 2010 г. – 15,7);

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОГО ОТСТУПЛЕНИЯ

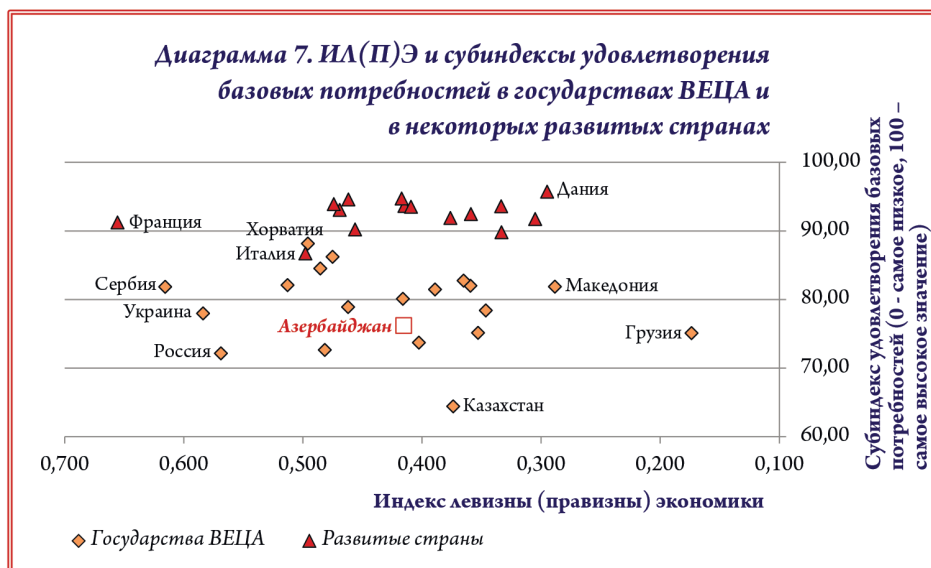
- смертность среди новорожденных (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми). В Азербайджане этот показатель (12,0) ниже, чем в других странах Центрального Кавказа, но все же высок. По официальной статистике Азербайджана, этот показатель еще ниже (в 2012-2013 годах – 10,8);
- детская смертность (число детей, умерших в возрасте до 5 лет, на 1 000 родившихся живыми). При исчислении индекса этот показатель взят как 35 и Азербайджан попал на 89-е место в рэнкинге от лучшего показателя к худшему. Данные официальной статистики более чем в 2 раза ниже (в 2013 году – 12,9, 2012 г. – 13,0, 2011 г. – 13,5);
- число смертей от инфекционных болезней (на 100 тыс. смертей). По Азербайджану взят как 102 (72 место в рэнкинге от лучшего показателя к худшему).

Первый и второй показатели взяты из базы данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (*Food and Agriculture Organization of the U.N.*), третий, четвертый и шестой – Всемирной организации здравоохранения, а пятый – Межведомственной группы ООН по оценке детской смертности (*UN Inter-agency Group for Child Mortality Estimation*).¹

¹ С методологией и техникой исчисления, а также информационными источниками подиндексов, рассматриваемых в этом и шестнадцатом отступлениях, можно ознакомиться в Методологическом докладе (см.: *Social Progress Index 2014 Methodological Report*; доступно на: <http://www.socialprogressimperative.org/data/spi/methodology>; просмотрено – сентябрь 2014); Официальная статистика Азербайджана дана по Интернет-сайту ГКС (см.: <http://www.stat.gov.az/source/demography>; просмотрено – сентябрь 2014).

В *Диаграмме 7* Индексы левизны (правизны) экономики сопоставлены с субиндексами удовлетворения базовых потребностей.¹

¹ Составлена по: *Social Progress Index 2014 – Data*; доступно на: http://www.socialprogressimperative.org/data/spi#data_table/countries/com1/dim1,com1,dim2,dim3; просмотрено – сентябрь 2014.

Следует учитывать, что в качестве одного из показателей степени социальной ориентированности экономики уровень удовлетворения базовых потребностей обладает некоторыми особенностями, подтверждаемыми также и Диаграммой. Во-первых, в абсолютном большинстве богатых стран базовые потребности населения в основном удовлетворяются. В этих странах данный вопрос считается не столь актуальным. Примерно одинаковый уровень удовлетворенности базовых потребностей в этих странах и близость их показателей к абсолютному значению вполне естественны. Лишь Италия несколько отстает от остальных богатых стран. Ее субиндекс равен 86,73, а у остальных развитых государств колеблется между 89,82 (США) и 95,73 (Дания).

Между тем, в государствах ВЕЦА базовые потребности удовлетворяются на разных уровнях. Самый низкий показатель принадлежит Кыргызстану (64,42), самый высокий – Хорватии (88,16). Азербайджан занимает серединную позицию (76,19) – 60 место среди 132 проранжированных стран. При рассмотрении подиндексов выясняется, что показатели обеспеченности питьевой водой и канализацией (86 место) и доступа к питанию и базовому медицинскому обслуживанию (66 место) «тянут» Азербайджан вниз, а жилищных условий (38 место) и личной безопасности (51 место), напротив, поднимают его наверх. В ближайшие годы по подиндексу обеспечения населения питьевой водой и канализа-

цией произойдет существенное улучшение рейтинга: во многих городах страны работы по решению проблем в этой области близки к завершению, а система водоснабжения Апшеронского полуострова, благодаря прокладке водопровода Огуз-Габала-Баку, практически создана заново.

Данные Диаграммы 7 показывают, что между левизной-правизной экономики и уровнем удовлетворения базовых потребностей стран ВЕЦА нет прямой корреляции. Левые и правые экономики могут быть одинаково успешными в удовлетворении базовых потребностей. Это не зависит от левизны-правизны экономики, хотя, по традиционным представлениям, деятельность государства, направленная на удовлетворение базовых потребностей населения, должна бы усиливать социальную ориентированность экономики.

Правда, существуют специфические социальные проблемы, которые связаны с развитием физической инфраструктуры и в большинстве стран решаются именно государством. Например, вышеупомянутый водопровод Огуз-Габала-Баку был построен на средства Государственного Нефтяного Фонда Азербайджана, под непосредственным руководством Президента страны. Подобное инфраструктурное строительство, осуществляемое государством, повышает одновременно и левизну, и социальную ориентированность экономики и, в целом, общее социальное развитие страны. Однако, во-первых, никто не станет утверждать, что какая-либо экономика вообще лишена элементов левизны, и, во-вторых, иногда крупные инфраструктурные проекты могут реализовываться и без прямого вмешательства государства. Следует также учесть, что социальные программы, которые реализуются за счет финансовых средств, получаемых от экспорта природных ресурсов (в данном случае – нефти), представляют собой особую форму государственного вмешательства в экономику и, как было показано выше, порой приводят к отклонениям от закономерных зависимостей между левизной-правизной экономики и ее социальной ориентированностью.*

4.3.2. Сопоставление с субиндексом базовых условий общественного благосостояния

Второй субиндекс, предложенный аналитической группой «Императив социального прогресса» для измерения уровня социального

* См.: 2.2. Налоговое бремя и социальные программы.

развития, также исчисляется на основе четырех подиндексов: (i) доступности начального образования, (ii) доступности информации и коммуникаций, (iii) здравоохранения и здоровья, (iv) экологической среды. Для нашего исследования этот субиндекс также представляет интерес, так как его показатели в значительной степени формируются под влиянием государственных социальных программ.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Подиндекс доступности начального образования Азербайджана

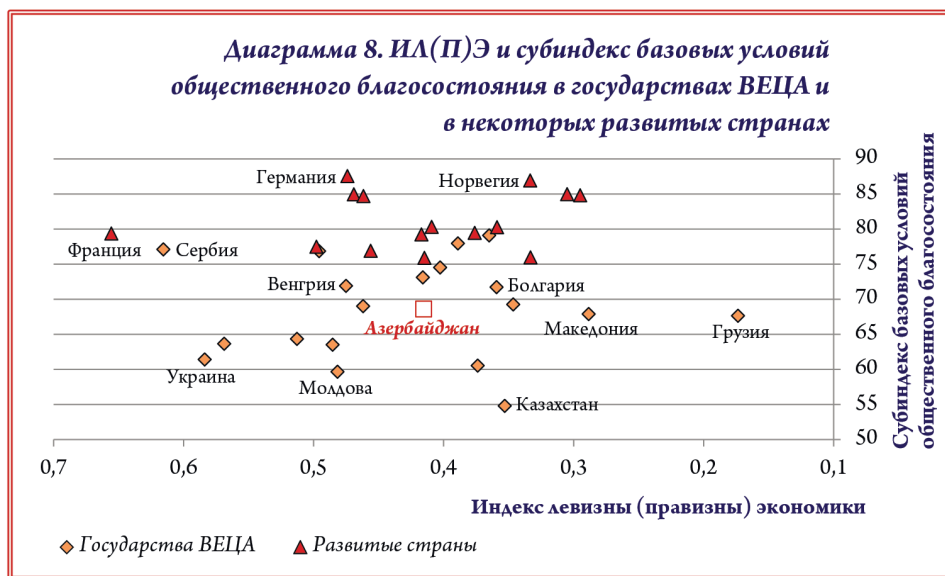
Как и в предыдущем случае, в качестве примера рассмотрим один из подиндексов и его показатели по Азербайджану.

Подиндекс доступности начального образования исчисляется на основе 5 показателей:

- удельный вес умеющих читать и писать (в общей численности населения в возрасте свыше 15 лет). В Азербайджане этот показатель довольно высок – 99,8%. Всего в двух странах мира все население (100%) умеет читать и писать. Азербайджан делит 3-6 места;
- удельный вес учеников начальных школ (в общей численности детей соответствующего возраста). В Азербайджане этот показатель составил всего лишь 86,6% и он, соответственно, занял 106 место;
- удельный вес учеников первой ступени среднего образования (в общей численности детей соответствующего возраста). Этот показатель чуть выше, но тем не менее, не может считаться удовлетворительным (76 место);
- удельный вес учеников второй ступени среднего образования (в общей численности детей соответствующего возраста). По этому показателю Азербайджан занимает 13 место;
- гендерное равенство в средней школе (девочки / мальчики). Азербайджан входит в большую группу стран с полным равенством числа девочек и мальчиков (22-92 места).

Все показатели подиндекса взяты из статистических ресурсов UNESCO.

В *Диаграмме 8* Индексы левизны (правизны) экономики разных стран сопоставляются с их субиндексами базовых условий общественного благосостояния.

По субиндексу базовых условий благосостояния Азербайджан занимает 67 место среди 132 стран. Он является 57-м по подиндексу доступности начального образования, 62-м – по подиндексу доступности информации и коммуникаций, 101-м – по подиндексу здравоохранения и здоровья и 79-м – по подиндексу экологической среды. Места страны по первой паре подиндексов выше места по субиндексу в целом, а по второй – ниже. Это указывает на то, что показатели первого и второго подиндексов в настоящее время поднимают рейтинг страны, а третьего и четвертого, напротив – понижают.

Закономерность, которая наблюдалась до сих пор, подтверждается и в этом случае: ни в развитых странах, ни в государствах ВЕЦА базовые условия благосостояния общества не зависят от левизны-правизны экономики, т.е. от тех форм и методов государственного вмешательства в экономику, которые формируют эти ее свойства. Если измерять уровень общественного благосостояния только его базовыми условиями и при этом следовать традиционному подходу, то пришлось бы утверждать, что экономика Молдовы более социально-ориентированна,

чем Азербайджана, поскольку она характеризуется большей левизной. Но это далеко не так: на самом деле степень социальной ориентированности экономики Азербайджана выше. Это утверждение можно применить к большинству стран – за исключением нескольких государств, находящихся на крайних точках политико-экономического спектра. Например, казахстанская экономика располагается левее македонской и вроде бы должна быть более социально-ориентированной, а в действительности уступает ей по данному параметру. Венгерская экономика правее украинской и ее социальная ориентированность должна бы быть ниже, а на самом деле – она выше. Общий вывод из оценки общественного благосостояния по его базовым условиям таков: правые экономики могут быть и часто бывают более социально-ориентированными, чем левые экономики, обладающими с ними примерно одинаковым уровнем развития.

4.4. О двух факторах, усложняющих зависимость социальной ориентированности экономики от государственных социальных программ

Следует отдельно рассмотреть два фактора, которые усложняют зависимость социальной ориентированности экономики от социальных программ, реализуемых государством, а стало быть, также и от левизны-правизны экономики.

4.4.1. Фактор времени

Известно, что результаты основных социальных программ государства начинают проявляться через определенный временной лаг после их реализации. Это, однако, относится не ко всем государственным программам, усиливающим левизну экономики. К примеру, когда объем выделяемых из государственного бюджета социальных пособий на одного человека увеличивается или уменьшается, то последствия этого проявляются довольно быстро. На это уходит столько времени, сколько проходит от утверждения бюджета на очередной год до выдачи первого пособия.

В некоторых случаях результаты даже тех программ косвенной социальной защиты, которые не предусматривают прямого распределе-

ния в денежной форме, также проявляются сравнительно быстро. К ним могут быть отнесены, в частности, программы государственной поддержки ипотеки. В государственном бюджете Азербайджана на 2014 год (статья 8.13.1.2) на эти цели выделено 40 млн. манатов (50 млн. долл. США), что составляет примерно 0,2% расходов государственного бюджета. Но в данном случае важна не сумма, а то, что жилищные условия людей, купивших квартиры по ипотеке, улучшаются сразу. Правда, в течение многих лет им приходится возвращать кредиты по ипотеке и по этой причине та часть их реальных доходов, которую они могли бы направить на удовлетворение других потребностей, соответственно уменьшается. При исчислении уровня благосостояния расходы на погашение ипотечного кредита не вычитаются из совокупных доходов, так как они не уменьшают доход, а лишь модифицируют структуру расходов. Таким образом, после выделения государством средств на поддержку ипотечного кредитования, жилищные условия определенной части населения улучшаются, и в этом случае от принятия и реализации государственной программы до ее влияния на степень социальной ориентированности экономики проходит не так много времени.

В некоторых же областях, особенно в образовании и здравоохранении, от принятия и исполнения государственных программ до улучшения показателей, характеризующих социальную ориентированность экономики, как правило, проходит довольно длительный отрезок времени. Это приводит к искажениям оценки социальной ориентированности экономики: социальные расходы текущего года (периода) приходится сравнивать с социальными результатами действий (и расходов), предпринятых в предыдущие годы.

Например, конечной целью государственных программ в сфере здравоохранения является улучшение здоровья населения. Однако бессмысленно искать зависимость между объемом средств, выделяемых на здравоохранение в течение года, и показателями уровня здоровья населения на конец того же года. Речь идет об индикаторах, используемых в настоящее время, в частности, о показателе ожидаемой при рождении продолжительности жизни (ОПЖР). Расходы на здравоохранение не могут сразу улучшить показатели вроде ОПЖР. Так, лечебница, построенная на средства государственного бюджета в текущем году, будет на протяжении многих десятилетий влиять на улучшение показателей

здоровья населения. Точно так же, текущее состояние здоровья населения является результатом социальных программ (и не только их), реализованных в предшествующие десятилетия.

Поэтому даже максимально возможное увеличение налогов и максимально возможное расширение за счет этого государственных программ в области здравоохранения, хотя и приближают экономику к крайней левизне, но повышают степень ее социальной ориентированности не адекватно и сразу, а с определенным временным лагом. Ныне доминирующие концепции социальной ориентированности экономики не в состоянии учитывать этот принципиальный момент, так как отождествляют с ней левизну экономики. Причем это не просто «обычное» теоретическое заблуждение.

Приравнивание левизны экономики к ее социальной ориентированности (или наоборот – социальной ориентированности экономики к ее левизне) может придать проводимой или планируемой в стране экономической политике ошибочное направление и, в конечном счете, привести к серьезному отклонению общественного развития от его нормальной траектории.

4.4.2. Эффективность социальных программ

Второй фактор, существенно усложняющий зависимость между левизной-правизной экономики и ее социальной ориентированностью, связан с эффективностью социальных программ. Наиболее общим экономическим критерием, который может быть использован для оценки масштабов социальных программ, являются выделяемые на них финансовые ресурсы. Именно поэтому при конструировании Индекса левизны (правизны) экономики нельзя было обойтись без субиндекса государственных финансов, определяющегося удельным весом бюджетных расходов в ВВП, и субиндекса социальных расходов, исчисляющегося на основе удельного веса социальных расходов в государственном бюджете. Увеличение относительного объема социальных расходов государства действительно усиливает левизну экономики, однако мера происходящей при этом «социализации» экономики зависит не только от объема этих расходов, но и от эффективности их использования.

Страны, реализующие идентичные социальные программы с примерно одинаковыми экономическими параметрами, могут добиться совершенно разных результатов. Допустим, что снижение младенческой смертности одинаково актуально для двух государств, характеризующихся примерно одинаковым уровнем экономического развития. С этой целью они выделяют из государственного бюджета одинаковые суммы, и поскольку их ВВП примерно равны, то и удельный вес выделенных средств в ВВП также одинаков. Однако по сравнению с первой страной во второй управление государственными средствами осуществляется более эффективно, коррупции меньше, цены при государственных закупках не завышаются (или меньше завышаются), в научно-техническом плане программа составлена более грамотно, этапы и приоритеты в разрешении проблемы определены четче. Соответственно, эффективность реализованных социальных программ будет существенно различаться. В результате, расходы на государственные программы по снижению младенческой смертности в обоих государствах в одинаковой степени сдвинут экономику влево, однако социальный результат, полученный благодаря реализации этих программ (реальное снижение младенческой смертности), во втором государстве будет больше, чем в первом.

При рассмотрении вопроса об оптимальном значении ИЛ(П)Э было отмечено, что индикативный метод можно применять и к различным отраслям экономики. К высказанным выше суждениям следует добавить, что можно оценивать степень левизны-правизны также и отдельных отраслей. В частности, применительно к здравоохранению (или образованию) в качестве критерия левизны-правизны можно использовать показатель удельного веса государственных расходов на них в соответствующих общих расходах. Чем выше этот показатель, тем выше уровень государственного вмешательства. Вместе с тем, доля государственных расходов в совокупных расходах на здравоохранение (образование) сама по себе не позволяет точно оценивать их объем. Для оценки их относительной величины следует обратиться, например, к удельному весу расходов на здравоохранение (образование) в ВВП. Приводимые в *Таблице 26* данные позволяют сравнить по 38 странам абсолютную величину расходов на здравоохранение на душу населения, долю государственных средств в расходах на здравоохранение и удельный вес расходов на здравоохранение в ВВП.

Наименьший удельный вес государственных средств в общих расходах на здравоохранение у Грузии (18%), Азербайджана (22,8%) и Сингапура (37,6%), и это вполне объяснимо, так как экономики этих государств находятся на правом полюсе. Однако в четырех государствах (Дании, Норвегии, Новой Зеландии и Великобритании), экономика которых также характеризуется правизной, удельный вес государственных расходов на здравоохранение чрезмерно высок (соответственно – 85,5%, 85,1%, 82,7% и 82,5%). Этот вопрос требует самостоятельного рассмотрения.

Таблица 26. Расходы на здравоохранение в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2012 г.)¹

Страна	Расходы на здравоохранение на душу населения (долл. США)	Удельный вес расходов на здравоохранение в ВВП (%)	Удельный вес государственных средств в общих расходах на здравоохранение (%)	Страна	Расходы на здравоохранение на душу населения (долл. США)	Удельный вес расходов на здравоохранение в ВВП (%)	Удельный вес государственных средств в общих расходах на здравоохранение (%)
1	2	3	4	5	6	7	8
Норвегия	9 055	9,0	85,1	Латвия	792	6,0	56,7
США	8 895	17,9	46,4	Турция	665	6,3	73,9
Дания	6 304	11,2	85,5	Сербия	561	10,5	61,2
Австралия	6 140	9,1	66,9	Казахстан	521	4,2	57,8
Швеция	5 319	9,6	81,7	Болгария	516	7,4	56,3
Япония	4 752	10,1	82,5	Черногория	493	7,6	59,7

¹ См.: Статистическая база Всемирного банка: *расходы на здравоохранение на душу населения* (<http://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.PCAP/countries>), *удельный вес расходов на здравоохранение в ВВП* (http://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.TOTL.ZS/countries?order=wbapi_data_value_2012+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=desc), *удельный вес государственных средств в общих расходах на здравоохранение* (<http://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.PUBL>); все просмотрены – сентябрь 2014.

1	2	3	4	5	6	7	8
Франция	4 690	11,7	76,9	Босния-Герц.	447	9,9	71,1
Германия	4 683	11,3	76,3	Румыния	420	5,1	77,7
Великобритания	3 647	9,4	82,5	Азербайджан	398	5,4	22,8
Новая Зеландия	3 292	10,3	82,7	Грузия	333	9,2	18,0
Италия	3 032	9,2	78,2	Македония	327	7,1	64,1
Испания	2 808	9,6	73,6	Украина	293	7,6	54,9
Сингапур	2 426	4,7	37,6	Молдова	239	11,7	45,5
Кипр	1 949	4,7	43,1	Албания	228	6,0	47,6
Венгрия	987	7,8	63,6	Армения	150	4,5	41,8
Хорватия	908	6,8	82,3	Узбекистан	105	5,9	53,1
Россия	887	6,3	61,0	Кыргызстан	84	7,1	60,1
Литва	859	6,7	70,8				

Азербайджан, который по низкости удельного веса государственных расходов на здравоохранение отстает лишь от Грузии (или опережает и ее – если оценивать положение с позиции левизны отрасли), по общим расходам на здравоохранение на душу населения впереди 8 стран, в том числе и Грузии.

Пострановые показатели ожидаемой продолжительности здоровой жизни при рождении (ОПЗЖР)* не очень сильно коррелирует ни с общими, ни с государственными расходами на здравоохранение. В первом случае (расходы на здравоохранение и продолжительность здоровой жизни) коэффициент детерминации по степенной линии тренда в развитых странах равен 0,179, а в государствах ВЕЦА – 0,239. Сложившаяся в развитых странах ситуация вообще трудно поддается интерпретации: в Норвегии и США, где расходы на здравоохранение на душу населения больше, чем во всех остальных странах, ОПЗЖР ниже, чем на Кипре, в Сингапуре, Испании и Италии, где эти расходы сравнительно меньше. Продолжительность ожидаемой при рождении здоровой жизни в первой паре стран составляет, соответственно, 71 и 70 лет, на

* Ниже этот показатель будет рассмотрен подробнее; см.: 5.2.2. Экономическое развитие, повышение материального благосостояния и здоровье населения.

Кипре и в Сингапуре – соответственно, 74 и 76 лет, а в Испании и Италии – 73 года.¹

Во втором случае (государственные расходы на здравоохранение и продолжительность здоровой жизни) корреляция примерно так же слаба. В странах ВЕЦА зависимость ОПЗЖР от государственных расходов на здравоохранение несколько выше ($R^2 = 0,246$), а в развитых странах коэффициент детерминации даже ниже, чем в случае с общими расходами на здравоохранение (0,104), причем линия степенного тренда имеет траекторию снижения. В Норвегии, где государственные расходы на здравоохранение на душу населения составляют 7 706 долл. США, продолжительность здоровой жизни равна 71 году, а в Японии, где эти расходы составляют 3 920 долл. США – 75 лет, и такая непропорциональность характерна для многих стран.

Итак, можно утверждать, что между расходами государства на социальные программы и показателями, отражающими результаты социального развития, нет прямой корреляции. Как ожидаемая продолжительность жизни, так и продолжительность здоровой жизни, зависят от целого ряда других факторов, рассмотрение которых не входит в предмет нашего исследования. Эффективность реализации государственных социальных программ, хотя и не относится к главным среди этих факторов, но все-таки может считаться одним из них.

4.5. Левизна экономики под прикрытием ее социально-ориентированности

Интерпретация социальной ориентированности экономики как активное и все более расширяющееся вмешательство государства в экономику в стремлении повысить благосостояние своих граждан, приводит к принятию одной из самых ошибочных политико-экономических стратегий развития общества. Удивительно, что во многих странах нередко даже высокие интеллектуалы и продвинутая интеллигенция ожидают и требуют от государства именно этого – активного вмеша-

---

¹ Эти и последующие данные по ОПЗЖР взяты из статистической базы ВОЗ (см.: WHO – *World Health Statistics 2014, Table 1: Life Expectancy and Mortality*, pp. 60-69; доступно на: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2014/world-health-statistics-2014/en>; просмотрено – сентябрь 2014.

ства в общественную жизнь. Такие ожидания довольно сильны также и в Азербайджане. Представители научно-технической и художественной интеллигенции в своих работах и публичных выступлениях регулярно подчеркивают, что государству следует полностью взять на себя ответственность и контроль за всеми аспектами социальной жизни. Вряд ли они до конца отдадут себе отчет в том, что это со временем привело бы к переходу под монополию государства почти всей общественной жизни, и в первую очередь, экономики.

Эти суждения являются проявлениями продолжающейся инерции советского мышления. Результат опроса, который в середине 2014 года был проведен среди сотрудников Института экономики НАНА и Государственного экономического университета, подтвердил эту оценку. Вопрос состоял в том, была ли экономика СССР социально-ориентированной. Как и ожидалось, абсолютное большинство ответов оказалось положительным. Поскольку в СССР отождествление социальной ориентированности экономики с ее левизной, максимальный сдвиг экономики влево под лозунгами ее социализации достигли своего апогея, более подробное рассмотрение этого вопроса может представлять определенный интерес.

Советское обществоведение в целом, и экономическая теория (политическая экономия) в частности, основывались на специфическом философском принципе – материалистическом понимании истории. Суть марксистского исторического материализма состоит в том, что общество управляется внутренне ему присущими и не зависящими от воли людей объективными законами. Каждой из пяти общественно-экономических формаций, через которые в своем поступательном развитии проходит человечество, присущ один основной экономический закон, выражающий главную цель экономики и выступающий ее движущей силой. Например, основным экономическим законом капитализма является закон прибавочной стоимости. Главная цель капиталиста – получение прибыли путем эксплуатации наемного рабочего. Вся политико-экономическая система и вся сила государства направлены на реализацию этой цели. Что же касается социализма, то его основным законом является все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей всех членов общества. Под социалистическим обществом подразумевался, в первую очередь, СССР, хотя его политико-

экономический строй был далек от той системы, которую так красочно и вдохновенно описывали основоположники теории социализма.

Десятилетия спустя после образования СССР выяснилось, что, вопреки уверениям государственной пропаганды и официальной науки (в том числе политэкономии), по сравнению с капиталистической (т.е. рыночной) экономикой, советская экономическая система неэффективна и не в состоянии поступательно повышать благосостояние народа в достаточной мере. Напротив, со временем социальные проблемы все более обострялись. Страна жила в условиях хронического дефицита, а со временем пришлось ввести карточную систему. Многие потребительские товары можно было «достать» только «по знакомству». В 1980-х годах такие необходимые продовольственные товары, как мясо и масло, начали продаваться по талонам (в Баку на каждого человека ежемесячно выдавали талоны на полкилограмма мяса и полкилограмма масла). «Достать» эти товары даже по талонам было нелегко. Москва, столица СССР, обеспечивалась продовольствием в особом порядке, но для того, чтобы приезжие из других республик и иных регионов России не «обезтоварили» рынок, талонная система применялась и в Москве. На каждого москвича ежемесячно выдавали талоны на 0,5 кг колбасы, 400 г масла, 2 бутылки водки. Во многих городах сахар, чай, табачные изделия продавались только по талонам. В Ташкенте без талонов нельзя было купить мыло, калоши и даже спички.

Несмотря на все это, официальная пропаганда и «государственная наука» СССР называли советский строй социалистическим и претендовали на то, что его экономика нацелена на неуклонное повышение благосостояния народа. На самом же деле, экономика СССР работала не на людей, а на себя. Для иллюстрации этого тезиса проведем небольшой исторический экскурс.

В XIX веке К.Маркс, проанализировав условия реализации (продажи) совокупного общественного продукта, пришел к выводу, что для перманентного расширения материального производства, производство средств производства должно увеличиваться быстрее, чем производство предметов потребления. Со временем это положение Маркса стало подвергаться критике, и тогда В.Ленин, объявивший себя продолжателем его дела, как бы встав на защиту его учения, «открыл» следующий закон: в расширяющейся экономике быстрее всего должно расти

производство средств производства для производства средств производства, несколько медленнее – производство средств производства для производства предметов потребления, и медленнее всего – производство предметов потребления.

После октябрьского переворота 1917 года большевистская Россия оккупировала соседние суверенные государства, в том числе Азербайджанскую Демократическую Республику, и «объединив» их в 1922 году в советской империи (СССР), приступила к строительству «социализма». Рыночные механизмы регулирования экономики сменились командно-административным управлением. С того времени государство стало в директивном порядке определять (планировать), что и сколько будет произведено, кому и за сколько будет поставлено. «Научную основу» централизованного планирования якобы составляли объективные экономические законы социализма, среди которых одним из наиболее важных считался «закон преимущественного роста средств производства». Анализ отраслевой структуры экономики СССР в канун его развала показывал, что она (экономика) постепенно превратилась в бессмысленный оборот природных ресурсов и труда: к середине 1980-х годов более 80% материального производства состояло из производства средств производства. Преимущественный рост производства средств производства приобрел новое целевое предназначение – еще «более преимущественный рост» средств производства в будущем. Страна производила все больше средств производства для того, чтобы в будущем произвести их еще больше. Экономика работала не для человека, а на себя.

Экономика СССР была экстремально левой, но, однозначно, не социально-ориентированной. Суть термина «социально-ориентированная экономика» состоит в том, что экономика функционирует не для себя, не для какой-либо отдельной группы (партии, этноса, общины и т.д.), а для всего общества и каждого человека. Экономика СССР, вне всякого сомнения, таковой не была.

Отождествление социально-ориентированности с левизной деформирует экономическую политику и, в конечном итоге, приводит к тому, что экономика развивается в неверном, нерациональном направлении.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Равновесие между экономическим и социальным развитием

5.1. Концептуальная основа

Глобальный экономический кризис 2008 года показал, что стабильно высокие темпы экономического роста на протяжении относительно длительного времени не всегда свидетельствуют о гарантированности экономического развития в будущем. Существуют экономические и социальные «болезни», которые могут прервать или, по меньшей мере, резко замедлить экономический рост – даже при отсутствии видимых угроз. Причем эти болезни могут быть как внутренними, т.е. обусловленными собственными закономерностями развития страны, так и привнесенными из внешнего мира. Как только начался кризис, сразу же выявилась ошибочность докризисных представлений о надежности экономического роста. Выяснилось, что достичь экономического развития мало, необходимо создать также условия для того, чтобы оно успешно и перманентно продолжалось. Надежное экономическое развитие превратилось во все более актуализирующийся приоритет для всех государств – как развитых, так и развивающихся.

Экономическое развитие можно считать надежным при трех условиях:

- а) экономика стабильно увеличивается темпами, максимально возможными при ее масштабах и потенциале, сложившейся

внешней и внутренней общественно-политической ситуации – обозначим это «устойчивым развитием»;

- б) экономика обладает способностью достаточно эффективного противостояния внешним негативным воздействиям, своего рода иммунитетом к ним – обозначим это «неуязвимым» развитием;
- в) экономика ориентируется не только на текущий рост, а сберегает часть ресурсов, прежде всего – природных, для будущего развития, т.е. имеет потенциальные возможности для поддержания роста в длительной перспективе – обозначим это «долговременным» развитием.

Надежность экономического развития достигается, таким образом, тогда, когда оно устойчиво, неуязвимо и долговременно.

До кризиса экономика Ирландии была одной из самых стабильных и быстроразвивающихся в мире. В 2004-2007 годах ее ВВП вырос, соответственно, на 4,2%, 6,1%, 5,5% и 5,0%.¹ В 2007 году в Великобритании ВВП на душу населения с поправкой на ППС составил 36,3 тыс., а в Ирландии, завоевавшей независимость от нее лишь в 1921 году – 42,7 тыс. международных долларов.² В середине 2000-х годов Ирландия входила в десятку самых успешных государств мира по привлечению прямых иностранных инвестиций, а по относительному объему прибыли, реинвестированной зарубежными компаниями в стране, была мировым лидером.³ Всего 40 лет назад Ирландия считалась беднейшей страной Европы, а к середине 2000-х годов превратилась в одного из мировых лидеров по уровню экономического развития. В поиске путей достижения стабильного экономического роста многие правительства и эксперты, в том числе и азербайджанские, обращались к изучению и ирландского опыта.

---

¹ См.: *Статистическая база Всемирного банка*; доступно на: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>; просмотрено – август 2014.

² См.: *Статистическая база МВФ*; доступно на: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx>; просмотрено – август 2014.

³ См.: *UNCTAD – World Investment Report 2005: Transnational Corporations and the Internationalization of R&D*, p. 12; доступно на: http://www.unctad.org/en/docs/wir2005_en.pdf; просмотрено – август 2014.

Однако неожиданно для всех и, прежде всего, для самой Ирландии, кризис 2008 года поставил ее экономику на грань катастрофы. В 2008-2010 годах ВВП стал уменьшаться – соответственно, -2,2%, -6,4% и -1,1%.¹ Инвестиции резко сократились: в 2007 году они составляли 26,1% от ВВП, а в 2010 году – всего 11,8%.² Множество предприятий обанкротилось, значительно возросла безработица.

Кризис показал, что экономика Ирландии неустойчива к внешним потрясениям. Конечно, самым «удобным» объяснением причин в таких ситуациях является ссылка на глобализацию, как большинство правительств обычно и поступает. Но истинная проблема состоит в следующем: возможно ли (и если да, то с помощью каких механизмов) в условиях современной глобализации, когда экономика становится более открытой – по сравнению с предыдущими периодами – к внешним воздействиям, уберечь ее от разрушительного влияния негативных процессов, исходящих из внешнего мира?

По-видимому, государство должно заблаговременно создать для своей экономики своеобразный «пояс безопасности», способный сыграть роль «буфера» перед внешними негативными воздействиями. В роли «финансовой подушки» могут выступить, например, международные резервы страны. Экономика государств, которые, подобно Азербайджану, обладают относительно большими резервами, сравнительно безболезненно перенесла кризис 2008 года – особенно с точки зрения его социальных последствий. Это, конечно же, вовсе не означает, что кризис вообще не сказался на экономике таких стран. Расчеты, проведенные Б.Ахмедовым на основе им же сконструированного «Индекса утраченных возможностей», показали, что среди стран СНГ (включая Грузию) Азербайджан стал 6-м (если взять за основу прогнозы МВФ), или 5-м (если основываться на прогнозах самого автора) государством, наиболее пострадавшим от кризиса.³ Тем не менее, Азербайджану удалось избежать полосы глубоких экономических и социаль-

¹ См.: *Статистическая база Всемирного банка*; доступно на: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>; просмотрено – август 2014.

² См.: *Статистическая база МВФ*; доступно на: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx>; просмотрено – август 2014.

³ См.: *B.Ahmadov. Opportunity Cost of the Crisis: Crisis Loss Ranking for the CIS Countries. – The Caucasus & Globalization, 2010, Vol. 4, pp. 76-87.*

ных стрессов, так как ее международные валютные резервы смогли сыграть роль «финансовой подушки». Это означает, что в настоящее время экономика Азербайджана является менее уязвимой, чем Ирландии и многих других стран.

Что же касается долговременности экономического развития (обычно переводимой с английского *sustainability* на русский как «устойчивость»), несмотря на ее всеобщее признание в качестве термина и подробное описание в литературе (под названием устойчивости), измерить ее весьма сложно. Спрогнозировать даже то, какие из ныне активно используемых исчерпаемых природных богатств (нефть, газ, уголь и т.д.) продолжат оставаться источниками энергии и производственными ресурсами, скажем, в ближайшие 30 лет, очень сложно. Поэтому не так просто сделать правильный, научно обоснованный выбор между их консервацией для использования в будущем, с одной стороны, и добычей, экспортом и «консервацией» полученных доходов (как в денежной форме, так и в виде иных ценностей) – с другой. По-видимому, ценность понятия долговременности экономического развития в том и состоит, что оно привлекает внимание к негативным глобальным экологическим изменениям, недопустимости чрезмерного загрязнения природной среды (особенно углекислым газом – главной причиной «парникового эффекта»), которые в решающей степени являются следствием нерационального использования природных ресурсов.

Устойчивость, неуязвимость и долговременность экономического развития обладают свойством взаимозамещения: за счет ослабления одного компонента можно усилить другой (другие). Например, если государство направляет часть средств, полученных от экспорта, на увеличение международных валютных резервов, отвлекая их от производственного потребления, то устойчивость экономического развития в некоторой степени ослабевает, но взамен этого усиливается неуязвимость.

Практическое обеспечение надежности экономического развития осложняется тем, что оно зависит не только от собственно экономических факторов, но и от других составляющих общественного развития. В теоретическом плане следует исходить из того, что кривые развития различных сфер общественной жизни, включая экономику, политику, религию, науку, образование, здравоохранение, культуру, колеблются вокруг общей линии общественного развития, которая и складывается

как их интегральный результат. В историческом плане (скажем, в столетних временных отрезках) эти кривые, как бы сильно они не отклонялись от общей линии, не могут существовать изолированно, окончательно оторвавшись от нее. Каждая сфера общественной жизни обладает силой притяжения для других (притягивает их к себе) и стремится приблизить их к своему уровню развития (более высокому или низкому – не имеет значения) и траектории, что и обуславливает стремление всех кривых к общей линии развития. То, какая именно из сфер общественной жизни «окажется сильнее» и сможет притянуть к себе другие, зависит от множества обстоятельств, в том числе от их «веса и силы» на том или ином конкретном историческом этапе, меры социальной важности функций, выполняемых ими в общественной жизни.

СЕМНАДЦАТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Взаимотяготение сфер общественной жизни: примеры из истории

История развития государств и регионов мира изобилует примерами, подтверждающими эту закономерность. Известно, что в Западной Европе капиталистическая экономика, зародившаяся в недрах феодализма, со временем привела к так называемым буржуазным революциям. Это означает, что экономическая система, притянув к себе политическую, способствовала ее развитию. В США, напротив, политическая система вырвалась вперед и подтянула вверх остальные: конституционно закрепленные политические права способствовали экономическому, а затем и культурному развитию.

В доисламский период арабские племена представляли собой разрозненные и крайне отсталые сообщества. Эту эпоху называют периодом джахилийя (невежество) – не только из-за безверия и идолопоклонничества. Девочек убивали при рождении, заживо погребая их под песками пустыни. Наряду с многоженством, о котором много сказано, существовало также и многомужество, когда несколько (до десяти) мужчин складывали деньги вместе, чтобы заплатить за «чрезмерно дорогую» невесту, а потом заходили в ее шатер по очереди, оставляя снаружи у двери свой посох, который информиро-

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЕМНАДЦАТОГО ОТСТУПЛЕНИЯ

вал остальных мужей о том, что в данный момент совместная жена занята. Этот обычай назывался «правом посоха». Формы правления лишь отдаленно напоминали государственность.¹

Зародившаяся новая религия оказалась неизмеримо более прогрессивной составляющей общественной жизни, чем остальные, и потянула их за собой. По сути дела, под эгидой Ислама началось строительство государства и формирование нации. В исторически краткие сроки были созданы армия, целостная финансовая система, служба связи, морской флот, вновь завоеванные территории были разделены на области (административно-территориальная реформа) и т.д. Затем началась «Золотая эпоха» Мусульманского Востока, связанная, прежде всего, с сельджукскими тюрками. Наряду с интенсивным развитием экономики, она ознаменовалась бурным прогрессом науки – математики, географии и минералогии, философии, сравнительной теологии и этики, астрономии, физики и химии, психологии, а также политологии. Невиданное, не только на Востоке, но и во всем мире, развитие получили медицина (особенно физиология и фармакология), практическая инженерия, а также искусства (поэзия, музыка, архитектура и живопись). Эти и многие другие достижения «Золотой эпохи» замечательно описаны в работах профессора Фредерика С. Старра.²

¹ Нравы и обычаи арабов в доисламский период, сложная борьба, которую вели за их обновление первые мусульмане во главе с Пророком, описаны во многих произведениях, в том числе в нескольких книгах, принадлежащих перу выдающегося азербайджанского писателя Мухаммед Асад-бека, также известного под псевдонимом Курбан Саид (см., напр.: *Мухаммед Асад-бек. Мухаммед. Последний Пророк.* – Баку, “Nurlan”, 2005; *Мухаммед Асад-бек, Вольфганг фон Вайсл. Аллах велик (Упадок и подъем Исламского мира от Абдул Гамида до Ибн Сауда).* – Баку, “Nurlan”, 2005).

² См.: *S. Frederick Starr. Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane.* – Princeton University Press, 2013; Фредерик С. Старр. Открывая Центральную Азию заново...; доступно на: <http://www.trend.az/news/politics/1637454.html>; просмотрено – август 2014.

В современном мире различные сферы общественной жизни взаимодействуют несколько иначе – возможно, менее прямолинейно, но это вовсе не отменяет общую закономерность. Особым является случай, когда в силу каких-либо причин, в частности, ресурсного изобилия, экономическое благополучие государства и, соответственно, благосостояние общества значительно опережают другие сферы.¹ Именно это явление, как будет показано ниже, имеет сейчас место в Азербайджане.

Экономическое развитие может быть устойчивым, неуязвимым и долговременным лишь тогда, когда оно «поддерживается» более или менее синхронным развитием всех других сфер общественной жизни.

5.2. Экономическое развитие, социальное благополучие и «общественные болезни сытости»

При анализе экономики, особенно экономики ресурсоэкспортирующих стран, большое значение имеют ее масштабы, поскольку объем поступающей в страну валюты (точнее – ее возможное влияние на экономические и в целом общественные процессы) может быть правильно оценен лишь при соотнесении с масштабами экономики. Кроме того, от исходных величин зависят и темпы роста, в том числе скорость их замедления по мере увеличения масштабов экономики.

Экономика Азербайджана сравнительно невелика. В 2013 году Азербайджан производил всего 0,12% мирового ВВП и по этому показателю занимал 73 место среди 186 государств мира, а по ВВП на душу населения – 87 место (10 044 международных долларов).² При этом последние 10 лет страна демонстрирует беспрецедентный экономический рост, а в 2005-2007 годах Азербайджан занимал первое место в мире по темпам роста ВВП (соответственно – 26,4%, 34,5% и 25,0%). В 2006-2011 годах (всего за 5 лет) экономика выросла более чем в 2 раза (среднегодовые темпы роста были равны примерно 17,0%). *Диаграмма 9* по-

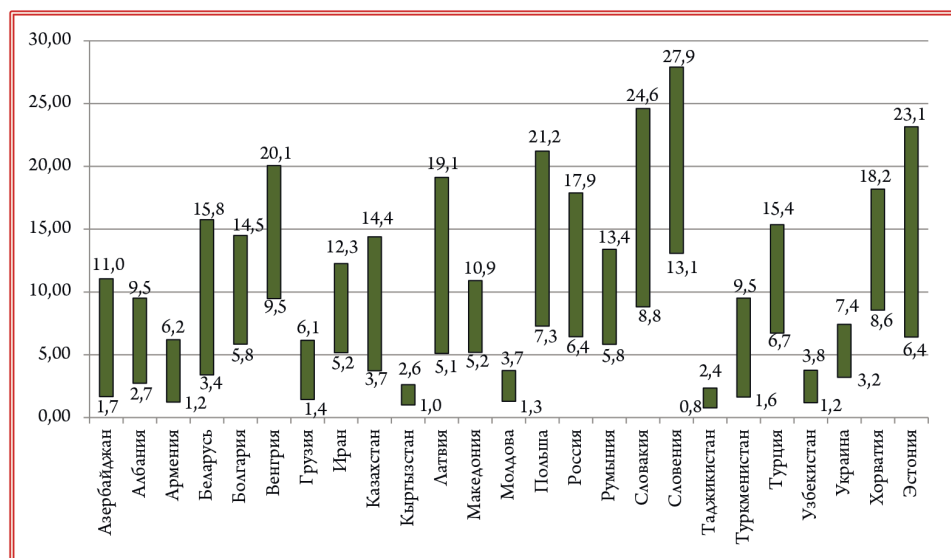
---

¹ Определенные аспекты этой проблемы, в частности, взаимосвязь между ресурсным изобилием и политическим развитием, можно считать достаточно хорошо исследованными (см., в частности: *Terry Lynn Karl. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States.* – University of California Press, 1997).

² Рассчитано по *Статистической базе МВФ*; доступно на: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx>; просмотрено – август 2014.

зволяет сравнить увеличение ВВП на душу населения в странах Восточной Европы и Центральной Азии в 1995-2013 годах.

Диаграмма 9. Рост ВВП на душу населения в государствах ВЕЦА (по ППС, тыс. межд. долл., 1995-2013 гг.)¹

По росту ВВП на душу населения в 1995-2013 годах Азербайджан с показателем 9,3 тыс. международных долларов относится к средней группе стран ВЕЦА. К группе государств, добившихся наибольшего роста, относятся Эстония (16,7 тыс.), Словакия (15,8 тыс.), Словения (14,8 тыс.), Латвия (14,0 тыс.) и Польша (13,9 тыс. межд. долл.). Вместе с тем, по соотношению показателей 2013 и 1995 годов самая высокая динамика отмечена в Азербайджане, где подушевой ВВП вырос в 6,5 раза. Это было обусловлено еще и тем, что стартовый показатель Азербайджана был ниже, чем у других стран группы, к которой он был отнесен. В Туркменистане, имевшем примерно одинаковый с Азербайджаном стартовый показатель и занимающем второе место в рэнкинге, ВВП на душу населения в 1995-2013 годах вырос в 6 раз.

¹ Составлена по статистической базе МВФ. В настоящее время МВФ относит Словакию, Словению и Эстонию к государствам еврозоны, однако, с географической точки зрения, они входят в Восточную Европу.

При всей очевидности решающего значения нефтегазового сектора в экономическом развитии Азербайджана, нельзя не отметить значительный прогресс, достигнутый за последние годы в других отраслях экономики. В 2003-2013 годах ВВП, произведенный в нефтяном секторе, возрос более чем в 6,7 раза (в текущих ценах) и в 2013 году приблизился к 30 млрд. манатов (38,5 млрд. долл. США). Наибольшая разница между ВВП нефтяного и ненефтяного секторов экономики в пользу второго также был отмечен в 2013 году – примерно 6 млрд. манатов (7,7 млрд. долл. США).¹ Ожидается, что в ближайшие годы тенденция преимущественного роста ненефтяных отраслей сохранится. Этому, помимо прочего, будут способствовать резко возросшие масштабы реконструкции инфраструктурных объектов, особенно транспортных артерий. Согласно заявлениям Правительства, предполагается значительно увеличить инвестиции в развитие сектора коммуникаций и связи, а также туризма.

Преимущественное развитие ненефтяных отраслей объявлено экономическим приоритетом ближайшего десятилетия. Значительную часть нефтяных доходов Правительство направляет на инвестиции в физическую инфраструктуру и коммерческие проекты в нефтяном секторе. Что касается структуры инвестиций, то в 2007-2008 годах в этой сфере проявились новые тенденции: местные инвестиции по объему превысили иностранные, а в общем объеме местных инвестиций увеличилась доля государственных. В 2012 году иностранные инвестиции в экономику Азербайджана составили 8,1 млрд. манатов (10,4 млрд. долл. США), а внутренние капиталовложения – 12,1 млрд. манатов (15,5 млрд. долл. США).² Одним из новых для страны экономических явлений стало то, что азербайджанские компании – как государственные, так и частные – начали активно инвестировать в крупные долгосрочные проекты за рубежом (главным образом, в Турции, России и Грузии).

Фундаментальным политическим результатом интенсивного экономического развития стало то, что Азербайджан превратился, с фи-

---

¹ По материалам ГКС Азербайджана (см.: http://www.stat.gov.az/source/system_nat_accounts; просмотрено – август 2014).

² См.: Бюллетень ГКС Азербайджана “*Azərbaycan rəqəmlərdə 2013*”; доступно на: <http://www.stat.gov.az/source/azfigures>; просмотрено – август 2014.

нансовой точки зрения, в самодостаточное государство. Финансовая самокупаемость является одним из важнейших критериев экономической независимости страны, ибо государство вообще не может считаться состоявшимся, если не может обеспечить собственное содержание и развитие. К концу 2013 года международные валютные резервы Азербайджана, исчисляемые как сумма средств Государственного Нефтяного Фонда, зарубежных депозитов правительства и иностранных авуаров Центрального банка, превысили 50,7 млрд. долл. США.¹ При этом внешний долг государства к тому времени составил всего 6,1 млрд. долл. США (8,2% от ВВП).² В настоящее время по показателю отношения международных резервов к ВВП (68,5%) Азербайджан входит в число мировых лидеров.

Изменения международных резервов характеризуют лишь соотношение между объемами валюты, заработанными и израсходованными страной, поскольку при равновеликом увеличении (уменьшении) объема валюты, поступившей в страну и вывезенной из нее, международные резервы остаются неизменными. Между тем, за последние 10-12 лет в этой сфере произошли радикальные перемены. В 2013 году вывозимая из Азербайджана иностранная валюта увеличилась по сравнению с 2000 годом в 9,7 раза (соответственно – 26,3 и 2,7 млрд. долл. США), а ежегодно поступающая в страну – еще больше, в 12,9 раз (соответственно – 38,6 и 3,0 млрд. долл. США). Увеличение объема расходуемой страной валюты является хотя и косвенным, но все же показателем роста материального благосостояния, поскольку в структуре импорта потребительские товары обладают значительным удельным весом.

Динамичное развитие экономики сопровождалось столь же динамичным улучшением благосостояния народа. В 2005-2013 годах номинальные доходы населения увеличивались в среднем на 22% в год, почти

---

¹ По материалам Государственного Нефтяного Фонда Азербайджанской Республики (доступно на: http://www.oilfund.az/uploads/annual_2013en.pdf) и Центрального Банка Азербайджана (доступно на: http://www.cbar.az/assets/3207/2014-ci_il_uzre_beunelxalq_ehtiyatlar.pdf); оба просмотрены – август 2014.

² См.: Статистика Министерства финансов Азербайджанской Республики; доступно на: <http://maliyye.gov.az/node/1694>; просмотрено – сентябрь 2014.

в 2,7 раза превышая среднегодовую инфляцию (8,3%).¹ В целом, доходы населения увеличились за этот период в 4,8 раза, а уровень бедности сократился в 7,6 раза. Следует к тому же учитывать, что реальный рост доходов и потребления на самом деле был еще выше, чем отражается официальной статистикой, поскольку удельный вес неформальной экономики, несмотря на заметное сокращение за последние 10 лет, все еще остается значительным.

Повышение материального благосостояния народа предполагает адекватное развитие также и социальных сфер общественной жизни. Однако так происходит не всегда. В частности, в последнее десятилетие в Азербайджане из-за очень высоких темпов экономического роста социальное развитие не поспевало за экономическим. В результате этого возникло несоответствие между материальным благосостоянием населения и его культурным уровнем. Это несоответствие привело к появлению ряда специфических проблем, являющихся признаками новой (по крайней мере, для Азербайджана) социально-экономической болезни, которую можно назвать «общественной болезнью сытости».²

Социальные «болезни сытости» следует отличать от однотипных экономических болезней. К последним относятся проблемы, возникающие, когда приток в страну финансовых средств начинает превышать абсорбтивные возможности ее экономики. Азербайджану, например, приходится предпринимать целенаправленные меры по предотвращению жесткого давления нефтяных доходов на финансовый рынок, результатом которого может стать недопустимо высокая инфляция. Национальная валюта непрерывно испытывает это давление, по мере усиления которого угроза удорожания маната по отношению к иностранным валютам усиливается – со всеми потенциальными негативными последствиями для экономики. Наиболее известной формой экономической (не общественной!) болезни сытости является «голландский синдром».

---

¹ См.: Статистическая база Центрального Банка Азербайджана; доступно на: http://www.cbar.az/assets/3220/bulleten_01-2014_azeri.pdf; просмотрено – сентябрь 2014.

² См.: Н.Музаффарли. «Болезни сытости» (О равновесии между экономическим и социальным развитием в Азербайджане). – Центральная Азия и Кавказ, 2012, том 15, вып. 2.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ**Об одном симптоме общественной болезни сытости**

Как человек, так и общество в целом могут страдать не только от голода, но и от чрезмерной сытости. Последствия бывают одинаково отрицательными.

Для получения общего представления о сути порождаемых общественной сытостью проблем достаточно понаблюдать за автомобильным движением в крупных городах Азербайджана, и в первую очередь в Баку. За последние годы автомобильный парк страны почти полностью обновился. В настоящее время Азербайджан ежегодно импортирует более 100 тыс. автомобилей (в 2013 году – 104,4 тыс.), в большинстве – легковых (в 2013 году – 94,9 тыс.). На импорт автомобилей страна тратит огромные – по масштабам экономики – средства (в 2013 году – примерно 1,4 млрд. долл. США).¹

Улицы азербайджанских городов изобилуют дорогими автомобилями, однако культура вождения их владельцев нередко «не соответствует стоимости автомобилей». Дорогой автомобиль, припаркованный чуть ли не по центру оживленной улицы, далеко не редкость. Иногда можно увидеть, как два водителя, открыв окна своих автомобилей в центре улицы, беседуют, не обращая внимания на возмущение позади стоящих автовладельцев. Правда, упорядоченность автомобильного движения зависит и от других факторов, в частности, эффективной работы дорожной полиции. Однако в настоящее время главная причина его беспорядочности в Баку кроется в сфере культуры. Как иначе объяснить, например, то, что одетый в дорогой костюм владелец дорогого автомобиля, как ни в чем не бывало, выбрасывает из приоткрытого окна на улицу пустую коробку из-под сигарет или пустую бутылку?! Это – явный симптом болезни сытости.

¹ См.: Статистическая база ГКС Азербайджана; доступно на: http://customs.gov.az/az/idxal_yid2013.html; просмотрено – сентябрь 2014.

5.2.1. Повышение материального благосостояния и образование

Для более полного раскрытия соотношения между экономическим и социальным развитием необходимо оперировать измеряемыми показателями. Можно, в частности, использовать результаты прикладных исследований по измерению уровня человеческого развития, проводимых начиная с 1990 года Программой развития ООН (ПРООН).^{*} В своих ежегодных обзорах ПРООН проводит межстрановые сравнения по четырем интегральным показателям, выявляет и прогнозирует глобальные тенденции. Наиболее общим и, пожалуй, главным среди этих показателей является Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).¹ Это – комбинированный индекс, измеряющий среднюю величину достижений по трем основным показателям человеческого развития: показателям здоровья, образования и материального благосостояния.

Для целей нашего исследования сопоставление повышения материального благосостояния с Индексом развития человеческого потенциала не имеет особого аналитического значения. Помимо прочего, этот индекс учитывает (включает в себя) также и уровень материального благосостояния. Что же касается сопоставления показателей материального благосостояния с индикаторами образования и здоровья, то оно дает весьма интересные результаты.

Индекс образования, который ПРООН использует для международных сравнений, рассчитывается как среднее геометрическое двух субиндексов – средней продолжительности обучения и ожидаемой продолжительности обучения. Под первой понимается среднее количество лет образования, полученное лицами в возрасте 25 лет и старше. Она исчисляется на основе предполагаемой продолжительности каждого уровня полученного образования. Второй субиндекс (ожидаемой продолжительности обучения) показывает количество лет образования, ко-

---

^{*} Одна из ведущих рабочих структур ООН (*United Nations Development Programme – UNDP*). В настоящее время ее основная функция состоит в координации национальных и международных усилий по реализации Целей Развития Тысячелетия.

¹ С докладом можно ознакомиться на сайте ПРООН (см.: *Human Development Report 2014 – Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience*, доступно на: <http://hdr.undp.org/en/2014-report/download>; просмотрено – сентябрь 2014). Краткое содержание доклада на русском языке доступно на: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>; просмотрено – ноябрь 2014.

торое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, при условии, что в течение его жизни сохранятся общие тенденции в области охвата населения образованием.* Исчисления проводятся на основе данных Института статистики *UNESCO*.

До 2009 года ПРООН рассчитывал индекс образования на основе двух других показателей – а) удельного веса грамотного населения и б) соотношения обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях.** Используемые в настоящее время показатели выглядят несколько более сложными, но ранее применявшиеся, судя по всему, позволяли более точно измерять степень вовлечения населения в образование и проводить межстрановые сравнения.

Нынешние показатели, во-первых, представляют собой разные модификации одного и того же показателя. Во-вторых, под продолжительностью образования ПРООН подразумевает также и время на высшее образование, включая время на получение степени магистра. Во многих богатых странах студенты сознательно продлевают период высшего образования. Это явление имеет специальное социологическое название – «продление молодости». В-третьих, до и после определенного временного интервала продолжительность обучения не несет в себе значимой информации ни о вовлечении населения в образование, ни о качестве образования. Например, если какая-нибудь страна отнесет дошкольную подготовку с 3 лет к начальному образованию, его индекс значительно повысится, но в действительности это не имеет существенного значения. Пример по верхнему пределу: если по современным стандартам на образование в бакалавриате достаточно максимум 4-х, а в магистратуре – 2-х лет, то нет смысла продлевать каждую из этих ступеней еще на какой-то период. Однако если какая-либо страна осуществит это, то она поднимется на более высокое место в рейтинге ПРООН.

Так или иначе, рейтинг ПРООН по индексу образования представлен в *Таблице 27*. Регионализация ПРООН отличается от той, которая используется в этой книге. Для сохранения сопоставимости с пре-

---

* Методология и техника исчисления ожидаемой продолжительности образования идентичны с ожидаемой при рождении продолжительностью жизни.

** Аналитическая группа «Императив социального прогресса» рассчитывает свой Индекс социального развития на основе этих показателей.

дыдущими измерениями в Таблице 27 собраны данные по тем же странам, которые ранее были включены в большинство рэнкингов. Места стран даны по общему (мировому) рэнкингу.

ПРООН рассчитывает как Индекс развития человеческого потенциала, так и его субиндексы в двух вариантах: сначала расчеты проводятся собственно по показателям, а затем с учетом поправок на неравенство в разных странах. В Таблицу 27 включены оба варианта индекса образования.

Таблица 27. Индекс образования в государствах ВЕЦА и в некоторых развитых странах (2013 г.)¹

Место	Страна	ИО	ИОН	Место	Страна	ИО	ИОН
1-4	Австралия	1,000	0,910	44-46	Черногория	0,844	0,754
1-4	Новая Зеландия	1,000	...	50-52	Казахстан	0,833	0,717
1-4	Ирландия	1,000	0,841	56-59	Хорватия	0,806	0,690
5	Нидерланды	0,994	0,857	60-61	Турция	0,800	0,560
6	Норвегия	0,978	0,888	62	Болгария	0,794	0,706
7	Испания	0,950	0,751	64	Румыния	0,783	0,710
10	Дания	0,939	0,846	65-67	Кипр	0,778	0,668
12	Литва	0,928	0,823	65-67	Россия	0,778	0,764
13-15	США	0,917	0,830	73-76	Сербия	0,756	0,621
18-20	Германия	0,906	0,863	73-76	Босния-Герц.	0,756	0,621
18-20	Италия	0,906	0,697	80-82	Македония	0,739	0,574
21-22	Великобритания	0,900	0,838	83-89	Грузия	0,733	0,745
24	Франция	0,889	0,745	106-107	Кыргызстан	0,694	0,613
25	Канада	0,883	0,816	111-115	Армения	0,683	0,675
26-27	Швеция	0,878	0,800	123-124	Азербайджан	0,656	0,642
36-38	Латвия	0,861	0,784	123-124	Молдова	0,656	0,614
39-41	Сингапур	0,856	...	133-134	Узбекистан	0,639	0,642
39-41	Венгрия	0,856	0,777	147-150	Албания	0,600	0,536
42-43	Япония	0,850	0,648				

... – Государства, по которым уточнение по неравенству не проводилось

¹ См.: UNDP – Human Development Report 2014 – Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience; доступно на: <http://hdr.undp.org/en>; просмотрено – сентябрь 2014.

Из Таблицы 27 видно, что в экономически развитых государствах уровень образования выше. Верно и обратное: высокий уровень образования является одной из причин экономического процветания стран. Иными словами, уровень образования выступает не только следствием, но и причиной экономического развития. В настоящее время многие развитые государства «продают образование» и это составляет важную статью их доходов. Ирландия является англоязычной страной. Лишь половина населения понимает ирландский язык, примерно 10% ирландцев умеет говорить и не более 5% писать на нем. Из этой ситуации, которую во многих странах расценили бы как национальную трагедию, ирландцы извлекают большую выгоду. Многие европейцы, особенно испанцы, желающие изучить английский язык, предпочитают Ирландию Англии – потому, что ирландцы католики, и по надобности так и позиционируют себя, хотя сама Англия также является одним из образовательных центров мира и принимает большое количество иностранных студентов, в том числе из Азербайджана.

В рэнкинге по индексу образования Азербайджан делит 123-124 места, опережая лишь 4 страны из всех проранжированных государств ВЕЦА. При учете неравенства в вовлечении населения в образование его рейтинг значительно выше (51-52 места).

Одним из недостатков индекса образования является то, что при его исчислении ПРООН, а также ряд других исследовательских центров оперируют лишь количественными показателями, не учитывая качественных параметров образования. Для многих стран мира этого вполне достаточно, так как в них количественные показатели адекватно отражают уровень образованности населения. Однако существуют и такие государства, в которых ни один из индексов, построенных на продолжительности обучения, не отражает качества предоставляемого там образования. Известно, что в некоторых странах существует большая разница между фактически полученным образованием и дипломом об образовании. В подобных странах количественные показатели могут создавать совершенно искаженное представление о качестве образования.

Но этим проблема не исчерпывается. В некоторых государствах отдают предпочтение обучать свою молодежь за рубежом – во всемирно известных университетах. Например, в 2006 году в Азербайджане была принята Государственная программа, предусматривающая обучение

молодежи за рубежом и рассчитанная на 2007-2015 годы.¹ К 2014 году 2 612 студентов были отправлены по этой Программе в лучшие университеты мира. Все расходы государство взяло на себя. Из более 500 человек, завершивших обучение и вернувшихся на родину, 35% работало в государственном секторе, остальные – в частных компаниях. Для сравнительно небольших государств, таких как Азербайджан, подготовка современных специалистов, получивших фундаментальные знания и опыт по важным для страны специальностям, умеющих правильно оценивать происходящие в мире процессы, открытых инновациям, обладающих новым мышлением, имеет стратегическое значение. Наиболее эффективным путем достижения этой цели в настоящее время является обучение за рубежом. Однако в исследованиях ПРООН образование по таким программам вообще не учитывается. В них, естественно, не учитывается и та молодежь, которая обучается за рубежом при поддержке различных предприятий и организаций, или за счет собственных средств – при том, что нередко (в частности, в Азербайджане) их численность даже превышает численность обучающихся по государственным программам.

Если задача состоит в оценке уровня образовательных учреждений в различных странах, то показатели, используемые при исчислении индекса образования, непригодны для этого. Если же она состоит в оценке степени охвата населения образованием, то, видимо, следует разделить все страны на несколько групп (как минимум, на две), и при оценке малых государств учитывать также и обучение за рубежом.

Бесспорно, что с точки зрения средне- и долгосрочных интересов государства, повышение качества образования имеет ключевое значение. Решение проблемы усложняется тем, что образование относится к числу наиболее инерционных сфер общественной жизни, и его невозможно привести в соответствие с мировыми стандартами за короткое время. Для повышения качества образования в средних школах необходимо усилить их педагогический персонал, что невозможно без повышения качества преподавания в вузах, а это предполагает обновление профессорско-преподавательского состава самих вузов. В свою очередь, качество высшего образования существенно зависит от уровня

---

¹ См: 2007-2015-ci illərdə Azərbaycan gənclərinin xarici ölkələrdə təhsili üzrə Dövlət Proqramı (<http://www.xaricdetehsil.edu.gov.az>; просмотрено – сентябрь 2014).

подготовки абитуриентов, которых университеты получают из средних школ. Полная взаимообусловленность различных сфер и уровней образования диктует необходимость синхронизации реформирования всей системы.

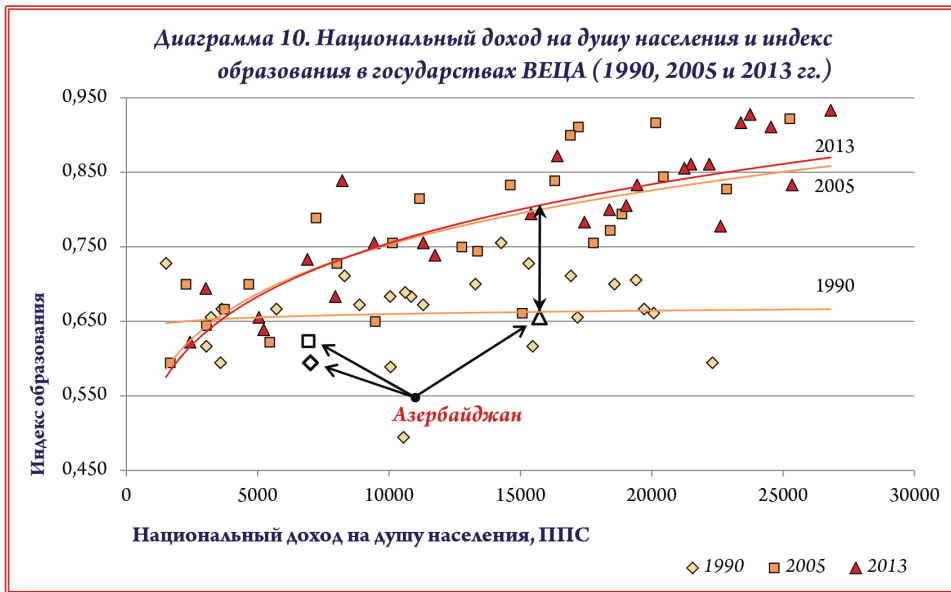
В качестве приоритетного (или, по крайней мере, исходного) направления образовательной реформы Азербайджан выбрал полное преобразование материально-технической базы – как средних, так и высших учебных заведений. В последние годы в этой области достигнуты весомые результаты. Вместе с тем, темпы повышения собственно качества образования заметно отстают от скорости преобразования его материальной базы.

Наибольшая сложность происходит от того, что основная проблема системы образования находится вне нее. Образование становится социально востребованным тогда, когда знания «стоят денег», т.е. когда высококвалифицированный труд оплачивается рынком соответственно дороже, чем менее квалифицированный. Между тем, рыночная экономика не смогла пока окончательно преодолеть в Азербайджане традиционный для советских времен стереотип мышления, в соответствии с которым сертификат (диплом) об образовании важнее, чем собственно само образование. Можно предположить, что происходящие в настоящее время прогрессивные процессы, в том числе усиление интеллектуальных форм частного бизнеса, а также переход к конкурсной системе приема на государственную службу рано или поздно сломают этот стереотип. Уже сейчас некоторые частные компании Азербайджана отбирают сотрудников среди студентов вузов и даже выделяют им особые стипендии.

Многолетние наблюдения свидетельствуют о том, что в середине 1990-х годов уровень образования в Азербайджане несколько снизился. Это естественно: первая половина 90-х годов вошла в новейшую историю страны как один из самых сложных ее периодов. Политические процессы, происходившие в Азербайджане в первые годы независимости, события, сотрясавшие общественную жизнь, политические столкновения, перевороты, а самое главное – война с Арменией не позволяли государству вплотную заниматься вопросами социального развития. К тому же, систему образования приходилось перестраивать на совершенно новых идеологических и организационных принципах. В начале

2000-х годов появились позитивные тенденции, Индекс образования превысил уровень 1990 года (высший к тому времени) и продолжил медленно, но непрерывно повышаться.

Однако темпы экономического развития и улучшения материального благосостояния населения страны опережали темпы развития образования. Благодаря добыче и экспорту нефтяных ресурсов при участии иностранных компаний, в страну поступали огромные – в сравнении с масштабами экономики – финансовые средства, и совершенствование системы образования не соответствовало этим темпам. Графическое изображение этих процессов представлено в *Диаграмме 10*.¹

В Диаграмме показана взаимозависимость между показателями ОНД на душу населения, пересчитанными по ППС, и индексами образования в 26 странах ВЕЦА в 1990, 2005 и 2013 годах. Показатели 1990 года разбросаны по Диаграмме с большими отклонениями от степенной кривой тренда, что указывает на значительные различия в уровне образования в странах региона накануне распада СССР и СЭВ: эти

¹ Составлена по данным ПРООН (см.: *UNDP – GNI per capita in PPP Terms*; доступно на: <http://hdr.undp.org/en/content/gni-capita-ppp-terms-constant-2011-ppp>; *UNDP – International Human Development Indicators: Education Index*; доступно на: <http://hdr.undp.org/en/content/education-index>; просмотрено – сентябрь 2014).

страны имели существенно отличающиеся стартовые возможности в формировании новой образовательной системы. Однако эти различия уравновешивали друг друга таким образом, что кривая тренда получилась почти прямой. Интересно, что анализ по той же группе стран за 1992 год, проведенный немногим ранее с целью выявления корреляции между индексами образования и ВВП на душу населения, также обнаружил практически прямую горизонтальную степенную линию тренда. Однако вертикальный разброс точек вокруг кривой тренда указывал на то, что в этих странах уровень образования не так сильно зависел от уровня экономического развития. Этот анализ также был проведен на основе данных ПРООН.¹

С середины 2000-х годов степенная кривая тренда имеет возвышающуюся траекторию. В зависимости от интерпретации, это означает, что в богатых странах уровень образования выше, либо страны с высоким уровнем образования более богаты. Степенные кривые тренда для 2005 и 2013 годов практически совпадают, т.е. корреляция между индексами образования и ОНД на душу населения не претерпела существенных изменений и между повышением этих показателей присутствует некоторая синхронность.

Индекс образования Азербайджана постепенно повышался: в 1990 году он был равен 0,594, в 2005-м – 0,623, а в 2013 году – 0,656. Между тем, места страны в мировом рэнкинге ухудшались: в 1990, 2005 и 2013 годах – соответственно, 90, 118 и 124 места. Это объясняется тем, что в других странах индекс образования повышался быстрее, чем в Азербайджане. Это первая причина того, почему в 2013 году Азербайджан больше отклонился от регионального тренда, чем в предыдущие годы. Вторая же причина состоит в том, что в 2013 году национальный доход на душу населения в Азербайджане резко вырос по сравнению с 2005 годом (более 2,2 раза) и поднялся с 6 939 до 15 525 международных долларов. По этим причинам Азербайджан заметно поднялся выше, но еще больше сдвинулся вправо.

Нынешнее место Азербайджана в Диаграмме 10 может быть интерпретировано следующим образом: уровень образования ниже, чем должен быть; иными словами, в стране с таким национальным доходом

---

¹ См.: Н.Музаффарли. «Болезни сытости» (О равновесии между экономическим и социальным развитием в Азербайджане). – Центральная Азия и Кавказ, 2012, том 15, вып. 2.

на душу населения индекс образования теоретически должен быть выше и находиться примерно на уровне 0,800. Один из признаков общественной болезни сытости в этом и состоит: несмотря на то, что уровень образования неуклонно повышается, он не успевает за более быстрым ростом материального благосостояния народа. Однако необходимо еще раз отметить, что для измерения и сопоставления уровня образования в различных странах, и особенно в сравнительно малых государствах, методология ПРООН нуждается в дальнейшем совершенствовании.

5.2.2. Экономическое развитие, повышение материального благосостояния и здоровье населения

Существует целый ряд количественных показателей, с помощью которых оценивают состояние здоровья наций. Принято считать, что все они, а также индикаторы, характеризующие уровень здравоохранения в той или иной стране, в конечном счете, отражаются в показателе ожидаемой при рождении продолжительности жизни. Именно этим показателем пользуются ПРООН, *The Economist Intelligence Unit*, *International Living* и другие исследовательские центры, оценивающие общее состояние здоровья населения в различных странах.

Ожидаемую продолжительность жизни при рождении исчисляют как усредненное количество лет, которое предположительно проживут люди, родившиеся в год исчисления, при условии, что на протяжении жизни этого поколения смертность в различных возрастных группах останется неизменной. Несмотря на относительную простоту исчисления ОПЖР, ее показатели в разных источниках существенно различаются. Так, по данным на середину 2014 года, ожидаемая продолжительность жизни в Азербайджане, согласно официальной статистике страны равна 74,2 года,¹ статистическому ресурсу ЦРУ США *The World Factbook* – 71,9 года,² Всемирной организации здравоохранения – 72 года,³ а Департаменту ООН по экономическим и социальным вопросам (*UNDESA*) – 70,8 года. ПРООН пользуется показателем *UNDESA*.

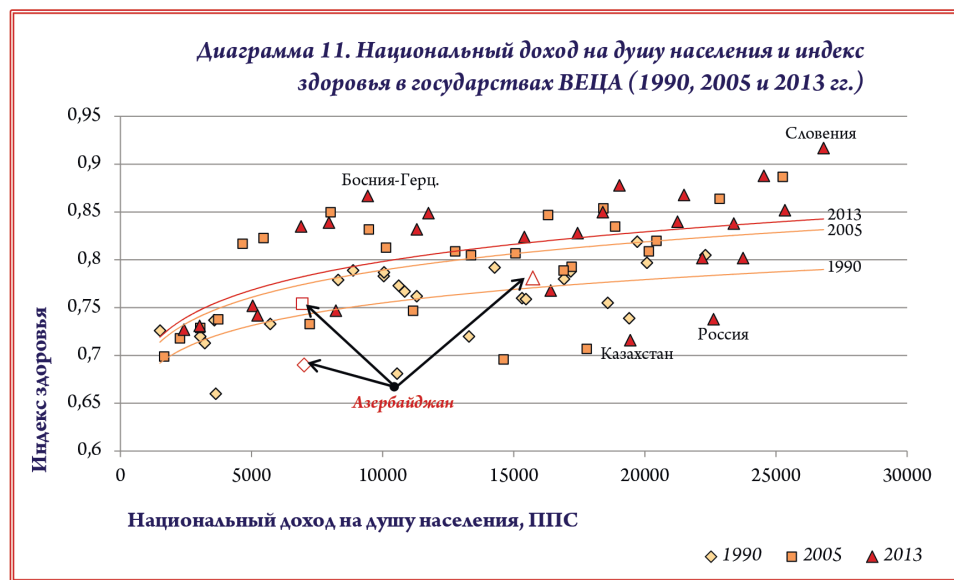
¹ По данным ГСК Азербайджана; доступно на: <http://www.stat.gov.az/source/demoqraphy>; просмотрено – сентябрь 2014.

² См.: *CIA – The World Factbook*; доступно на: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html>; просмотрено – сентябрь 2014.

³ См.: *WHO – Global Health Observatory Data Repository – Life Expectancy*; доступно на: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680>; просмотрено – сентябрь 2014.

В последнем докладе для его преобразования в индекс от 0 до 1 в качестве максимального значения принято 85 лет, а минимального – 20 лет. Минимальное значение обосновывается тем, что в течение всего XX века ни в одной стране мира ОПЖР не спускалась ниже 20 лет. Индекс продолжительности жизни по каждой стране определяется как отношение разницы между фактической ОПЖР в этой стране и минимального значения к разнице между максимальным и минимальным значениями.

В мировом рэнкинге по индексу здоровья (на самом деле – по индексу ожидаемой продолжительности жизни), составленном экспертами ПРООН для 2013 года, Азербайджан находится на 113 месте среди 195 государств. В 1990-2013 годах индекс здоровья Азербайджана медленно, но неуклонно повышался. В 1990 году он составил 0,690, в 2005-м – 0,754, а в 2013 году достиг 0,781. В *Диаграмме 11* показаны корреляции между изменениями индекса здоровья и национального дохода на душу населения в 26 странах ВЕЦА в 1990, 2005 и 2013 годах.¹

¹ Составлена на основе данных ПРООН (см.: UNDP – *GNI per capita in PPP Terms*; доступно на: <http://hdr.undp.org/en/content/gni-capita-ppp-terms-constant-2011-ppp>; UNDP – *International Human Development Indicators: Health Index*; доступно на: <http://hdr.undp.org/en/content/health-index>; просмотрено – сентябрь 2014).

Из Диаграммы 11, прежде всего, видно то, что некоторая корреляция, пусть и не сильная, между уровнем экономического развития и ожидаемой продолжительностью жизни все же существует. В богатых странах люди проживают более долгую и здоровую жизнь, хотя есть страны, сильно отклоняющиеся от этой закономерности. В 2013 году государствами, в наибольшей степени отклонившимися от степенной линии тренда вверх, были Босния и Герцоговина и Словения, а вниз – Казахстан и Россия. В первой паре государств население «живет дольше, чем должно бы», а во второй – «меньше». Сильный разброс точек вокруг трендов (слабость корреляции) объясняется тем, что долголетие зависит не только от деятельности общественных институтов, в частности, от уровня услуг в области здравоохранения, но и от факторов, находящихся вне их деятельности (например, от природно-географических условий).

Во всех трех периодах наблюдений Азербайджан располагался ниже кривой тренда. Ближе всего к линии тренда он находился в 2005 году, когда на фоне уменьшения национального дохода на душу населения (с 7 006 международных долларов в 1990 году до 6 939 в 2005-м) индекс здоровья значительно вырос. Далее начинается период ускоренного роста национального дохода, а темпы повышения индекса здоровья отстают от этого роста и, тем самым, Азербайджан вновь отклоняется от кривой тренда. В 2013 году в государствах, с уровнем душевого национального дохода как в Азербайджане, данный индекс должен был равняться примерно 0,815, а в Азербайджане он составил, как уже отмечалось, 0,781. Причина несоответствия состоит в том, что темпы социального развития (в данном случае – увеличение ожидаемой продолжительности жизни) отстают от темпов экономического роста (в данном случае – от увеличения национального дохода на душу населения) и при таких темпах увеличения национального дохода это неизбежно. Именно эта закономерность важна для нашего исследования.

Последние десять лет Всемирная организация здравоохранения рассчитывает еще два модифицированных варианта показателя ожидаемой продолжительности жизни, которые в настоящее время достаточно широко используются в международных сравнительных исследованиях. Первый из них – ожидаемая продолжительность жизни с поправкой на годы инвалидности, второй – ожидаемая продолжительность жизни с

поправкой на состояние здоровья.* Эти показатели исчисляются так же, как и ОПЖР – с той лишь разницей, что предположения о смертности в различных поло-возрастных группах населения дополняются аналогичными предположениями о болезнях и инвалидности.

Разница между ОПЖР и тем же показателем с поправкой на состояние здоровья оказывается довольно существенной. По данным ВОЗ, в 2012 году в большинстве стран мира (и во всех государствах ВЕЦА) эта разница превышала 10% от ОПЖР. Например, в Азербайджане ОПЖР составляла 72, а продолжительность здоровой жизни – 63 года.¹ Это означает, что 9 лет (12,5%) из 72 лет жизни среднестатистического азербайджанца, родившегося в 2012 году, будут сопровождаться болезнями. К тому же не все заболевания поддаются точному учету. Кроме всего прочего, отнесение человека к больным или здоровым зависит и от его собственного восприятия.

На первый взгляд, ожидаемая продолжительность здоровой жизни является более точным показателем уровня здоровья населения, чем ОПЖР. Однако это не совсем так. Зависимость между национальным доходом на душу населения и ОПЖР с поправкой на состояние здоровья практически совпадает с зависимостью между национальным доходом на душу населения и ОПЖР – как по траектории степенной кривой тренда, так и по степени отклонения стран от тренда. В частности, Азербайджан в обоих случаях занимает идентичную позицию по отношению к кривой тренда. Поэтому не имеет особого значения, какой именно из этих показателей используется для межстрановых сравнений по уровню здоровья населения.

Что же касается интегрального показателя человеческого развития, рассчитываемого ПРООН, он представляет собой среднее геометрическое трех индексов – образования, здоровья (ожидаемой продолжительности жизни) и валового национального дохода на душу населения с поправкой на ППС. Поэтому вполне естественно, что корреляция

---

* Англ. – *Disability-Adjusted Life Expectancy (DALE)*, *Health-Adjusted Life Expectancy (HALE)*.

¹ См.: WHO – *World Health Statistics 2014, Table 1: Life Expectancy and Mortality*, pp. 60-69; доступно на: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2014/world-health-statistics-2014/en>; просмотрено – сентябрь 2014.

между показателями экономического развития и индексом человеческого развития сильнее, чем между экономическим развитием, с одной стороны, и индексами образования и здоровья – с другой. Естественно и то, что в этом случае Азербайджан находится ближе к линии тренда.

5.2.3. Другие компоненты культуры (материальная культура, спорт и физическая культура, культура поведения)

Некоторые другие составляющие социальной сферы также поддаются измерению и, соответственно, межстрановому сравнению. В частности, известная коммерческая компания *International Living*, оценивая качество жизни в разных государствах мира, ранжирует их, кроме прочего, и по возможностям в области отдыха и культуры, а при измерении данного фактора учитывает и количество исторических и архитектурных памятников, включенных в реестр мирового наследия *UNESCO*.¹ Между тем, ясно, что за сравнительно короткое время количество этих памятников не может существенно меняться. Поэтому, с точки зрения анализа меры сбалансированности экономического и социального развития, подобные исследования не очень продуктивны.

Существует множество сравнительных межстрановых исследований, оценивающих уровень развития спорта, однако в абсолютном большинстве они касаются страновых рейтингов по отдельным видам спорта. Показатели развития (достижений) профессионального спорта крайне важны (в том числе для престижа государства), но в качестве индикаторов социального развития они не могут использоваться. С этой точки зрения, более точными были бы показатели, отражающие развитие физической культуры, однако уровень ее развития с трудом поддается измерению. Правда, такие показатели, как, например, количество стадионов, спортивных комплексов и сооружений в соотношении с численностью населения дают определенное представление об условиях, созданных в отдельных странах для развития массового спорта

---

¹ Уже более 30 лет *International Living* занимается интересным бизнесом, помогая людям избрать новые страны для проживания. С этой целью компания ежегодно ранжирует государства мира по качеству жизни, которое она измеряет на основе девяти параметров. Чтобы убедить публику в достоверности своих исследований, она регулярно меняет место расположения своего головного офиса, переезжая в страну, которой присудила первое место в последнем ранкинге (см.: <http://internationalliving.com>).

и физической культуры. Но и эти показатели являются косвенными, а что касается прямых показателей, например, численности занимающихся физической культурой, то из-за отсутствия точных методик исчисления они приводят к неприемлемо высоким погрешностям при международных сравнениях.¹

Для оценок уровня социального развития необходимы также межгосударственные сравнения по культуре поведения в общественных местах, но такие исследования пока не проводятся.

5.3. Перспектива

В ближайшем будущем Азербайджану будет сложно полностью преодолеть несоответствие между уровнем экономического развития и материального благосостояния общества, с одной стороны, и уровнем его социально-культурного развития – с другой. Это несоответствие носит объективный характер, поскольку оно возникло не из-за отклонения социальной сферы от нормальной (закономерной) траектории развития, а из-за нефтяного бума начала XXI века. В ближайшие годы выяснится, какое из этих двух составляющих общественного развития (экономика или культура) будет доминировать, иначе говоря, сможет ли рост экономического благосостояния дать дополнительный импульс социальному развитию, или наоборот, отставание социальной сферы будет сдерживать экономический рост.

5.3.1. Общественная ответственность за социальное развитие

Первый путь предполагает разработку и реализацию целой системы мер в области социально-культурного развития страны. Принципиально важно, чтобы ответственность за обеспечение сбалансированности общественного развития ложилась не только на правительство, а была разделена всем обществом. Более того, общество должно брать на себя все большую часть ответственности за собственное развитие.

¹ Например, по данным Государственного комитета по статистике Азербайджана, в 2014 году в стране примерно 1,7 млн. человек занимались физической культурой. Однако этот показатель учитывает также людей, занимающихся спортом в учебных заведениях (см.: <http://www.stat.gov.az/source/healthcare>; просмотрено – сентябрь 2014).

Главная задача правительства будет состоять в правильном ранжировании приоритетов и в научно обоснованном распределении государственных финансовых, административных и информационных ресурсов между экономическим и социально-культурным развитием. Решение этой проблемы требует, прежде всего, разработки и применения комплексной многокритериальной системы анализа и сравнительной оценки инвестиционных проектов, которая должна быть формализована в виде официально утвержденного правительством документа. Эта идея уже многие годы входит в повестку первоочередных реформ в Азербайджане. В 2003-2005 годах она активно обсуждалась экспертами Европейского Союза и Министерства экономического развития Азербайджана (с 2013 года – Министерство экономики и промышленности). Несмотря на определенный прогресс, достигнутый за последние годы, применяющаяся в стране система оценки инвестиционных проектов нуждается в дальнейшем совершенствовании. В своих докладах МВФ неоднократно отмечал, что в Азербайджане существует реальная потребность в совершенствовании процедур оценки и выбора государственных инвестиционных проектов, и что официальные лица правительства тоже признают эту необходимость.¹ В страновом докладе за 2014 год МВФ рекомендует правительству Азербайджана отказаться от низкорентабельных инвестиционных проектов.²

Помимо прямого участия в социальном развитии путем инвестирования государственных средств, которое правительство Азербайджана объявило одним из своих основных приоритетов,³ большое значение будут иметь меры по косвенному стимулированию развития социальной сферы. К первоочередным задачам в этой области относится ускорение реформ в здравоохранении и образовании с целью максимально полного и эффективного использования потенциала частной инициативы.

¹ См., напр.: *IMF Country Report No. 12/5 – Republic of Azerbaijan*, 2011 Article IV Consultation, January 18, 2012, p. 13; доступно на: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2012/cr1205.pdf>; просмотрено – сентябрь 2014.

² См.: *IMF Country Report No. 14/159 – Republic of Azerbaijan*, 2014 Article IV Consultation, May 13, 2014, p. 1; доступно на: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2014/cr14159.pdf>; просмотрено – сентябрь 2014.

³ См., в частности: *Заключительная речь Президента И.Алиева на заседании Кабинета Министров (16 января 2012 г.), посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2011 г.*; доступно на: <http://ru.president.az/articles/4107>; просмотрено – сентябрь 2014.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ**Об эффективном управлении государственными инвестиционными проектами**

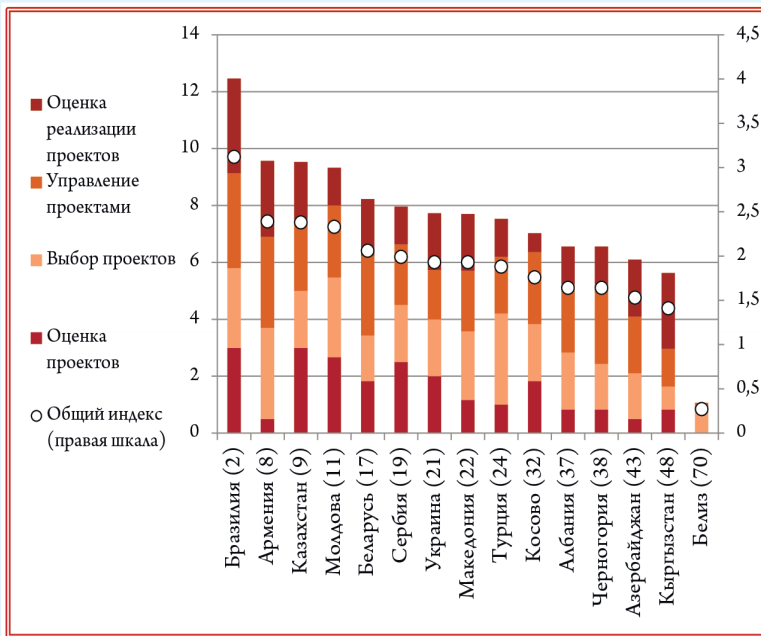
Иногда вложение средств в проекты, не проанализированные должным образом, тоже может быть результативным. Однако без комплексной оценки проектов трудно рассчитывать на то, что, во-первых, будут выбраны наиболее приоритетные проекты, и, во-вторых, эффективность государственных инвестиций достигнет максимально высокого – при имеющихся возможностях – уровня.

Эффективность инвестиций, как и большинство экономических показателей, можно оценить лишь в сравнении – в данном случае с эффективностью инвестиций в другие проекты. Независимо от степени совершенства оценочных инструментов, для оценки отдельных инвестиционных проектов – как в частном, так и в государственном секторах – нужны сравнения, но они могут и должны проводиться также и по отдельно взятым государствам. Конечный результат этих сравнений имеет следующий вид: проект А может быть более эффективным, чем проект Б (на стадии выбора проекта), управляется более эффективно (на стадии реализации), более эффективен (после реализации). Что же касается оценки выбора и исполнения инвестиционных проектов и управления ими в той или иной стране, то здесь необходимы международные сравнения. Они позволяют установить, что в стране А выбор проектов, управление ими и их реализация осуществляются более (менее) эффективно, чем в стране Б.

Для межстрановых сравнений эксперты МВФ рассчитывают четыре субиндекса (оценки проектов, выбора проектов, управления проектами и оценки реализации проектов), а на их основе – сводный индекс эффективности государственных инвестиций. В последнем исследовании этот индекс и его субиндексы были исчислены по 70 государствам мира, в число которых включены, однако, не все страны ВЕЦА. Часть результатов представлена в *Диаграмме 12*. В скобках указаны места, занимаемые странами в общем ранжировании.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ОТСТУПЛЕНИЯ

Диаграмма 12. Индекс эффективности государственных инвестиций и его субиндексы (2010 г.)¹

Результаты, представленные в Диаграмме, свидетельствуют о том, что Азербайджан имеет значительные потенциальные возможности в области повышения эффективности государственных инвестиций.

¹ Составлена по данным, содержащимся в аналитическом докладе экспертов МВФ (см.: *Era Dabla-Norris, Jim Brumby, oth. Investing in Public Investment: An Index of Public Investment Efficiency (IMF Working Paper)*, 2010, p. 36-37; доступно на: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp1137.pdf>; просмотрено – сентябрь 2014).

Особую роль могут и должны сыграть специальные государственные программы по конкретным направлениям социального развития. Успешным примером последних лет можно считать, в частности, уже упоминавшуюся программу «Обучение за рубежом».

Среди субъектов управления обществом, которые должны разделить с правительством ответственность за социально-культурное развитие, важное место занимают муниципалитеты. Они призваны, помимо выполнения других управленческих функций, сыграть ключевую роль в возрождении общинной культуры – особенно в крупных городах страны. Упадок общинной культуры в советские годы был не столько результатом урбанизации, неизбежно сопровождающейся убыванием межличностных контактов общинного уровня, сколько следствием особенностей политического строя, который покровительствовал объединению людей скорее в партийных организациях по месту работы, чем в общинах по месту жительства. После восстановления государственной независимости, в Азербайджане, так же как и в большинстве стран ВЕЦА, органы местного самоуправления создавались «сверху» и носили в большей степени формальный характер. В настоящее время эффективное функционирование муниципалитетов становится естественной потребностью сформировавшихся общин, и они постепенно превращаются в реальные административные институты их самоуправления.

Общинное самоуправление является одним из основополагающих механизмов развития современного общества. По сути дела, оно представляет собой базовую ступень формирования демократической культуры, т.к. на уровне муниципалитетов граждане имеют возможность почти прямого, непосредственного участия в социальном управлении, в то время как на региональном и, тем более, государственном уровнях это участие носит в основном опосредованный характер. В экономическом плане, общинное самоуправление – это уменьшенная модель управления государственными ресурсами. Каждый муниципалитет обладает собственным бюджетом, которым должен распоряжаться в интересах общины. Организовать общественный контроль над формированием и расходованием средств этого бюджета намного проще по сравнению с государственным или даже городским (районным) бюджетами. Кроме всего этого, развитие общинной культуры позволяет повы-

сить культуру поведения в быту, поскольку в практической плоскости именно она способна стать несущей конструкцией в превращении общественного порицания в инструмент общественного самоуправления.

Большую долю ответственности могут и должны взять на себя неправительственные организации (НПО) – особенно те, которые специализируются в области социально-культурного развития. Несмотря на заметный прогресс, достигнутый неправительственным сектором за годы независимости, он все еще не превратился в достаточно влиятельный фактор общественной жизни. Об этом свидетельствуют и специальные исследования, проводимые международными организациями.¹

В азербайджанском обществе традиционно высока роль интеллигенции, особенно творческой. Призыв почитаемого народом поэта порой может оказаться более весомым, чем декларация целых политических организаций. Интеллигенция может и должна разделить с правительством ответственность за социально-культурное развитие общества. Особой группой интеллигенции можно считать религиозных деятелей, которые заняты преимущественно «внутренними» проблемами и не стремятся вмешиваться в общественные (мирские) дела. Конечно, причины этого связаны, помимо прочего, с инерцией: на протяжении многих десятилетий религиозные деятели находились как бы вне общества и не вмешивались в его жизнь, занимаясь преимущественно ритуальными вопросами. Ныне общественная среда кардинально меняется, и есть предпосылки того, что истинные религиозные деятели со временем перенесут центр тяжести в своих выступлениях от сугубо богословских дискуссий о ритуалах на действительно актуальные социально-духовные проблемы. Речь идет вовсе не о вовлечении религии в политику и государственные дела, что в Азербайджане конституционно запрещено, а о пропаганде истинных ценностей морали и общечеловеческих норм культуры поведения.

---

¹ В частности, подобные изыскания, начиная с конца 1990-х годов, ежегодно выполняет USAID, анализируя устойчивость неправительственного сектора в различных государствах по семи параметрам: правовой среде, организационным возможностям, финансовой жизнестойкости, способности лоббирования, качеству предоставляемых услуг, инфраструктуре и публичному имиджу (см.: *CSO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia – June 2013*; доступно на: http://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1863/2012CSOSI_0.pdf; просмотрено – сентябрь 2014).

Большую пользу могут принести крупномасштабные пропагандистские кампании, направленные на решение конкретных социально-культурных проблем с участием всех вышеупомянутых субъектов общественной жизни. Эти кампании должны способствовать формированию у граждан чувства уважения к окружающим, их правам, собственности, мнению и времени: страна не может рассчитывать на уважение внешнего мира, если нет взаимоуважения внутри самого ее общества.

5.3.2. Нефтяной фактор в социально-экономическом программировании

Социально-экономическую перспективу страны можно оценивать, прогнозировать и программировать на основе различных методов. С помощью одних выявляются общие тренды развития, других – отдельные аспекты развития общества. Тестирование будущего с точки зрения левизны-правизны экономики относится к первым.

Прогноз: в государствах, экономика которых основывается на экспорте природных ресурсов, по мере уменьшения ресурсных доходов и уменьшения средств, аккумулированных в специальных фондах (в том числе резервных), левизна экономики будет усиливаться.

В этих странах (например, в ряде бывших советских республик, обеспечивающих экономический рост в основном за счет экспорта ресурсов) государственный бюджет формируется не только за счет налогов,* но и, в значительной степени, ресурсных доходов, или трансферов из специальных (нефтяных) фондов. По мере уменьшения ресурсных доходов, правительства будут вынуждены сокращать социальные программы. Известно, однако, что не только сокращение социальных программ (к примеру, уменьшение социальных пособий), а даже снижение темпов их расширения крайне непопулярны в любом обществе с политической точки зрения. Поэтому правительства будут избегать подобных мер и для их компенсации постепенно усиливать вмешательство в экономику. Компенсация уменьшения ресурсных доходов усилением государственного вмешательства в экономику, конечно, возможна. Наи-

* Как уже отмечалось, существуют и другие, второстепенные и меньшие по объему источники бюджетных доходов, но в данном случае важны именно основные источники.

более простой путь к этому – повышение налогов, что означает расширение масштабов централизованного перераспределения доходов и усиление левизны экономики.

Основные социально-политические риски кроются в том, что усиление как левизны, так и правизны экономики имеет определенные допустимые пределы. «Правизация» экономики неминуемо вызывает недовольство наемных работников, а «левизация» – предпринимателей. Необходимо учитывать, что для политических элит недовольство богатых вовсе не менее (а иногда, даже более) опасно, чем недовольство бедных. Это верно, что правизация экономики может, как уже было показано, привести к положительным социальным результатам, росту благосостояния общества, в том числе наемных работников. Аналогично, левизация экономики может служить также и долгосрочным интересам предпринимателей – хотя бы путем снижения в стране общественно-политического напряжения. Но все усложняется фактором времени, точнее – его лимитированностью: для появления подобных позитивных результатов требуется определенное время, а в политических процессах пауз, как известно, не бывает.

Поэтому резкая и быстрая левизация экономики с целью нейтрализации негативного влияния уменьшения ресурсных (в частности, нефтяных) доходов на социальные программы (даже если это происходит под общественно-политическим прессингом) является не лучшим решением проблемы. Возможные превентивные меры тривиальны: необходимо неуклонно увеличивать (как в абсолютном, так и относительном измерении) нефтегазовой бюджет на основе преимущественного развития нефтегазовых отраслей экономики, постепенно переводить на него основное бремя социальных программ, уменьшать трансферы в бюджет из нефтяных фондов. Проблема в том, что многие правительства, вполне осознающие необходимость подобных мер и неоднократно заявляющие об этом, на практике не могут проводить достаточно активную политику по их реализации, так как политико-экономический комфорт, создаваемый ресурсными доходами, затрудняет адекватное восприятие будущих (потенциальных) рисков.

Риски, возможные при свершении этого прогноза, для Азербайджана менее опасны, чем для других стран со схожей экономикой – не

только потому, что правительство Азербайджана считает развитие нефтяного сектора своей главной задачей на ближайшее будущее, но и по той причине, что предсказания о скором (примерно с середины 2020 годов) снижении ресурсных доходов ввиду сокращения объемов экспорта нефти не оправдаются (это известно уже сейчас), хотя в перспективе доходы от добычи и экспорта газа, предположительно, превысят финансовые поступления от экспорта нефти. По прогнозам Международного энергетического агентства, начиная с 2018-2020 годов, чистый экспорт газа Азербайджаном резко возрастет и в 2020 году достигнет 23 млрд. м³, а в 2030 году – 35 млрд. м³ и останется на этом уровне, по меньшей мере, до 2035 года.¹

Поэтому в обозримой перспективе объем нефтегазовых доходов (точнее – их уменьшение) не станет ограничивающим фактором в реализации социальных программ в Азербайджане. Тем не менее, для более полного представления о перспективах левизны-правизны азербайджанской экономики следует коснуться еще одного аспекта проблемы соотношения нефтяного и ненефтяного секторов.

Резкое увеличение удельного веса нефтегазового сектора в экономике началось в 2005 году. В 2006 году его ВВП, так же как и в 2005 году, вырос примерно в 2 раза и впервые превысил ВВП ненефтяного сектора. 2006 год можно считать переломной точкой в изменении темпов роста и соотношения двух секторов. Затем ненефтяной сектор начал развиваться более ускоренными темпами, чем нефтяной. В 2006-2013 годах ВВП нефтегазового сектора вырос примерно в 2,4 раза (с 10,1 млрд. манатов до 24 млрд. манатов), а ненефтяного – более чем в 3,9 раза (с 7,6 млрд. манатов до 30 млрд. манатов).² Преимущественный рост ненефтяного сектора экономики, при том, что с 2005-2006 годов

¹ См.: *International Energy Agency – World Energy Outlook 2010*, p. 495 (доступно на: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/weo2010.pdf>; просмотрено – сентябрь 2014); *Энергетический бюллетень: Каспийский регион на энергетической карте мира.* – Аналитический центр при правительстве Российской Федерации, вып. 16, август 2014, с. 19 (доступно на: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/3467.pdf>; просмотрено – август 2014).

² По данным ГКС Азербайджана (см.: http://www.stat.gov.az/source/system_nat_accounts; просмотрено – сентябрь 2014).

страна вступила в полосу нефтяного бума, является стратегически важным позитивным трендом. В первой половине 2014 года было произведено 3 063 манатов (3 905 долл. США) ВВП на душу населения, из которых 56,3% пришлось на долю ненефтяного сектора. Рост по сравнению с аналогичным периодом 2013 года не велик (всего 0,8%), но следует учитывать, что на фоне 3,9%-ного снижения в нефтегазовом секторе, в ненефтяном – был достигнут рост в 7,0%.

Несмотря на эти тенденции, нефтяные доходы по-прежнему остаются исключительно важным фактором в социальном развитии страны. Более половины (50,8%) доходов государственного бюджета на 2014 год будут обеспечены трансферами из Нефтяного фонда. Это равносильно тому, что более половины всех бюджетных расходов, в том числе предусмотренных бюджетом социальных программ, будет финансироваться за счет нефтяных доходов. Следовательно, вышесказанное по поводу правизны экономики ряда стран по налогам и левизны по социальным программам, реализуемым за счет государственных средств, может быть отнесено также и к Азербайджану.* Однако в Азербайджане это несоответствие имеет более «плавную» форму, так как его экономика располагается на сравнительно большем отдалении от крайне правой точки по налогам, и крайне левой – по социальным программам.

5.3.3. Другие допущения

Долгосрочные прогнозы и программы, как правило, строятся на определенных допущениях. Если анализируемые процессы могут развиваться несколькими альтернативными путями, то необходимо либо разрабатывать отдельные сценарии по каждому из них, либо выбрать один в качестве базового (наиболее реального) и составлять программу (прогноз) на его основе. Наше исследование не претендует ни на то, ни на другое, а только предлагает ряд ключевых показателей, которые могут быть полезными при разработке детализованных долгосрочных программ социально-экономического развития.

Цели должны быть выражены в измеряемых показателях. Качественные характеристики социального развития, не поддающиеся коли-

---

* См.: 2.2.4. Удельный вес бюджетных доходов и расходов в ВВП.

чественному измерению, должны, тем не менее, обязательно учитываться при долгосрочном программировании. Цели развития рассчитаны на 2035 год, что считается вполне обозримым периодом.

Предполагается, что экономическое развитие Азербайджана в ближайшие 20 лет будет, во-первых, устойчивым. С одной стороны, нефтегазовые доходы страны не уменьшатся (эта вероятность столь высока, что ее можно принять за заданное условие), с другой – ненефтяной сектор продолжит динамично развиваться и его ежегодный темп роста составит не менее 7%. Во-вторых, экономическое развитие будет малоуязвимым и не подвергнется шоковому негативному влиянию политических и экономических потрясений внешнего мира и особенно соседних стран. Однако такие риски будут существовать всегда. В качестве примера можно отметить существенное снижение на мировых рынках, начиная с середины 2014 года, цен на нефть. Предполагается, что подобные процессы, хотя и приведут к определенным финансовым потерям, но не окажут сильного сдерживающего воздействия на развитие ненефтяного сектора экономики.

Предполагается, что до 2035 года Нагорно-Карабахская проблема будет разрешена мирным путем. Это существенно повлияет на структуру, пропорции и темпы социально-экономического развития Азербайджана. Восстановление ныне находящихся под армянской оккупацией и уже полностью разрушенных территорий потребует огромных дополнительных финансовых средств, интеллектуальных, административных и трудовых ресурсов. По нашим подсчетам, общий объем только прямых государственных инвестиций, которые придется направить на восстановление постконфликтных территорий Азербайджана, составит примерно 30 млрд. долл. США.¹ Репатриация вынужденных переселенцев в места своего изначального проживания потребует, помимо определенных целевых инвестиций, кардинального изменения структуры социальных программ, серьезного перераспределения экономических ресурсов страны. Однако решение Нагорно-Карабахской проблемы, в конечном итоге, не станет сдерживающим фактором для социально-

---

¹ См.: Н.Музаффарли, Э.Исмаилов. *Восстановление постконфликтных территорий Азербайджана: Концептуальные основы*. – Баку, «Кавказ», 2010, с. 239-243.

экономического развития, а напротив, со временем только усилит экономический потенциал страны.

Предполагается, что политическая стабильность внутри страны будет сохранена. В настоящее время каких-либо явных признаков того, что она может быть нарушена, не наблюдается. Власть сильна и популярна, оппозиция слаба и фрагментарна. Вероятность появления в ближайшие годы каких-либо новых политических сил, которые могли бы нарушить политическую стабильность, используя нецивилизованные методы борьбы за власть, не столь высока. Направляя значительную часть нефтяных доходов (в прямой и косвенной форме) на повышение благосостояния народа, в том числе на решение социальных проблем беженцев и вынужденных переселенцев, власти тем самым одновременно способствуют закреплению политической стабильности. Одним из важнейших изменений, произошедших в стране за последнее десятилетие, является то, что ныне общество лучше осознает значимость политической стабильности для государства и его процветания. В общественном мнении все больше утверждается понимание того, что каждый несет долю ответственности за стабильность государства. Вместе с тем, хорошо известно, что в таких странах, как Азербайджан, политическую стабильность необходимо постоянно поддерживать и это требует усилий не только со стороны властей, но и всего общества.

В рамках этих предположений можно высказать несколько суждений о возможных целях социального развития Азербайджана на ближайшие два десятилетия. Предполагаемые целевые показатели должны превосходить их прогнозные величины, полученные на основе простой экстраполяции. Во-первых, планируя долгосрочную перспективу, страна должна стремиться не просто к сохранению сложившихся темпов и тенденций развития, а к достижению более высоких целевых показателей. Во-вторых, в последние годы Азербайджан активно экспортирует капитал. Речь идет о крупномасштабных государственных и частных инвестициях за рубежом, отдача от которых пока не отражается на показателях социально-экономического развития страны. Следует ожидать, что в ближайшие годы начнется репатриация части прибыли на эти инвестиции, и данный процесс будет постепенно интенсифицироваться. В результате показатели (и тренды) социально-экономического

развития страны получают дополнительный прирост. В-третьих, в Азербайджане, как это уже было показано, продолжается процесс ускоренной формализации теневой экономики. До определенного порога (предположительно, до 20-25% от официального ВВП) темпы этого процесса будут оставаться высокими и это станет еще одним фактором, придающим трендам социально-экономического развития страны дополнительное повышение. По этим причинам определяемые для будущего цели должны превосходить прогнозы, полученные на основе линейных трендов.

5.3.4. О целях социально-экономического развития до 2035 года

Большинство целевых показателей социально-экономического развития Азербайджана на долгосрочную перспективу определены на базе данных 2008-2013 годов. Нередко использование данных за более ранние годы неприемлемо, так как, если анализировать более длительный период (скажем, 2000-2013 годы), то начало притока нефтяных доходов в 2005-2007 годах искажает общую картину. Данные, необходимые для определения всех целевых показателей, либо существуют, либо сравнительно нетрудно могут быть исчислены. Единственным исключением является численность (удельный вес) среднего класса. Ввиду чрезвычайной важности этого показателя как для стабильности общества и государства, так и непрерывности экономического развития, этот вопрос необходимо рассмотреть более подробно.

Общепризнано, что к среднему классу относится та часть населения, которая занимает промежуточную нишу между богатыми и бедными. Однако количественно оценить численность населения, находящегося в этом «коридоре», довольно сложно. Методики, используемые для количественной оценки удельного веса среднего класса, основаны или на объективных показателях, или социологических опросах. Вторым методом (определение размеров среднего класса на основе самоидентификации, субъективного восприятия людей, т.е. выявление путем опроса того, к какому именно сословию относит себя человек) вряд ли приемлем для Азербайджана – по причинам, уже рассмотренным выше.* Что же касается статистических показателей, все они связаны с

* См.: *Четырнадцатое отступление. О зависимости показателей, исчисляемых на основе социологических опросов, от национального менталитета.*

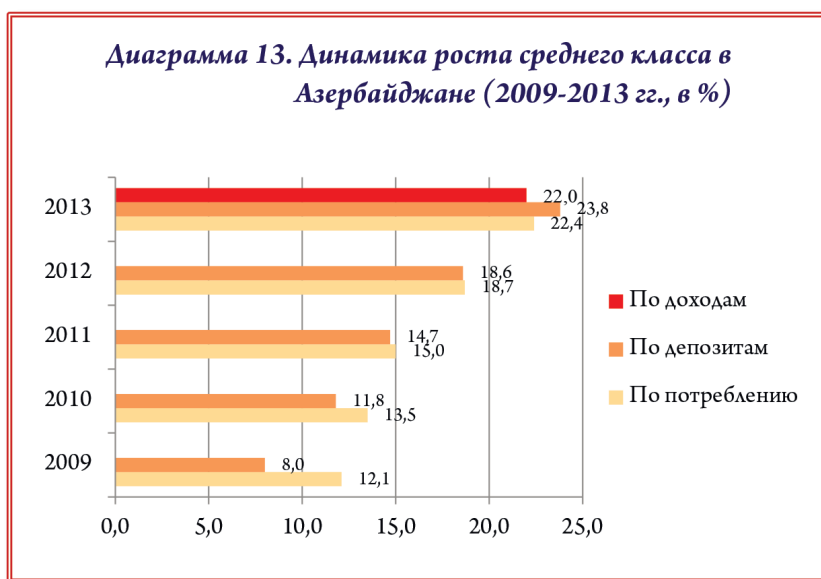
уровнем благосостояния, измеряемым доходами, либо потреблением. Поскольку уровень благосостояния в отдельных странах существенно отличается, то критерии отнесения тех или иных групп населения к среднему классу, естественно, также различаются.

Ни одна из трех предлагаемых ниже методик расчета удельного веса среднего класса в Азербайджане не свободна от недостатков. В частности, они не позволяют четко определить верхнюю границу интервала доходов (потребления), в пределах которого людей следует относить к среднему классу. Поэтому необходимы дополнительные уточнения, которые были проведены с учетом относительно невысокого в Азербайджане уровня индекса Джини. Однако в совокупности эти три методики позволяют определить примерные количественные параметры среднего класса в стране:

- *Классификация по доходам.* К среднему классу отнесены те, чей месячный доход в пересчете общего дохода семьи на одного человека превышает прожиточный минимум (в 2014 году – 125 манатов) в два раза и больше. В соответствии с данными ГКС Азербайджана за 2013 год, нижний предел дохода для отнесения человека к среднему классу приходится на середину 8-й децили. При всей условности этого вывода, половина 8-й децили, а также децили 9 и 10 – с поправкой на верхний предел – могут быть отнесены к среднему классу.
- *Классификация по потреблению.* Этот подход применяется во многих странах. Уровень потребления измеряется различными показателями, например, жилой площадью на душу населения, объемом использованных платных социальных услуг, возможностями получения платного образования и лечения, количеством путешествий за границу и т.д. В данном случае использован показатель количества легковых автомобилей (за исключением произведенных в странах СНГ) с поправкой на верхний предел.
- *Классификация по банковским депозитам.* Как и многие другие показатели уровня потребления, численность владельцев

банковских депозитов непригодна для измерения среднего класса в развитых странах, а применительно к относительно менее развитым странам, в том числе Азербайджану, этот метод (отнесение владельцев банковских депозитов к среднему классу) достаточно эффективен. Поправка на верхний предел проведена и в этом случае.

Важно отметить, что полученные по этим трем методам показатели удельного веса среднего класса в Азербайджане примерно одинаковы и находятся в пределах 22-24%. С точки зрения устойчивости государства и общества, эти показатели недостаточно высоки. Однако расчеты, проведенные для 2009-2013 годов идентичными методами и поправками, показывают, что численность среднего класса в Азербайджане увеличивается быстрыми темпами (см. *Диаграмма 13*).

Конечно, такая высокая динамика не может сохраняться долго. Вероятнее всего, с 2030-х годов рост постепенно замедлится и, в конечном счете, удельный вес среднего класса стабилизируется в пределах 50-60%. Численность среднего класса, хотя и зависит непосредственно

от доходов, но более инертна по сравнению с ними. Известно, что по мере роста доходов на душу населения, средний класс также увеличивается, но с меньшей скоростью, т.е. каждый следующий процентный пункт повышения доли среднего класса в обществе достигается благодаря большему росту доходов. Одной из математических форм выражения этой инерции является полулогарифмическая функция. Прогнозные показатели среднего класса рассчитаны по регрессионному уравнению, основанному на такой функции. В качестве статистической базы использован временной ряд средних показателей потребления и банковских депозитов в 2000-2013 годах. Прогнозы по двум другим показателям, характеризующим распределение доходов (коэффициент Джини и уровень бедности), и трем показателям, характеризующим уровень социального развития (средняя пенсия, индекс развития человеческого потенциала и продолжительность жизни), рассчитаны по той же методике – на основе регрессионных уравнений.

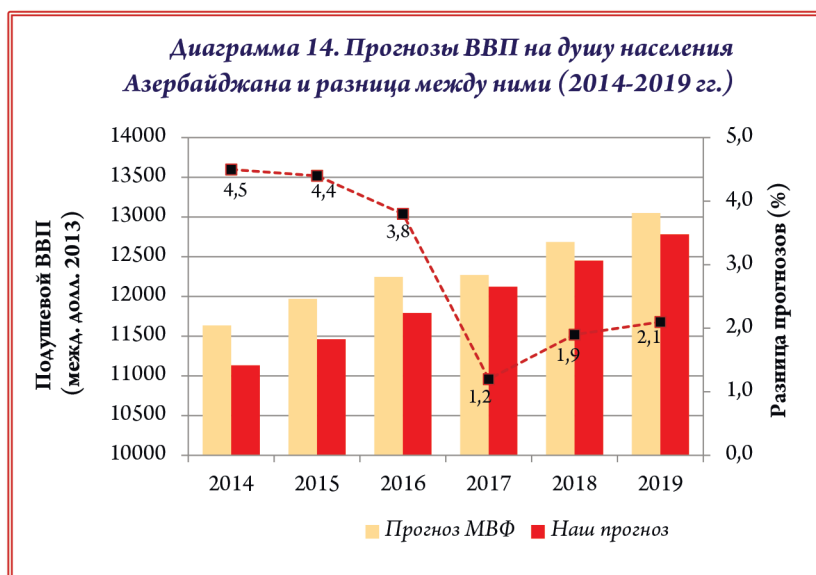
Показатели ВВП, нефтяного ВВП и доходов населения (все в пересчете на душу населения) спрогнозированы с использованием функции линейного тренда на основе тенденций развития в 2008-2013 годах. Для средне- и долгосрочного периодов этот метод достаточно эффективен. Разница между полученными нами прогнозами ВВП на душу населения Азербайджана и аналогичными прогнозами МВФ невелика и находится в пределах 1,2-4,5%, а на 2019 год составляет всего 2,1% (*Диаграмма 14*).¹

Уровень занятости не спрогнозирован, а только таргетирован. В настоящее время в Азербайджане безработица составляет примерно 5%, а это означает, что занятость приблизилась к предельно возможному уровню, так как даже в самых «здоровых» экономиках присутствует, по меньшей мере, естественная безработица. В долгосрочной перспективе достаточно нацелиться на приблизительно 97%-ную занятость. В предстоящие годы необходимо сосредоточиться на качественных аспектах занятости.

---

¹ Сравнение произведено на основе перевода прогнозов МВФ на 2013 год в международные доллары (см.: *IMF – World Economic Outlook, April 2014*; доступно на: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx>; просмотрено – сентябрь 2014).

Удельный вес социальных расходов государственного бюджета в ВВП также не спрогнозирован. Его целевые показатели определены на основе экспертных оценок. К той же группе относятся социальные расходы на душу населения, по которым, тем не менее, рассчитаны не только целевые показатели, но и прогнозы. Эти расчеты позволяют судить о разнице между возможностями государственного бюджета в сфере социальных расходов, в зависимости от того, какой показатель ВВП на душу населения будет достигнут – прогнозный или целевой. Прогнозный и целевой показатели социальных расходов рассчитаны путем умножения удельного веса социальных расходов в ВВП на прогнозный и целевой ВВП на душу населения.

Таким образом, в *Таблице 28* даны прогнозы и целевые ориентиры социально-экономического развития Азербайджана на период с 2020 по 2035 год.

Таблица 28. Прогнозы и нормативно-целевые ориентиры социально-экономического развития Азербайджана (2020-2035 гг.)

Прогнозы и цели по годам Показатели	2013	2020 (целевой ориентир)	2025		2030		2035	
			Прогноз	Целевой ориентир	Прогноз	Целевой ориентир	Прогноз	Целевой ориентир
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Доходы								
1.1. ВВП на душу населения (межд. долл. 2013 г.)	10 854,2	13 000	14 762,8	15 500	16 413,3	18 000	18 063,8	20 000
1.2. Ненефтяной ВВП на душу населения (межд. долл. 2013 г.)	5 639,4	8 100	9 939,8	10 500	11 780,3	13 000	13 620,8	15 000
1.3. Подушевые доходы населения (межд. долл. 2013 г.)	7 200,7	9 900	11 836,0	12 500	13 791,0	15 000	15 746,0	17 500
2. Распределение доходов								
2.1. Средний класс (в % от общей численности населения)	22	26	29	30	32	33	34	36
2.2. Коэффициент Джини	31,7	31,0	30,4	30,2	29,9	29,7	29,5	29,2
2.3. Уровень бедности (в % от общей численности населения)	5,3	4,3	3,3	3,0	2,6	2,3	2,1	1,8

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3. Уровень занятости (удельный вес занятых в общей численности трудоспособного населения, %)	95,0	96,0	–	97,0	–	97,0	–	97,0
4. Социальные расходы и социальное развитие								
4.1. Социальные расходы государственного бюджета (в % от ВВП)	6,6	10,0	–	14,0	–	16,0	–	18,0
4.2. Социальные расходы на душу населения (межд. долл. 2013 г.)	716	1 311	2 067	2 170	2 626	2 880	3 251	3 600
4.3. Средняя пенсия (межд. долл. 2013 г.)	271	500	777	900	1 287	1 800	2 228	3 400
4.4. Индекс развития человеческого потенциала	0,747	0,761	0,769	0,775	0,777	0,780	0,783	0,790
4.5. Ожидаемая при рождении продолжительность жизни (годы)	74,2	74,5	74,9	75,0	75,4	75,5	75,8	76,0

* * *

Азербайджан обладает всеми необходимыми ресурсами – материально-финансовыми и интеллектуальными – для того, чтобы гармонично сочетать рост материального благосостояния с социально-культурным развитием. Для достижения этой стратегической цели необходимо разработать и реализовать целостную и взаимосвязанную долгосрочную социально-экономическую политику, предполагающую – как обязательное условие – вовлечение в общественный прогресс всех социальных групп и слоев населения. Важно, чтобы в ближайшие годы главный акцент в социально-культурном развитии был перенесен с количественных параметров на качественные и с укрепления материальной базы социальной сферы – на собственно социальное развитие.

Для заметок

Для заметок

Şərq East
Qərb West
Şərq-Qərb Nəşriyyat Evi
Издательский Дом Шарг-Гарб

www.eastwest.az
www.fb.com/eastwest.az
info@eastwest.az

Ответственный за выпуск: Севиля Исмаилова
Дизайнер: Наргиз Алиева
Верстальщик: Алекбер Керимов
Редактор: Наргиз Гасымзаде
Технический редактор: Фарида Самедова
Главный редактор: Самира Бекташи
Технический директор: Аллахверди Керимов

Подписано к печати: 19.12.2014. Формат: 70x100 1/16.
Офсетная бумага. Офсетная печать.
Физических печатных листов 17,5. Заказ 14313. Тираж 400

Отпечатано в типографии ОАО «Шарг-Гарб».
AZ1123, Баку, ул. Ашыг Алескера, 17.
Тел.: (+99412) 374 83 43
(+99412) 374 73 84
sharq.qarb@gmail.com